

10/005 W
ISSN 0201-7245

ПК
(0К)

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

ЗАКОННОСТИ

10

11/05/84

Министерство высшего и среднего
специального образования УССР

Харьковский ордена Трудового Красного Знамени
юридический институт им. Ф. Э. Дзержинского

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

ВЫПУСК
10

Республиканский
межведомственный
научный сборник

Основан в 1976 г.

код экземпляра

290200

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения „Вища школа“
1982

Проблемы социалистической законности: Респ. межвед. науч. сб. Вып. 10.-- Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1982. — 145 с.

В сборнике главное внимание уделяется проблемам юридического процесса как комплексной системы упрочения режима социалистической законности. В свете решений XXVI съезда КПСС освещаются актуальные вопросы методологии теории юридического процесса, теоретические и практические аспекты административного, гражданского и уголовного процессов, функции, структура и отдельные разновидности процессуальной деятельности в процессуальных условиях.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Редакционная коллегия: *В. Я. Тацій* (отв. ред.), *М. И. Бару* (зам. отв. ред.), *Ю. М. Грошевой* (отв. секр.), *М. И. Бажанов*, *В. М. Горшенев*, *Л. Я. Носко*, *Р. С. Павловский*, *А. А. Пушкин*, *И. Е. Середа*, *Н. Н. Страхов*, *В. В. Штерн*.

Адрес редакционной коллегии: 310024, Харьков-24, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 40-41-01.

Редакция гуманитарной литературы

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Выпуск 10

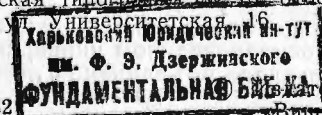
Редактор *К. К. Гулый*
Обложка художника *В. Н. Овчинникова*
Художественный редактор *В. Е. Петренко*
Технический редактор *Г. П. Александрова*
Корректор *Л. А. Ковтун*

Информ. бланк № 6714

Сдано в набор 29.12.81. Подп. в печать 27.04.82. БЦ 09094. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типогр. № 1. Лит. гарн. Выс. печать. 9 усл. печ. л. 9,25 усл. кр.-отт. 10,3 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 1001. Зак. 1698. Цена 1 р. 40 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16,

Харьковская городская типография № 16, 310003, Харьков-3,

1203000000—046

M226(04)—82

426 — 82

Издательское объединение
«Вища школа», 1982

В решениях XXVI съезда КПСС важное место отведено вопросам дальнейшего развития и совершенствования советского законодательства. К первоочередным направлениям законодательной работы съезд отнес улучшение правового регулирования отношений в народном хозяйстве, защиту и реализацию конституционных прав граждан и общественных организаций, завершение издания общесоюзного Свода законов.

Для успешного и эффективного выполнения указанных задач необходим интегративный, комплексный подход к научным исследованиям в этих областях. Один из возможных путей подхода — изучение процессуальных форм и методов применения норм материального права, т. е. разработка генетических и существенных основ теории и практики юридического процесса, что явится одним из условий повышения эффективности работы органов государственной власти и управления по разрешению каждого юридического дела, охране конституционных прав граждан и общественных организаций в сфере правоприменения. Интегративный подход дает возможность представить юридический процесс в качестве целостной системы, раскрыть его способность позитивно влиять на общественные отношения и укрепление режима социалистической законности, определить ведущую роль категории процессуальной формы и взаимосвязь относительно самостоятельных, традиционных и нетрадиционных видов юридического процесса.

В настоящем выпуске сборника подводятся некоторые итоги научных исследований, проводимых учеными-юристами УССР по комплексно-целевой программе «Основные принципы и способы повышения качества юридического процесса как комплексной системы упрочения режима законности в развитом социализме». К числу важнейших направлений относится разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию практики применения гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных норм, направленных на усиление роли правовых гарантий в осуществлении задач социалистического правосудия.

В. М. ГОРШЕНЕВ, д-р юрид. наук

Харьков

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Теория юридического процесса — это системное научное образование, которое имеет свои гносеологические истоки и генетические основания. Прежде всего это такое научное направление в общей теории социалистического права, которое представляет собой попытку найти унифицированное определение всем разновидностям юридической практики как комплексной системы и дать обобщенную картину категориального арсенала, понятийного аппарата, пока еще разобщенного по различным отраслям процессуальной юридической науки — административной, гражданской процессуальной, уголовной процессуальной, советского строительства и т. д. Это необходимо для того, чтобы обеспечить условия оптимального междисциплинарного (межотраслевого) общения, взаимопонимания между общей теорией социалистического права и отраслевыми юридическими науками.

В связи с этим следует напомнить, что в нашей юридической науке уже немало успешных результатов научного поиска унифицированных понятий и обобщений категорий. К числу таких удач относятся, например, формирование теории юридической ответственности, в основе которой лежит учение об уголовной ответственности, теория правонарушения, выведенная из учения об уголовном преступлении и т. д. Обращает на себя внимание то, что эти разделы общей теории социалистического права не встречают каких-либо критических замечаний о недопустимости общих расширительных понятий юридической ответственности и правонарушения, куда в качестве отдельных видов включаются и уголовная ответственность и уголовное преступление. Отсюда очевидно и другое: от таких обобщений несколько не пострадали отраслевые традиции научного моделирования, но общая теория социалистического права и многие другие отраслевые юридические науки несомненно выиграли, они значительно обогатили свой категориальный арсенал. Общая теория социалистического права к тому же усилила свой науковедческий потенциал, свою методологическую функцию.

Далее, теория юридического процесса есть закономерное следствие, естественный результат диалектического и логического завершения научных поисков в исследовании правовых форм государственной деятельности как важнейшего аспекта учения

о соотношении государства и права. Конструктивно, в историческом плане природа таких исследований выглядит следующим образом.

Одними из первых в теории государства и права решение вопроса о правовых формах предприняли С. А. Голунский и М. С. Строгович. Они еще в 1940 г. предложили следующую конструкцию. Функции социалистического государства осуществляются: законодательством — изданием законов Верховным Советом СССР; управлением (административной деятельностью), осуществляемым правительством и ведомственными органами; правосудием, осуществляемым выборными судьями [5, с. 54—56]. Таким образом, каждая правовая форма органически связывалась с определенными органами государства. Указанная концепция не стала стабильной и общепринятой, однако она послужила плодотворным основанием для дальнейших теоретических поисков, которые завершились созданием более стройной и логически обоснованной концепции о правовых формах деятельности органов государства. Заслуга в этом принадлежит прежде всего Н. Г. Александрову и его последователям. Суть данной концепции сводится к тому, что выделяются две основные формы — правотворчество и правоприменение — и в качестве основания такого деления берется отношение этих форм деятельности к действующему праву как социальной реальности [6, с. 41—43].

Двухвидовая характеристика правовых форм деятельности нашла в настоящее время всеобщее признание как в общей теории социалистического права, так и во всех отраслевых юридических науках. Но и на этом дальнейший научный поиск не прекратился. Проводимые исследования в комплексе всего многообразия реальных сфер правового регулирования навели на размышление о том, что, с одной стороны, возможно еще более широкое, смкое и одновременно более профессиональное унифицирование правовых форм деятельности, для чего возможно использовать такую научную категорию, как юридический процесс. С другой стороны, есть также возможность обособления такой правовой формы, которая далеко не укладывается в рамки традиционных представлений о правотворчестве и правоприменении. Такой правовой формой, на наш взгляд, может квалифицироваться учредительная деятельность, отличающаяся своими специфическими особенностями и, следовательно, вполне правомерно претендующая на понятийную индивидуализацию.

Следующим существенным обстоятельством в обосновании теории юридического процесса является потребность выяснить, почему данные категории определяются как «правовые формы» и «юридический процесс». Однако в нашей юридической науке и особенно в ее процессуальных отраслях этот вопрос остается неисследованным. Видимо, есть основания предпринять определенные усилия для того, чтобы восполнить этот пробел.

Установление природы правовой формы деятельности как исходного обстоятельства в понимании юридического процесса возможно, на наш взгляд, только лишь на основе обнаружения и исследования соответствующих признаков, свойств, объективно присущих той или иной форме.

Считаем возможным выделить следующие признаки. 1. Юридический процесс — это правовая форма деятельности, которая выражается в совершении самых различных операций с нормами материального и процессуального права в связи с разрешением и рассмотрением юридически значимого дела, поступившего в производство соответствующего органа государства или должностного лица. 2. Юридический процесс — это правовая форма деятельности исключительно уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных субъектов соответствующих правоотношений. 3. Юридический процесс — это правовая форма деятельности по рассмотрению юридических дел, которые всегда завершаются соответствующим оформлением результатов в правовом акте, официальном документе. Официальность таких документов определяется прежде всего тем, что их природа закрепляется в нормативно-правовых актах. Например, сущность и структура приговора, решения суда закрепляются в гражданско-процессуальном и уголовно-процессуальных кодексах. 4. Юридический процесс — это такая правовая форма, которая порождает целую систему общественных отношений, объективно вызывающих процедурную регламентацию с помощью норм процессуального права. Степень процессуальной регламентации может быть различной. Однако отсутствие последней должно квалифицироваться как пробел в системе права. 5. Юридический процесс — это такая правовая форма деятельности, которая всегда нуждается в услугах юридической техники, объединяющей в себе различные способы приемы, которые обеспечивают эффективность достижения результата в разрешении любого юридически значимого дела. Например, уголовный процесс не мыслится без всестороннего использования криминалистики.

Все указанные свойства характерны прежде всего для юрисдикционных процессов как правовых форм классического порядка. Однако эти свойства в разной степени можно обнаружить и в других правовых формах. Возможно даже подчеркнуть, что они являются вполне естественным достоянием всех форм нетрадиционного процесса, в том числе правотворчества.

Обобщая изложенное выше, можно предложить следующее определение юридического процесса. Юридический процесс — это комплексная система органически связанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении юридического дела иных субъектов права, которая: а) выражается в совершении операций с нормами права в связи с разрешением

определенных юридических дел; б) осуществляется уполномоченными органами государства и должностными лицами в пользу заинтересованных субъектов права; в) закрепляется в соответствующих правовых актах — официальных документах; г) регулируется процедурно-процессуальными нормами; д) и обеспечивается соответствующими способами юридической техники.

Определение понятия, формулировка дефиниции юридического процесса, установление его онтологии, с одной стороны, должно, на наш взгляд, возможно полнее и точнее отразить юридический процесс как реальное явление, как особую разновидность юридической практики, а с другой — сформировать структурный научный конфигуратор этого явления, выделить специфические черты и тем самым создать возможность для дальнейших плодотворных исследований проблем совершенствования законодательства и практики его применения.

Нам также представляется, что выработка единого научного понятия юридического процесса, выделение общего и особенного в его природе, определение структуры и функций имеют не только теоретическое, но и не в меньшей степени — практическое значение. Прежде всего это относится к потребностям формирования цельного, профессионального мировоззрения юристов-практиков и других лиц, выполняющих управленческую функцию. Можно отметить в связи с этим и следующее. Признание самостоятельности теории юридического процесса как комплексного научного образования есть результат поступательного развития науки теории социалистического права. Само становление теории юридического процесса как научного направления имеет весьма существенное назначение: оно должно способствовать формированию профессиональной юридической основы в разнообразном управленческом труде, а точнее — нормативной культуры и дисциплинированности должностных лиц. Последнее важно иметь ввиду потому, что традиционно считается, что только судебная деятельность должна осуществляться при строжайшем соблюдении процедурного порядка, а все иные правовые формы могут с ними и не считаться [3, с. 5]. Такой подход господствует, к сожалению, до сих пор. Однако в конечном счете исследование общих принципов юридического процесса как комплексной системы обеспечит перенесение навыков уважительного отношения к процедурным правилам и к закону вообще, классически отработанных в правосудии, во все другие области государственной деятельности. Потребность в таком перенесении весьма ощутима.

Традиционное представление о процессе как исключительно юрисдикционном имеет глубокие исторические корни и подчас выражается в несколько неуважительном отношении к процедуре и ее неукоснительному соблюдению в неюрисдикционных правовых формах, в позитивном аспекте правового регулирования.

Кроме того, всякие попытки отождествить процедуру позитивного порядка и юрисдикционный процесс расцениваются как недопустимое посягательство на классичность, богатство и содержательность понятия «юридический процесс». Например, отдельные авторы полагают, что «объединение всех видов юридических процедур под рубрикой «процесс» приводит к обескровливанию, выхолащиванию этого богатого и содержательного понятия» [4, с. 123]. Другие ученые квалифицируют попытку расширительного понимания процесса как коренной недостаток этой новой концепции и предупреждают, что если принять ее, «...то под понятие юридического процесса или процессуального права подойдут совершенно различные по своему существу явления ...защита в ученом совете диссертации на соискание ученой степени, проведение и обсуждение результатов обследования деятельности учреждения или организации—все это и многое другое оказывается есть «юридический процесс», поскольку регулируется «процессуальным правом» и облекается в «юридическую процессуальную форму. Мы думаем, что данная концепция (или конструкция) имеет искусственный характер и совершенно не выражает подлинной сущности процессуального права» [7, с. 48].

Согласиться со всеми приведенными упреками в адрес концепции расширительного понятия процесса нельзя по целому ряду обстоятельств. Прежде всего, мнения сторонников традиционного толкования процесса противоречивы и неубедительны. Это особенно обнаруживается в самом определении понятия «процесс», которое они формулируют. Например, М. С. Строгович считает, что процесс есть такая процедура, «...которая разворачивается в виде последовательных, регламентированных, друг с другом связанных, облеченных в определенные правовые формы и к определенной правовой цели направленных действий. Именно так это происходит в судопроизводстве» [7, с. 40]. Но разве процедура защиты диссертации или принятие закона не характеризуются теми же признаками последовательности, регламентированности, связанности и целенаправленности, всеми теми обстоятельствами, которые выделяются в качестве специфичного в юрисдикционном процессе? Несомненно, что все это есть во всяком порядке осуществления полномочий любым органом государства и любым должностным лицом. А сама степень значимости этого порядка нисколько не ниже, чем в судопроизводстве.

Кроме того, можно в связи с этим обратить внимание на два обстоятельства, свидетельствующих о слабости приводимой автором аргументации: во-первых, последовательно утверждается, что процесс есть все же процедура, хотя и не всякая (но главное, как следует из текста, автор убежден, что процесс есть процедура); во-вторых, во взглядах М. С. Строговича обнару-

живается очевидная несогласованность, поскольку в одном месте он говорит о процедуре в широком смысле слова, представляя процесс как особенное понятие, а в другом выделяет из процесса в качестве особенного процедуру и процедурное правило [7, с. 62].

Заслуживает критики и другое четко выраженное замечание автора в адрес представителей нетрадиционного понимания юридического процесса: «Трактовать все как «юридический процесс» и объединять под этим абсолютно все — от порядка выдачи справки в учреждении до порядка деятельности законодательного органа — неверно, ибо это не только не повышает значение порядка в теории и практике применения норм права, но и искажает смысл, придаваемый в теории и практике термину «процесс» [7, с. 43]. На наш взгляд, в данном утверждении автора налицо несколько совершенно очевидных издержек.

Как известно, К. Маркс в оценке роли процедуры в неюрисдикционных формах государственной деятельности придерживался совершенно иных соображений и не допускал какого-либо противопоставления порядка, установленного в судопроизводстве, и порядка в деятельности законодательного органа. Он, в частности, отмечал, что ту роль, которую в суде играет судопроизводство, в законодательных органах выполняют порядок дня и регламент.

Представляется, что М. С. Строгович слишком традиционно подходит к оценке суда как органа государства и не учитывает того важнейшего обстоятельства, что социалистическое государство, как необычный социальный феномен, строится на принципиально иных условиях, несовпадающих с условиями буржуазного государства и его юридических институтов. Если в буржуазном государстве суд является органом, обособленным в силу требования разделения властей, то в социалистическом государстве суд предстает как однопорядковый орган во всей системе государственного механизма и вместе со всеми другими органами государства воплощает в себе уникальное достояние развитого социализма — единство и сплоченность общества.

Кроме того, если все же юридический процесс можно определять через понятие процедуры, то, вероятно, не нужно настаивать на требовании четкого разделения юридического процесса только для юрисдикции и юридической процедуры для неюрисдикционных органов. На наш взгляд, целесообразнее объединиться в поиске общих и особенных моментов юридического процесса как единого комплекса, его составных компонентов, его разновидностей, имеющих, видимо, свои специфические особенности. Тем более что опыт, сам характер традиционного процессуального мышления в большой степени способствовали бы эффективности научного поиска оптимальных способов и форм процедурной регламентации деятельности органов Советского общенародного государства, система которых по

справедливости определяется как «работающая корпорация» разряда лиц, выполняющих управленческие функции. Это в одинаковой мере относится к суду, органам следствия и ко всем другим органам советского государства.

В связи с изложенным выше можно отметить, что концепция традиционного понимания юридического процесса как исключительной деятельности суда имеет существенные недостатки и не отражает реальных тенденций, наметившихся в праве зрелого социализма. Представителям этого научного направления можно адресовать упреки следующего характера. Во-первых, они не желают замечать естественную тенденцию расширяющей процедурной регламентации самых различных сторон государственной деятельности, начиная от правотворчества до порядка выдачи ордера на жилье. Во-вторых, они вольно или невольно способствуют поддержанию социально-психологической атмосферы своеобразного противопоставления суда всем другим органам Советского государства. В-третьих, представители традиционной концепции юридического процесса, к сожалению, еще способствуют поддержанию различного, так сказать, неравнозначного отношения к режиму социалистической законности в охранительной и регулятивной сферах правового регулирования.

Видимо, для существенных изменений в духе, атмосфере юридической науки в современных условиях должно осуществиться определенное смещение (изменение) в культуре мышления ученых-процессуалистов и особенно той группы, которые привыкли к традиционным установкам, препятствующим переосмыслению старой методологии и усвоению новых принципов, установок научного поиска. В этом плане теория юридического процесса как новое направление в юридической науке должно выполнить функцию «возмутителя спокойствия», показывая, на каких участках наметились застой и отставание, где современный уровень знаний дает возможность двигаться вперед быстрее и успешнее [2, с. 56].

В заключение отметим, что определенное внимание ко всестороннему исследованию проблем юридического процесса, к необходимости его широкого понимания в совокупности позволит найти пути и методы дальнейшего повышения эффективности правового регулирования, а следовательно, упрочения режима социалистической законности в современных условиях.

Список литературы: 1. *Маркс К.* Из парламента: предложение Булвера, ирландский вопрос. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 11, с. 374—377. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 3. *Абрамов С. Н.* Советский гражданский процесс. — М.: Госюриздат, 1952. — 420 с. 4. *Алексеев С. С.* Социальная ценность права в социалистическом обществе. — М.: Юрид. лит., 1971. — 282 с. 5. *Голунский Г. А., Строгович М. С.* Теория государства и права. — М.: Юриздат, 1940. — 304 с. Основы теории государства и права/Под ред. *Н. Г. Александрова.*—М.: Юрид. лит., 1963.— 564 с. 7. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности/Под ред. *В. М. Савицкого.* — М.: Наука, 1979. — 320 с.

Поступила в редколлегию 25.05.81.

Харьков

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Повышение эффективности советского законодательства и правового регулирования социалистических общественных отношений вытекает из исторических решений XXV и XXVI съездов КПСС. Этому вопросу большое значение придает и Президиум Верховного Совета СССР, принявший 6 января 1981 г. специальное постановление, в котором обратил внимание на качественную разработку законопроектов [6].

Все это свидетельствует о том, что в процессуальной проблематике способы повышения эффективности и качества юридического процесса, как неотъемлемого элемента упрочения режима социалистической законности, должны занять надлежащее место, причем разработку данной проблемы следует начинать с концептуального осмысления эффективности.

Диалектический метод познания требует рассматривать любое явление в системе социальных связей, а не дискретно, как независимую сущность. Это относится и к характеристике эффективности правового регулирования процессуальных отношений, ибо эффективность, прежде чем служить фактором общественного развития социалистических общественных отношений, выступает как нечто обусловленное. А поэтому эффективность правового регулирования процессуальных отношений в свете категорий диалектики нужно рассматривать как единство прерывного и непрерывного, как явление и как процесс. Это важное в методологическом отношении обстоятельство позволяет наметить инструментальный подход к исследованию и постоянному поддержанию эффективности правового регулирования. Такой подход заключается в рассмотрении эффективности в двух относительно самостоятельных аспектах: а) эффективность как процесс (система условий); б) эффективность как явление (обусловленное).

Поскольку речь идет о проблеме эффективности правовой формы общественных отношений, то нас должны интересовать прежде всего условия ее существования, процесса формирования и функционирования, иначе говоря, процесс становления.

В таком виде поставленная проблема всецело раскрывается как гносеологическая. Для этого достаточно привести слова К. Маркса: «Законодательная функция есть воля не в ее практической, а в ее теоретической энергии. Воля не должна здесь утверждать себя *взамен закона*: ее роль в том именно и заключается, чтобы *открыть и сформулировать* действительный закон» [1, с. 359].

Главный вывод, который из этого следует, состоит в том, что эффективность правового регулирования процессуальных отношений зависит от научной оснащенности принимаемых законодателем решений. Причем, если проследить реализацию знания в поэтапном развитии правовой формы, то можно обнаружить определенное поле приложения данных различных общественных наук. Так, выявление условий существования правовой формы и юридического мотива возможно только посредством фундаментальных общественных наук — марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, социологии. Перевод юридического мотива в юридические принципы (правотворчество) основывается на данных фундаментальных общественных наук, но непосредственной производительной силой и условием эффективности законодательства и процессуального регулирования выступает общая теория права, наука процессуального права. И, наконец, процессу функционирования правовой формы соответствует прикладное юридическое знание, толкование вопросов практики, эмпирические социологические исследования.

Итак, эффективность правового регулирования процессуальных отношений зависит от научной обоснованности формулируемых юридических конструкций. Все это полностью созвучно с решениями XXVI съезда КПСС, который подчеркнул, что строительство нового общества без науки просто невысказано [2, с. 42].

Не ставя в статье задачу исчерпывающе осветить все условия эффективности процессуального регулирования в обозначенном аспекте, выделим лишь те, которые представляются важными и, кроме того, относятся к различным этапам функционирования правовой формы (правотворчеству и процессу реализации норм процессуального права).

Существенным условием повышения эффективности правового регулирования процессуальных отношений является дальнейшее развитие учения о методе правового регулирования. Учет метода в правотворчестве крайне важен, так как позволяет прогнозировать тенденции правового регулирования в той или иной сфере юридического процесса, способствует повышению социальной эффективности законодательства. Однако эта важная проблема не получила должного освещения и разработки в процессуальной литературе. Например, в науке гражданского процессуального права и понятие метода правового регулирования гражданских процессуальных отношений, и его содержание трактуются упрощенно. Под методом понимают приемы, способы воздействия на поведение субъектов гражданского судопроизводства, а содержание характеризуют далеко не полно как метод властных предписаний [3, с. 11]. Исследование метода правового регулирования гражданских процессуальных отношений показывает, что он представляет собой достаточно сложное

структурное образование и выступает как специфический правовой режим при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Учет методов правового регулирования процессуальных отношений необходим при выработке правовых решений по существу, связанных со специфическим содержанием правовой формы и их качественным ростом. Метод правового регулирования гражданских процессуальных отношений определяет следующие тенденции правового регулирования: развитие процессуальной инициативы лиц, заинтересованных в разрешении гражданского дела; усиление их процессуального взаимодействия с судом; совершенствование гражданской процессуальной формы.

Средством повышения эффективности юридического процесса является законодательная техника. Она непосредственно направлена не на то, чтобы «создать» право как адекватную форму общественных отношений. С учетом требований законодательной техники правовая материя подлежит соответствующей обработке и выражению в нормативных актах, что способствует более точной передаче государственной воли в праве, практическому его использованию, а также реальному осуществлению.

Среди множества приемов законодательной техники наиболее существенными для повышения эффективности правового регулирования юридического процесса как комплексной системы и как самостоятельного его вида являются формулирование целей и задач законодательного акта, формулирование в тексте закона принципов права и принципов правового регулирования процессуальных отношений, использование юридических конструкций.

Формулирование задач и целей законодательного акта чрезвычайно важно в законодательстве, регулирующем юридический процесс. Последний, как правило, связан с разрешением споров, защитой прав и интересов граждан и социалистических организаций, а также с осуществлением или реализацией прав и правомочий отдельных социальных субъектов. Поэтому формулирование задач и целей отражает социальную эффективность регулирования, идеалы, которым служит соответствующая отрасль процессуального права.

Данный прием законодательной техники соответствует более высокому уровню развития законодательства. Например, в законодательстве о гражданском судопроизводстве он был реализован только в последней кодификации — в Основах гражданского судопроизводства 1961 г. Здесь формулирование задач и целей явилось следствием глубокого преобразования в содержании гражданского процессуального права применительно к качественно новому уровню развития социалистических общественных отношений.

Любой вид юридического процесса представляет собой сложную систему разнохарактерных и разнопредметных действий

его участников. Это требует формулирования общих положений, в том числе принципов права. Не случайно в процессуальном законодательстве и прежде всего в Основах гражданского и уголовного судопроизводства, а затем в ГПК и УПК союзных республик этот прием законодательной техники использован более полно по сравнению с любым законодательным актом материального права. Формулирования в этих законодательных актах принципов объективно требуют, во-первых, сложность процессуального регулирования, во-вторых, повышение эффективности правосудия по гражданским и уголовным делам и как следствие — усиление интеллектуально-волевого содержания права.

Далее, с учетом того, что в юридическом процессе чаще всего речь идет о спорности права и ответственности, целесообразно использовать в законодательстве приемы законодательной техники, которые отражают перспективу социальной эффективности законодательства и правового регулирования процессуальных отношений. Такие приемы законодательной техники в строгом смысле носят смешанный характер между формулированием задач и целей законодательства и принципов права. В них фиксируются своеобразные для отраслевого законодательства правовые образования, которые на момент их закрепления направлены как бы в будущее, но в них не указаны полностью пределы их социального действия.

Таким специфическим приемом является, например, закрепление в ст. 5 Основ гражданского судопроизводства положения о праве на судебную защиту в широком плане, хотя ст. 4, 6 придают отраслевой контекст его действию. И тот факт, что в ст. 57 и п. 2 ст. 58 Конституции СССР закреплено право на судебную защиту в качестве основного права советских граждан, вне всякого сомнения свидетельствует о дальнейшем развитии социального содержания ст. 5 Основ гражданского судопроизводства.

Повышению эффективности регулирования процессуальных отношений служит чрезвычайно важный прием законодательной техники — использование юридических конструкций. Последние придают нормам логическую стройность, обуславливают последовательность их изложения, способствуют полному, беспробельному, четкому урегулированию общественных отношений. Не менее важное значение для повышения эффективности юридического процесса имеют, как уже отмечалось, некоторые условия функционирования правовой формы. И здесь возникают два вопроса. Как достигается, во-первых, соответствие юридической практики заложенной в нормах процессуального права социальной программе, а во-вторых, — соответствие между законодательством и общественными потребностями, которые так или иначе опережают законодательство.

Разумеется, совершенствование законодательства возможно путем отмены устаревших и принятия новых законов. Совершенствование правоприменительной юрисдикционной деятельности осуществляется также через руководящие постановления пленума Верховного Суда СССР и пленумов Верховных Судов союзных республик*. В них порой формулируются совершенно новые, не содержащиеся в законодательстве противоположения.

Потребность в даче судами руководящих разъяснений возникла как объективная необходимость с первых дней существования советской судебной системы [4, с. 50]. В современный период руководящие разъяснения пленума Верховного Суда СССР имеют особенное значение. Именно в последние пятнадцать лет практика принятия руководящих разъяснений претерпела принципиальные изменения, выразившиеся в том, что они стали приниматься в свете решений съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС, постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, важных событий в жизни советского государства [5, с. 5—67]. В них учитывается развитие экономических, политических и иных общественных отношений, ставятся задачи, вытекающие из данного этапа строительства коммунистического общества. Именно эти постановления пленума Верховного Суда СССР определяют главную социально-политическую линию судебной практики, являясь неотъемлемым условием эффективности правового регулирования. Кроме того, если учесть, что в постановлениях пленума Верховного Суда СССР наряду с нормативными положениями содержатся указания, рекомендации организационного характера, имеющие своей целью совершенствование деятельности судебных органов, то несомненно их исключительная роль в осуществлении правосудия в соответствии с потребностями общественного развития.

Большое значение для юридической практики имеет прикладное юридическое знание, достаточно широко используемое в традиционных юридических процессах, а также конкретные социологические исследования, которые нуждаются в дальнейшем развитии и расширении применительно к иным звеньям юридического процесса как комплексной системы.

Список литературы: 1. Маркс К. К критике гегелевской философии права.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 219—368. 2. Материалы XXVI съезда КПСС.— М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 3. Гражданский процесс / Под ред. К. С. Юдельсона. — М.: Юрид. лит., 1972. — 438 с. 4. Кац С. Ю. Руководящие разъяснения как форма судебного надзора. — В кн.: Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов, 1979, с. 46—56. 5. Сборник постановлений пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977, ч. 1. — М.: Известия, 1978. — 349 с. 6. Правда, 1981, 7 янв.

Поступила в редколлегию 25.05.81.

* Это относится к инструктивным указаниям государственного арбитража.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

С точки зрения диалектической логики определение понятия «юридический процесс», приводимого в юридической литературе, достигается путем раскрытия отношения общего и отдельного, при котором общее выражает существенные стороны отдельного путем выяснения порядка их взаимосвязи. Нельзя представить себе теорию, которая не играла бы методологическую роль в исследовании. Это положение распространяется на разрабатываемую в настоящее время теорию юридического процесса — комплекс обобщенного знания об одной из сторон реальной правовой действительности.

В советской юридической литературе уже неоднократно указывалось на явление «процессуального нигилизма» в юридической науке и практике и обосновывалась необходимость его преодоления [3, с. 4; 4, с. 3]. В решении этой задачи важную роль справедливо отводят юридическому процессу, как специфическому комплексу, заключающему в себе органическое сочетание общих свойств всего целого и особенностей каждого структурного подразделения. Повышение эффективности правового регулирования, научный поиск способов упрочнения социалистической законности требуют всестороннего исследования особенностей правового регулирования общественных отношений, лежащих в основе предмета регулирования процессуально-го права, независимо от того, о какой отрасли права идет речь. А это в свою очередь требует высокого методологического уровня разработки научного исследования вопросов методологии юридического процесса. Методологический подход к данному явлению диктует необходимость определения в первую очередь путей, метода, приемов исследования, взятых в своем диалектическом единстве [1, с. 17].

По наиболее общей классификации методов исследования метод материалистической диалектики является всеобщим. Наличие частнонаучных методов исследования предполагает общенаучную методологию, которая также конкретизируется в зависимости от предмета той или иной науки. Категории материалистической диалектики, правильное их применение к изучаемому явлению позволяют раскрыть содержание комплексного понятия «юридический процесс». На основе анализа сущности и структуры традиционных (гражданского и уголовного) процессов путем обобщения можно прийти к выводу о наличии основных структурных звеньев, элементов процессуальной формы в содержании юридического процесса — процессуальных производств, стадий, режимов. Данные элементы и служат (при

рассмотрении диалектического отношения общего и отдельного) тем общим, которое, являясь результатом обобщения традиционных процессов, в то же время выражает существенные стороны этих процессов, в рамках которых осуществляются соответствующие правовые формы деятельности органов государства и должностных лиц, и тем самым позволяют рассматривать различные правовые формы деятельности в качестве отдельных разновидностей общего (юридического процесса), взятых по тому или иному классификационному основанию. Здесь также проявляется значение метода классификации как вида научной систематизации явлений по общности признаков — наличию элементов процессуальной формы в конкретных разновидностях.

Глубокий анализ содержания данной категории, очевидно, нельзя сделать без частнонаучных методов исследования, которые применяются не изолированно от общенаучного метода, а в органическом единстве с ним. Важную роль играет в теории государства и права сравнительный анализ, позволяющий определить неизвестное путем сравнения с известным [8, с. 11], сравнения содержания юридического процесса с другой правовой формой деятельности органа государства с целью выявления в содержании этой деятельности основных элементов процессуальной формы и признания этой правовой формы деятельности разновидностью юридического процесса. Выведение понятия, классификация и систематизация необходимо связаны со сравнением.

Эффективность любого метода повышается при его сознательном и целенаправленном применении. Так, сравнительный метод в сочетании с другими научными методами является необходимым для совершенствования процессуального законодательства, раскрытия путей рационализации структуры и форм деятельности органов советского государства по применению норм материального права, закрепляющих соответствующие полномочия органов. Здесь необходимо отметить важность функционального подхода к сравнительному исследованию, когда оно начинается «...не с признания определенных норм или институтов в качестве единиц сравнения, а с выдвижения социальной проблемы и уже затем поиска нормы или института, при которых проблема может быть решена» [2, с. 137].

Если изучение права различных периодов истории опирается на использование исторических методов, то исследование будущего социалистического права должно опираться на методы прогнозирования и моделирования, основанные на тех данных, которые мы получаем в результате анализа явления. Так, совершенствование процессуального законодательства, продиктованное необходимостью оптимизации деятельности всех органов государства, осуществляющих различные правовые функции, должно учитывать основные закономерности, выявленные в ре-

зультате анализа различных процессов, объединенные в качестве комплекса однородных требований, элементов процессуальной формы и обязательно присутствующие в структуре юридического процесса.

Анализ содержания юридической процессуальной формы (структурно-функциональный анализ) позволил выделить элементы юридического процесса по предметному основанию, т. е. на основе данного метода стало возможным выделение различных комплексов действий участников процесса, направленных в своем единстве на выполнение определенной функции в процессе. Например, производства правотворческие (по упорядочению, восполнению пробелов, текущему законодательству) либо учредительные, выделенные в результате анализа такой разновидности юридического процесса, как избирательный (производства ординарные, по повторным выборам и т. д.).

При помощи того же метода, очевидно, выделяются и стадии в различных видах процессов и соответствующие процессуальные режимы. Признание за элементами процессуальной формы в конкретных разновидностях юридического процесса определенных функций, выполняемых участниками процесса, должно мотивироваться необходимостью их разработки с целью дальнейшего использования в процессе совершенствования процессуального законодательства. В юридической литературе уже были высказаны точки зрения по вопросу, характеризующему важность разработки процессуальных производств [3, с. 5]. Признается целесообразность разработки вопроса процессуальных стадий, так как считается, что главным основанием для дифференциации процессуальных институтов, получающим закрепление в структуре соответствующих отраслевых законов, служат стадии [6, с. 176].

Характер, степень важности регулируемых процессуальным правом общественных отношений, складывающихся между участниками процесса, очевидно, должна отражаться на всем порядке осуществления уполномоченными органами своих функций, выражаться в характере предписаний, норм, регулирования деятельности участников процесса по осуществлению этих полномочий, создающих соответствующую «напряженность» процессуальной деятельности. Это должны отражать процессуальные режимы, причем здесь необходимо брать весь комплекс факторов, влияющих на поведение участников различных процессов, так как считается, что именно поведение граждан, должностных лиц интересует юристов в первую очередь. Например, В. Н. Кудрявцев, характеризуя конкретно-социологические методы научных исследований в праве, указывает на необходимость учета факторов, которые обуславливают правомерное поведение должностных лиц, применяющих нормы права, лиц, участвующих в правотворчестве и т. д. [7, с. 95—96]. Очевидно, правильный учет всех этих факторов, выясняемых с помощью

конкретно-социологического метода, даст возможность создать наиболее оптимальный вариант урегулирования отношений, складывающихся в процессе реализации норм материального права, отразив это в соответствующих процессуальных режимах деятельности участников того или иного процесса.

Пробелы в некоторых сферах процессуального законодательства требуют активной нормотворческой деятельности, учитывающей многообразие социальных факторов, обусловливающих потребности правоприменительной деятельности. Никакое правотворчество не было бы возможным, если бы оно не стремилось к моделированию процессуальных правовых норм в соответствии со свойствами, закономерностями, наблюдаемыми в структуре юридического процесса, которые процессуальное право должно отражать, упорядочивать.

Усложнение задач, возникающих перед советским государственным аппаратом, предъявляет повышенные требования к содержанию управленческого труда. В юридической литературе вопрос о задачах перевода всего процесса создания и функционирования звеньев государственного аппарата на научную основу возник закономерно [5, с. 189], причем в этом вопросе выделяется задача ритмичного и целенаправленного выполнения задач и функций органов, осуществляющих государственные полномочия. Обеспечение упрочнения режима социалистической законности в их деятельности требует точного и единообразного применения правовых норм с соблюдением установленных законодательством организационных и процессуальных форм.

Список литературы: 1. Алексеев С. С., Керимов Д. А., Недбайло П. Е. Методологические вопросы правоведения. — Правоведение, 1964, № 4, с. 16—28. 2. Боруцка-Арцтова М. Методологические проблемы сравнительных исследований в правовых и иных общественных науках. — В кн.: Сравнительное правоведение/Под ред. В. А. Туманова. — М.: Прогресс, 1978, с. 127—141. 3. Горшенев В. М. Некоторые методологические проблемы теории юридического процесса. — Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. Ярославль, 1977, вып. 4, с. 3—12. 4. Горшенев В. М. О разновидностях юридического процесса в общенародном государстве. — Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1979, вып. 1, с. 3—10. 5. XXV съезд КПСС и вопросы теории государства и права/Под ред. Д. А. Керимова. — М.: Юрид. лит., 1977. — 334 с. 6. Полегина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. — М.: Наука, 1979. — 206 с. 7. Проблемы методологии и методики правоведения. — М.: Мысль, 1974. — 206 с. 8. Тилле А. А., Швецков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. — М.: Высш. школа, 1978. — 198 с.

Поступила в редколлегию 08.12.79.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Обращение к процессуальной форме в правовой действительности всегда представляло собой важную теоретическую и практическую задачу. Однако вопросы в этом направлении разрешались в основном в рамках уголовного, гражданского и отчасти административного процессов [24, с. 21; 14, с. 11; 10, с. 73; 22, с. 51]. В последние годы положение стало меняться, ибо данная проблема, несомненно, приобретает более широкую научную значимость, становясь предметом интенсивных изысканий в области нетрадиционных процессуальных форм и, что наиболее ценно, перемещаясь в область фундаментальных исследований [15; 20; 13; 9; 2; 11; 26]. Методологической основой концепции широкого понимания процесса и процессуальной формы в советском праве служит известное положение К. Маркса о том, что «...материальное право ...имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы» [1, с. 158].

В юридической литературе отсутствует единое понятие процессуальной формы. Например, в упомянутой уже работе Н. А. Чечиной процессуальная форма представлена как совокупность установленных или санкционированных законом правил, регламентирующих порядок осуществления правосудия [24, с. 24]. М. С. Строгович предлагает понимать под процессуальной формой форму совершения предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий и принятия предусмотренных этим законом решений [16, с. 17]. Другие авторы определяют процессуальную форму как установленный законом в целях быстрого и правильного разрешения дел порядок деятельности суда и других лиц [18, с. 12]. Не вступая в полемику по данному вопросу, можно согласиться, на наш взгляд, с наиболее точным определением процессуальной формы как специфической юридической конструкции, имеющей свое непосредственное содержание, свою содержательную структуру и тем самым представляющую собой так называемую внутреннюю форму юридического процесса [6, с. 9].

Процессуальная форма может быть познана лишь тогда, когда мы рассмотрим ее составные компоненты, т. е. она подлежит структурированию на такие элементы, как процессуальные производства, процессуальные стадии и процессуальный режим. Любая форма юридического процесса как целостная система предполагает внутреннюю связь составляющих ее элементов. Однако это не снимает вопроса об унификации отдельных структурных элементов и, в частности, процессуальных производств, стадий и режима.

Процессуальные производства являются наиболее содержательными и емкими элементами процессуальной формы, так как предназначены для вычленения предметной характеристики процесса, его, так сказать, пространственно-объемного измерения и отражают объективную потребность профессиональной специализации деятельности участников юридического процесса.

В литературе по общей теории права категория «процессуальное производство» совершенно не нашла своего обобщения. Однако и в процессуально-отраслевой литературе понятие «производство» еще не отработано и интерпретируется далеко не однозначно. Кроме того что были высказаны мнения о том, что процессуальное производство по объему шире, чем процесс, его определяют и как особую процессуальную форму [12, с. 74], и как деятельность компетентных должностных лиц, органов [4, с. 133], и как административно-процессуальные отношения [25, с. 82]. Термином «процессуальное производство» охватывают фактический состав, совокупность всех процессуальных действий, которые должны быть осуществлены для достижения защиты субъективных прав и принудительной реализации правовых последствий [21, с. 26—32]. Последняя концепция представляет определенный интерес, так как производство понимается как совокупность всех процессуальных действий, способствующих достижению конкретного правового результата, таких действий, которые порождают особый слой общественных отношений в отличие от материальных — процессуальных отношений. Не возникает сомнений и по поводу того, что процесс и производство соотносятся как общее и особенное. Это положение четко закреплено в действующем законодательстве. Так, к примеру, ст. 123—235 ГПК УССР закрепляется исковое производство в гражданском процессе, ст. 236—253 ГПК УССР — производство по делам, вытекающим из административно-правовых отношений, ст. 254—258 ГПК УССР — особое производство.

Процессуальное производство как сложное образование включает в себя компоненты разного уровня и назначения. Конструктивно его можно расчленить на процессуальные правоотношения, способы и приемы доказывания всех фактов, имеющих отношение к рассматриваемому делу и на процессуальные документы, официально закрепляющие получаемые в ходе юридического процесса результаты.

Исходным в составе процессуального производства является процессуальное правоотношение. Именно особенности правовых социальных связей, специфика их конкретного содержания прежде всего определяют индивидуальность и разновидности процессуальных производств. В связи с этим представляется особенно значимым исследование природы процессуальных правоотношений, их состава и функций, поскольку это позволяет не только решать многие теоретические вопросы, но и облегчает задачу формирования рекомендаций для законодательства

и практики его применения. В методологическом плане отправным моментом наиболее верного решения проблемы природы, содержания и назначения процессуальных правоотношений могут послужить выводы юридической науки о так называемых организационных (организующих) отношениях как специфическом уровне в предмете правового регулирования [5, с. 202—220; 7, с. 34—62].

Рамки данной статьи не позволяют обстоятельно исследовать структуру правоотношения — субъекты, содержание (права, обязанности, ответственность участников правоотношения), объекты и юридические факты, — а ведь именно благодаря этим структурным элементам особенно ярко обнаруживается специфика процессуальных правоотношений и, следовательно, основания для выделения разновидностей процессуальных производств.

Общая особенность процессуального доказывания состоит в том, что оно в структуре процессуального производства является как бы технико-юридическим компонентом, в отличие от процессуальных правоотношений, представляющих собой социально-юридическое образование, так как применительно к процессуальному доказыванию речь идет не о нормах процессуального права, а о соответствующих правилах юридической техники, непосредственно причастных к криминалистике. Каждая разновидность процессуального производства имеет соответствующую структуру процессуального доказывания.

Важнейшим элементом любого процессуального производства является официальное документальное закрепление получаемых результатов. Оно осуществляется исключительно с помощью установленной системы официальных правовых документов, характеризующихся прежде всего тем, что они предусматриваются в конкретных законодательных актах. Этот элемент процессуального производства отражает его формально-юридический аспект.

Как указывалось ранее, структуру процессуальной формы, как явления сложного, необходимо характеризовать не только в плане предметной характеристики организационной деятельности различных органов государства, но и с точки зрения общеобязательности соблюдения последовательности осуществления таковыми своих полномочий. Такая последовательность обеспечивается объективно обусловленными процессуальными стадиями, отражающими временную характеристику разбираательства каждого юридического дела.

Отправным моментом и исходной основой для определения стадии как самостоятельного элемента, составляющего структуру процессуальной формы, должно служить расчленение самого процесса с точки зрения непрерывности движения, т. е. постоянного его возобновления и прерывности или распада на следующие один за другим и сменяющие друг друга этапы.

Для более правильного понимания содержания стадий их рассматривают в двух аспектах. Необходимо отличать стадии, составляющие логическую последовательность совершения действий при вынесении правового акта. Эта стадия имеет, если можно так сказать, одномоментный характер и представляет собой, решение простого логического силлогизма, где установление и исследование фактических обстоятельств является малой посылкой, выбор, анализ и установление юридической силы применяемой правовой нормы — большой посылкой, а решение дела, выраженное в акте, принятом органом государства, — умозаключением. Именно в таком плане стадии традиционно рассматриваются и подтверждаются научными исследованиями в общей теории права [4, с. 233—234; 26, с. 20; 8, с. 48—53].

С позиции раскрытия функционального проявления всякой правовой деятельности по отношению к реализации применяемой нормы права, что характерно для отраслевых процессуальных наук, строго разграничивают стадии функционального назначения. Таковыми являются, например, стадии возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, судебного разбирательства и стадия исполнения приговора в уголовном процессе [17, с. 205—206], стадии досудебной подготовки, рассмотрения спора, исполнения решения в гражданском процессе [19, с. 15] или стадии возбуждения административного преследования, рассмотрения дела об административном правонарушении по существу и вынесении постановления о наложении административного взыскания, исполнения данного постановления — в процессе административном [27, с. 907]. Перечисленные стадии отличаются более сложной структурой, они значительно больше по своему объему, имеют специфический круг участников процесса и особые предъявляемые к ним требования. Каждая отдельно взятая стадия функционального назначения состоит из нескольких частных стадий, которые играют роль их количественного «наполнителя» и всякий раз осуществляются со строгим соблюдением общей правоприменительной процедуры. Приведенные соображения свидетельствуют о том, что в пределах одной функциональной стадии объективно выделяется одна или несколько стадий логического характера.

Таким образом, в наиболее обобщенном виде стадия, как самостоятельный элемент процессуальной фермы, если ее рассматривать не изолированно, а в совокупности, взаимосвязи и взаимозависимости с другими стадиями, представляет собой часть временной структуры, состоящей из объективной логической последовательности совершения определенного числа действий по разрешению юридического дела и выступает в качестве определенного этапа, наполненного определенным функцио-

нальным содержанием. т. е. строго установленным законодательством кругом участников, требованиями, которые к ним предъявляются с целью достижения материально-правового результата.

Для уточнения названного положения следует выяснить ту совокупность отличительных признаков, те качественные и количественные оценки, при наличии которых возможно ограничить одну стадию от другой, определить ее автономию. Отправляясь от общетеоретических положений, эти критерии можно определить следующим образом: каждая отдельно взятая стадия характеризуется своими частными специфическими задачами, неисполнение которых препятствовало бы дальнейшему нормальному прохождению процесса; процессуальной деятельности, как правило, присущ различный круг субъектов, функции которых на каждой стадии различны и состоят в решении неодинаковых процессуальных задач; она должна представлять собой совокупность, систему процессуальных действий и отношений, совершаемых в определенных временных границах и последовательности, установленных законом, и обязательно завершается принятием государственным органом или должностным лицом решения, закрепленного в соответствующем правовом акте; всякая последующая стадия является проверочной и взаимодополняющей по отношению к предыдущей и логически продолжает ту деятельность, которая завершена в предшествующих стадиях процесса.

Благодаря разделению юридического процесса на стадии, процессуальная деятельность сосредоточивается на достижении, в первую очередь, ближайших конкретных целей, успешное выполнение которых является залогом эффективного осуществления задач и целей процесса в целом. Смешение же стадий, неправильное их разграничение в повседневной юридической практике может привести к нежелательным последствиям, к нарушению режима социалистической законности.

Следующий элемент, составляющий структуру процессуальной формы и нуждающийся в теоретическом исследовании, — процессуальный режим. В этом плане юридическая наука, литература представлена двумя противоположными позициями. Прежде всего имеет место суждение о том, что режим является дополнительной характеристикой каждой процессуальной формы [23, с. 28]. С другой стороны, процессуальный режим рассматривается как самостоятельный элемент [6, с. 11]. Эта точка зрения мыслится более приемлемой и аргументированной потому, что лишь признание режима в качестве самостоятельного элемента позволяет рассматривать процессуальную форму как композиционно завершенную юридическую конструкцию.

Процессуальный режим — явление сложное, многогранное и имеет свою собственную структуру, включающую в себя принципы как социальные ориентиры, определяющие характер про-

цессуальной деятельности, и юридические гарантии, под которыми понимаются организационно-правовые средства и способы, с помощью которых осуществляется эта деятельность и достигается строгое и неуклонное соблюдение и исполнение законов, обеспечивается охрана прав и законных интересов всех участников процесса. Устанавливая различия между процессуальными принципами и гарантиями, необходимо исходить из того, что между ними существуют тесно взаимодействующие и взаимообуславливающие связи.

Именно требования принципов могут фактически реализоваться лишь при условии, если имеются реальные гарантии их обеспечения и наоборот, если гарантии, которые служат средством проведения в жизнь требований этих принципов, отсутствуют, то сами принципы приобретают лишь формальный характер.

Список литературы: 1. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 119—160. 2. Аكوпова Е. М. О понятии трудового процесса. — В кн.: Проблемы трудового права и права социального обеспечения. М., 1975, с. 160—168. 3. Алексеев С. С. Проблемы теории права, т. 2. — Свердловск, 1973. — 401 с. 4. Вопросы развития и защиты прав граждан.— Калинин: Изд-во Калинин, ун-та, 1977.— 160 с. 5. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. — М.: Юрид. лит., 1972.— 256 с. 6. Горшенев В. М. Некоторые методологические проблемы теории юридического процесса. — В кн.: Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. Ярославль, 1977.— 128 с. 7. Дрейшев Б. В. Правотворчество в советском государственном управлении. — М.: Юрид. лит., 1977.— 160 с. 8. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. — 248 с. 9. Краснов Н. И., Иконникова И. А. Процессуальные вопросы советского земельного права. — М.: Наука, 1975. — 151 с. 10. Клейнман А. Ф. Судебное решение в советской науке советского гражданского права. — Правоведение, 1966, № 3, с. 71—78. 11. Лучин В. Д. Процессуальные вопросы в советском государственном праве. — М.: Юрид. лит., 1976.— 168 с. 12. Марков Е. Н. Правовая культура и процессуальные производства. — В кн.: Правовая культура в юридической практике. М., 1977, с. 171—177. 13. Никитюк П. С. Наследственное право и наследственный процесс (проблемы теории и практики). — Кишинев: Штиинца, 1973. — 258 с. 14. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. — М.: Юрид. лит., 1964. — 158 с. 15. Сахаров П. Д. Землеустроительный процесс в СССР. — М.: Юрид. лит., 1968.— 158 с. 16. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. — М.: Наука, 1979.— 320 с. 17. Советский уголовный процесс/Под ред. Л. М. Корневой, П. А. Лупинской, И. В. Тырычева. — М.: Юрид. лит., 1980. — 568 с. 18. Советское гражданское процессуальное право. — М.: Юрид. лит., 1964. — 536 с. 19. Советский гражданский процесс/Под ред. К. И. Комиссарова, В. М. Семенова, М.: Юрид. лит., 1978. — 431 с. 20. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. — М.: Юрид. лит., 1972.— 239 с. 21. Сталев Ж. Болгарско гражданско процесуално право. — София: Наука и изкуство, 1966.— 743 с. 22. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. — М.: Наука, 1968. — 470 с. 23. Тергышиников В. И. Общетеоретические проблемы процессуальной формы. — В кн.: Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. — Ярославль, 1980, с. 22—28. 24. Чечина Н. А. Нормы права и судебное решение. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.— 78 с. 25. Штефан С. М. Производство по делам об административных правонарушениях, подведомственных органам милиции, как

составная часть советского административного процесса. — Проблемы правоведения. Киев, 1981, № 42, с. 142—145. 26. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. — М. — Юрид. лит., 1976. — 280 с. 27. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 44, ст. 907.

Поступила в редколлегию 19.05.81.

В. Г. КРУПИН

Харьков

О ПРИРОДЕ И РАЗНОВИДНОСТЯХ УЧРЕДИТЕЛЬНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

В период, предшествовавший XXVI съезду КПСС, окончательно сложилась, получила закрепление и в значительной степени была реализована программа общего упорядочения законодательства, обеспечившая поднятие его на качественно новый уровень, характерный для развитого социализма [27; 28, 1976, № 12, ст. 59; 1978, № 2, ст. 8; 1979, № 2, ст. 6]. В Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии сказано, что «новые законы позволяют тоньше, точнее регулировать различные стороны общественных отношений» [1, с. 64]. Эта качественная характеристика советских законов относится в первую очередь к тем положениям Конституции Союза ССР, союзных и автономных республик, а также к целому ряду законов, которые носят процедурно-процессуальный характер и главным образом связаны с осуществлением учредительной, правотворческой и правоприменительной деятельности органов социалистического государства.

Важность разработки проблем порядка, процедурно-процессуальной регламентации различных сфер деятельности государственных органов неоднократно подчеркивалась в советской юридической литературе [4, с. 4—8; 5, с. 3—10; 6, 52—61; 8, с. 9—28; 9, с. 203—238; 11, с. 3—64; 15, с. 3—45; 25, с. 7—16; 26, с. 3—18]. Особое место в этом плане приобретает исследование вопросов процедурно-процессуальной регламентации учредительной деятельности, т. е. деятельности специально уполномоченных на то субъектов, направленной на формирование органов советского социалистического государства. Учитывая, что в основе всякой правовой деятельности лежат соответствующие нормы права, представляется целесообразным начать исследование норм права, регулирующих учредительную деятельность, с установления их природы и основных разновидностей. Такой подход к рассмотрению поставленной проблемы продиктован и некоторыми другими соображениями, в частности тем, что исследование вопросов процедурно-процессуальной регламентации порядка деятельности не может быть в полной мере плодот-

творным без соответствующего уяснения правовой основы учредительной деятельности, позволяющей не только в определенной степени вскрыть ее правовую природу, но и определить значение, место, особенности учредительных норм, их связи с другими элементами структуры советского права.

При попытке классификации норм советского социалистического права в нашей юридической литературе иногда выделяют нормы, связанные с процедурой формирования органов государства, относя их в зависимости от тех или иных оснований к материальным [24, с. 355], процессуальным [10, с. 19—26; 11, с. 152—153; 12, с. 7], основополагающим [23, с. 49], закрепляющим или регулирующим [18, с. 22; 21, с. 6]. Предпочтительным, на наш взгляд, является такой подход, когда эти нормы обозначаются как учредительные [3, с. 12; 14, с. 13], что уже в самом своем наименовании оттеняет наиболее существенные стороны их назначения, связанного с процедурой формирования органов государства.

Анализируя нормы социалистических конституций и иных нормативных актов, отдельные ученые-правоведы приходят подчас к выводу о том, что этим нормам присущи учредительные свойства, что они носят учредительный характер и обладают учредительными функциями. Однако следует отметить, что в конкретном решении этой проблемы обнаруживаются два диаметрально противоположных по своей природе и содержанию направления. Одно из них связывает сущность учредительности конституционных норм с «закреплением юридически определенных положений и состояний, носящих абстрактный характер» [14, с. 7], с определением конкретных институтов политической власти [13, с. 13], с обновлением права [7, с. 43]. Другое сводит учредительный характер конституционных норм в основном к установлению процедуры, порядка формирования органов государства [19, с. 50; 22, с. 38—40].

Представляется, что, выступая регуляторами общественных отношений, учредительные нормы в процессе своей реализации способствуют созданию стройной системы органов государства и обеспечивают ее надлежащее состояние в соответствии с требованиями социалистического и коммунистического строительства. Иными словами, учредительные нормы, с одной стороны, определяют процесс создания органов советского социалистического государства, а с другой — отражают процесс постоянного воспроизводства их системы как в целом, так и ее отдельных структурных подразделений или образований.

Вместе с тем следует отметить, что учредительные нормы, регулирующие процесс формирования органов государства, до настоящего времени не являлись предметом пристального внимания ученых, занимающихся разработкой проблем системы советского права, не говоря уже о выделении этих норм в отдельный блок в качестве составного элемента структуры права.

Ярким свидетельством этого являются имеющиеся в научной литературе монографические исследования, посвященные структуре права и системе законодательства [2, с. 9—257; 16, с. 3—203; 17, с. 3—324]. Одновременно следует учитывать, что без установления места учредительных норм в структуре советского права невозможно считать это образование композиционно завершенным.

Рассмотрим более подробно статус и положение учредительных норм в структуре советского права. Анализ действующего законодательства, регулирующего процесс формирования органов социалистического государства, и в первую очередь таких нормативных актов, как Закон о выборах в Верховный Совет СССР, Регламент Верховного Совета СССР, Закон о выборах в местные Советы народных депутатов и т. п., позволяет, на наш взгляд, выделить целый комплекс норм, регулирующих порядок формирования органов государственной власти, исполнительно-распорядительного аппарата, которые имеют нечто общее, выделяющее их в отдельную нормативную общность. Эта общность учредительных норм обусловлена целым рядом факторов, например, предметной целостностью и характером входящих в нее нормативных предписаний; особенностями целей и задач, стоящих перед ней; отличительными чертами правомочий, возлагаемых ею на субъектов формирования органов государства; специфичностью выполнения ею основной функции, а именно, функции формирования органов государства, должностных лиц и иных субъектов советского социалистического права. Без учета специфики этой функции и других особенностей учредительных норм, на наш взгляд, невозможно не только выделить их в особый блок структуры советского права, но и более полное отражение «технологии» процесса формирования органов социалистического государства.

Что же представляет собой общность учредительных норм как специфический элемент структуры советского права? Думается, что охватывая правовым регулированием совокупность общественных отношений, связанных с формированием органов государства, исследуемая общность является своеобразным блоком в структуре советского права, так сказать, блоком не иерархического и не отраслевого, а исключительно функционального назначения. Выступая средством реализации конкретной цели, учредительные нормы являются такими элементами структуры права, которые, обслуживая потребность порядка формирования органов государства в функциональном аспекте, входят в состав различных отраслей советского права, например государственного, административного и др.

Отсюда можно сделать вывод, что положение учредительных норм в структуре права определяется прежде всего их межотраслевой принадлежностью. Однако нельзя не учитывать

и другую сторону их положения, в основном связанную с осуществлением ими основной функции применительно к одной из организационно-правовых форм деятельности органов социалистического государства — учредительной деятельности. Определяя правовой режим формирования органов социалистического государства, учредительные нормы в своей совокупности выступают в качестве комплексного правового института, который в общем и целом определяет содержание учредительной деятельности, регламентирует порядок ее осуществления, устанавливает основные и вспомогательные средства, способы правового регулирования процесса учреждения органов государства.

Одновременно следует отметить, что в состав учредительного правового института могут включаться нормы различных уровней: нормы материального права, преимущественно закрепляющие цели и содержание формирования органов государства, компетенцию субъектов учредительной деятельности, и нормы процессуального права, отражающие порядок, определенную процедуру, процесс реализации материальных учредительных норм.

В зависимости от путей воздействия на общественные отношения учредительные нормы могут быть классифицированы и по другим основаниям. Например, от специфики выполняемой ими функции, направленной на достижение определенного учредительного результата, эти правовые нормы могут быть подразделены на три группы: нормы, регулирующие процесс формирования органов государственной власти; нормы, определяющие формирование исполнительно-распорядительного аппарата; нормы, закрепляющие создание правоохранительного аппарата. В зависимости от среды, объема действия учредительных норм и характера их проявления можно выделить следующие: общие учредительные нормы, характерные для целого ряда общественных отношений в сфере формирования органов государства; специальные учредительные нормы, отражающие специфику отдельных моментов формирования государственного аппарата; исключительные учредительные нормы, устанавливающие порядок создания органов государства в особых ситуациях.

Будучи связанными с формированием органов государства, учредительные нормы отличаются от регулятивных и правоохранительных прежде всего тем, что они характеризуются своей строгой предметностью, а именно, исключительностью порядка формирования органов государства. Все это дает основание говорить об учредительных нормах, регулирующих процедурно-процессуальную деятельность органов государства, как об особой и специфической общности в структуре советского права, закрепленной в различных нормативных актах. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением

отдельных ученых, полагающих, что учредительным характером обладают исключительно нормы социалистических конституций [22, с. 38—39]. Есть больше оснований поддержать тех, которые утверждают, что «наряду с конституционными нормами, указанными качествами могут обладать и нормы текущего законодательства, и даже нормы, содержащиеся в незаконодательных актах [20, с. 72—73]. Например, рассматривая вопросы совершенствования аппарата управления, способы решения Советом Министров СССР проблем организационной структуры, отдельные ученые приводят конкретные положения учредительной деятельности Совета Министров СССР, показывают учредительные свойства и характер норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР, отдельно в постановлениях Совета Министров СССР [28, 1976, № 12, ст. 59; 1979, № 2, ст. 6], причем специально отмечается, что «во всех случаях речь идет о конкретных учредительных нормах» [3, с. 12].

Представляется также целесообразным подчеркнуть, что конкретные учредительные нормы содержатся не только в конституциях Союза ССР, союзных и автономных республик, но и в законах Союза ССР, союзных и автономных республик, постановлениях и распоряжениях правительств — и так вплоть до решений и распоряжений органов государственной власти и управления. Более того, целый ряд важнейших законов Союза ССР, союзных и автономных республик, регулирующих организацию и деятельность Верховного Совета СССР, союзных и автономных республик, правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, Верховных Судов Союза ССР, союзных и автономных республик, прокуратуры, государственного арбитража, адвокатуры СССР обладают конкретным процедурно-процессуальным содержанием и содержат в себе много учредительных норм, регулирующих процедуру, порядок формирования упомянутых органов государства.

Приведенные соображения относительно правовой природы учредительных норм и их разновидностей в советском праве несомненно будут способствовать оптимальному решению отдельных проблем процедурно-процессуальной регламентации учредительной деятельности, искоренению имеющихся в этой области недостатков правового регулирования, выработке полезных выводов для совершенствования практики осуществления этой деятельности, дальнейшему развитию и укреплению ее правовой основы, а тем самым и преодолению до сих пор встречающегося нигилистического отношения к вопросам унифицированного понимания юридического процесса. Предлагаемое понимание учредительных норм одновременно позволит уяснить глубинные процессы учредительной деятельности, а также в полной мере оценить важность и значимость выделения учредительных норм, исключительно связанных

с процедурно-процессуальным регулированием процесса формирования органов социалистического государства.

- Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—223 с. 2. *Алексеев С. С.* Структура советского права. — М.: Юрид. лит., 1975.—261 с. 3. *Бахрах Д. Н.* Совет Министров СССР и совершенствование аппарата управления. — Правоведение, 1980, № 1, с. 10—84. 4. *Горшенев В. М.* Некоторые методологические проблемы теории юридического процесса. — Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1977, вып. 4, с. 3—12. 5. *Горшенев В. М.* О разновидностях юридического процесса. — Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1979, вып. 1, с. 3—10. 6. *Дрейшев Б. В.* Правотворчество в советском государственном управлении. — М.: Юрид. лит., 1977.—158 с. 7. *Коток В. Ф.* О предмете и источниках конституционного права социалистических стран. — В кн.: Конституционное право социалистических стран. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 3—109. 8. *Краснов Н. И., Иконницкая И. А.* Процессуальные вопросы советского земельного права. — М.: Наука, 1975. 151 с. 9. *Кутафин О.* Плановая деятельность советского государства: Государственно-правовой аспект. — М.: Юрид. лит., 1980.—238 с. 10. *Лучин В. О.* Процессуальные нормы в советском государственном праве. Сов. гос-во и право. 1974, № 1, с. 19—26. 11. *Лучин В. О.* Процессуальные нормы в советском государственном праве. — М.: Юрид. лит., 1976.—176 с. 12. Порядок формирования органов государственного управления. — М.: Госюриздат, 1963.—183 с. 13. *Мартыненко П. Ф.* Социалистическая конституция — непосредственно действующее право. — Проблемы правоведения. Киев, 1979, № 39, с. 3—17. 14. *Основин В. С.* Особенности конституционных норм. — Сов. гос-во и право, 1979, № 4, с. 12—19. 15. *Побирченко И. Г.* Разрешение хозяйственных споров и защита хозяйственных прав. — В кн.: Хозяйственное процессуальное законодательство. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1976, с. 3—45. 16. *Поленина С. В.* Теоретические проблемы системы советского законодательства. — М.: Наука, 1979.—203 с. 17. Система советского законодательства/ Под ред. *И. С. Самошченко.* — Юрид. лит., 1980.—324 с. 18. Советское государственное право/ Под ред. *Е. И. Козловой, В. С. Шевцова.* — М.: Высш. школа, 1978.—435 с. 19. Советское конституционное право/ Под ред. *С. И. Русиновой, В. А. Рянжина.* — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.—463 с. 20. *Спасов Б.* Конституция и Народное представительство в Народной Республике Болгарии. — М.: Прогресс, 1977.—301 с. 21. *Тихомиров Ю. А.* Проблемы теории социалистической конституции. — Сов. гос-во и право, 1978, № 2, с. 3—12. 22. *Фарбер И. Е., Ржевский В. А.* Вопросы теории советского конституционного права. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967.—317 с. 23. *Шабайлов В. И.* Правовые нормы в управлении социально-культурным строительством. — Сов. гос-во и право, 1976, № 3, с. 45—51. 24. *Шеремет К. Ф.* Проблемы компетенции местных органов государственной власти в СССР: Дис. ...д-ра юрид. наук. — М.: 1969.—474 с. 25. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. — М.: Юрид. лит., 1976.—275 с. 26. *Юсупов В. А.* Правоприменительная деятельность органов управления. — М.: Юрид. лит., 1979.—135 с. 27. Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 51, ст. 764. 28. СП СССР, 1976, 1978, 1979.

Поступила в редколлегию 16.05.81.

**СТРУКТУРА КОНТРОЛЬНОГО ПРОЦЕССА И МЕСТО В НЕМ
ПРАВООБЯЗАТЕЛЬНЫХ АКТОВ**

Решения XXVI съезда КПСС требуют усиления эффективности контрольной функции как официального вида практики всех органов Советского социалистического государства, основа деятельности которых состоит в соединении законодательства, управления и контроля [2, с. 64].

При определении природы контрольного процесса необходимо исходить из того, что он — сложное, комплексное, полиструктурное явление; это разновидность организационного выражения правовой формы реализации норм материального права; однородная последовательная, протекающая во времени, наиболее целесообразная логическая юридическая процедура осуществления контрольной функции. Как комплексное явление, контрольный процесс состоит из ряда взаимосвязанных и взаимообуславливающих элементов: контрольно-процессуальных производств, стадий, режима.

Контрольно-процессуальные производства можно различать по субъектному составу, по времени проведения контроля, по направленности контрольных действий, по цели контроля и др. Например, отграничиваясь от субъектного состава, контрольные производства можно разделить на: а) контроль со стороны органов государственной власти; б) контроль органов государственного управления; в) контроль правоохранительных органов; г) общественный контроль; д) непосредственный контроль.

Исходя из того, на какой стадии деятельности объекта производится контроль, обычно выделяют: а) предварительный; б) текущий; в) последующий контроль. В соответствии с другими основаниями различают также внутренний (внутриведомственный), внешний (межведомственный), общий и специальный контроль.

Внутренняя структурная логика контрольных действий, их технология позволяют представить контрольный процесс как определенную очередность стадий, составляющих замкнутый цикл. Контрольный процесс можно разделить на следующие стадии: подготовительная, установления фактических обстоятельств дела: анализ фактов, т. е. сопоставление фактического исполнения с намеченными целями, принятыми решениями; оценка допущенных отклонений с точки зрения социалистической законности и целесообразности; стадия выработки и принятия решения, рекомендации или же информации компетентным органам о своих выводах и предписаниях по со-

вершенствованию деятельности подконтрольных объектов и исполнение решения, принятого по результатам контроля. Эти стадии проявляются по-разному в зависимости от субъектов, объектов контроля, его целей, форм и методов осуществления, от видов контрольных производств и жесткости процессуального режима, но в любом случае разрыв цикла, выпадение из него отдельных стадий отрицательно сказываются на конечной результативности контрольной функции.

Для контрольного процесса необходима наиболее целесообразная оптимизация жесткости процессуального режима в зависимости от отдельных производств и на различных стадиях. Степень процессуального режима контрольной деятельности, характер предписаний процессуальных норм, степень определенности процессуальных действий и последствий, детализированность процессуальных требований, объем прав и обязанностей субъектов контроля должны быть менее жесткими, чем в судебной деятельности. Надо иметь в виду, что контрольный процесс не должен основываться на требованиях детальной конкретизации. Это обеспечит конкретно-индивидуальный подход и оперативность в контрольной деятельности и обстановку целесообразного благоприятствования для оптимального осуществления контрольной функции.

Сущность процедурно-процессуальной формы контрольной деятельности обнаруживается в целом ряде признаков. Прежде всего это такая совокупность властных действий, которые основаны на выполнении операций, предусмотренных нормами материального права. Осуществляя свои функции, контрольные органы сверяют фактическое состояние дел на подконтрольном объекте и поведение различных субъектов с нормативно-правовыми предписаниями и в случае обнаружения неправомерного поведения отдельных субъектов приводят в действие правоохранительные средства.

Для совершения определенных действий органы контроля наделены юридической компетентностью, т. е. совокупностью нормативно-правовых предписаний, определяющих вид и меру властного воздействия на подконтрольные объекты, нацеленного на достижение положительного и правоохранительного результата в контрольной деятельности. Кроме того, в своей деятельности контрольный орган преследует достижение определенного юридического результата и соответственно выносит решение как акт применения права. Этим актом контрольный орган оформляет результат своей деятельности. Основное назначение правоприменительных актов в контрольном процессе — обеспечивать оптимальные условия реализации правовых норм в конкретных жизненных ситуациях, а также способствовать возникновению, изменению или прекращению у конкретных участников контрольного процесса соответствующих

субъективных прав, юридических обязанностей либо юридической ответственности [4]. В связи с тем, что правоприменительные акты выполняют определенную динамическую функцию в контрольном процессе, к ним предъявляется целый ряд требований, обеспечивающих их оптимизацию. Всю совокупность требований, по нашему мнению, можно разложить на три основные блока; требования, предъявляемые к самой личности правоприменителя как субъекту, обеспечивающему нормальное течение контрольного процесса; требования, предъявляемые к контрольной деятельности как к деятельности компетентного органа (лица) по применению норм права; требования, предъявляемые к форме контрольного акта, в котором эта деятельность правоприменителя находит свое выражение (закрепление).

Известно, что обеспечение квалифицированности актов применения зависит прежде всего от правоприменителя, так как он непосредственно в процессе своей деятельности использует специальные профессиональные знания и практический опыт, осуществляя их перевод на язык конкретных решений. Немаловажное значение имеет и требование компетентности правоприменителя. В. И. Ленин учил: «...чтобы управлять, нужно быть компетентным...» [1, с. 215]. При этом следует различать юридическую и профессиональную компетентность. Требование профессиональной компетентности означает, что субъект-правоприменитель должен обладать специальными знаниями и опытом соответствующей деятельности. Немаловажное значение имеют и наличие у субъекта правоприменения опыта, его мировоззрение, интеллектуальные, морально-этические данные, уровень образованности и т. д. [6].

Второй блок требований, предъявляемых к контрольной деятельности, объединяет следующие требования: объективное и полное исследование фактических обстоятельств; строгое соблюдение контрольным органом норм материального права; принятие решения в пределах компетенции контрольных органов и в установленных законом процессуальных формах; обеспечение законности контрольной деятельности; привлечение трудящихся масс и их общественных организаций в обеспечении законности актов применения права; обеспечение права обжалования незаконных актов; установление строгой юридической ответственности должностных лиц за вынесение незаконных актов [3].

Сформулированные требования, предъявляемые к контрольной деятельности и принимаемым актам применения права, следует отграничивать от требований, предъявляемых непосредственно к правоприменительным актам-документам.

Несмотря на все многообразие, к актам-документам применения права предъявляется ряд общих требований, которые

позволяет назвать их законными, обоснованными и всесторонними. Например, требования законности и обоснованности прямо указаны в законе (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства, ст. 323 УПК УССР. Они являются общим правовым свойством правоприменительных актов-документов и относятся как к самому содержанию решения, так и к его форме. Это обуславливает их взаимосвязь, когда сама форма правоприменительного акта как документа должна находиться в неразрывной связи с теми правовыми и нравственными требованиями, которым должно отвечать содержание акта применения права для признания его законным, обоснованным и всесторонним. Вместе с тем оформление акта-документа представляет собой в известной мере самостоятельное завершающее правоприменительное действие, поэтому невозможно и самостоятельное рассмотрение тех требований, которым должна отвечать форма решения. К требованиям, предъявляемым к форме правоприменительного акта, в котором контрольная деятельность находит свое выражение (закрепление), можно отнести следующие: правоприменительный акт должен быть издан на основе и в соответствии с применяемыми нормами, т. е. носить подзаконный характер; он должен быть принят компетентными органами государства или уполномоченными общественными организациями в пределах предоставленной им компетенции; вынесен при условии точного соблюдения норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению в данном случае; содержать индивидуально-конкретные предписания, обращенные к персонально-определенным лицам; носить государственно-властный характер; вызывать возникновение, изменение или прекращение определенных правоотношений, подтверждать наличие или устанавливать отсутствие материально-правовых отношений; служить одним из средств выполнения организующей и творческой деятельности советского государства; выноситься в определенном порядке и быть выраженным в установленной законом форме.

Оформление принятого решения в документе — это самостоятельное действие, завершающее акт применения права, что находит воплощение в определенном письменном документе [5]. В правоприменительном акте должно указываться: от какого органа или лица исходит соответствующий правоприменительный акт; дата принятия акта применения права; какому конкретно лицу адресуется данный правоприменительный акт; в чем состоит существо решения вопроса; в соответствии с какими фактическими материалами принято данное решение; на основании какого закона или подзаконного акта принят данный правоприменительный акт; конкретное авторство правоприменительного акта.

менительного акта-документа; сроки вступления (исполнения) акта применения в силу; указания на юридические последствия.

Немаловажное значение приобретает и сама форма изложения содержания правоприменительного акта, он должен отвечать требованиям: конкретности, краткости, четкости, ясности, грамотности изложения, отсутствие словооборотов, не имеющих определенной смысловой нагрузки. Все это делает акт-документ понятным тем, которым он адресован и всем тем, кому он становится известным.

Это позволяет прийти к выводу, что в правоприменительном акте-документе должен быть заложен весь тот практический и юридический материал, который позволяет охарактеризовать его как законный, обоснованный и всесторонний.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—223 с. 3. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: Теоретические вопросы. — Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1973.—247 с. 4. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1975.—205 с. 5. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. — М.: Юрид. лит., 1973.—646 с. 6. Право и социология. — М.: Наука, 1973.—356 с.

Поступила в редколлегию 25.05.81.

Е. В. Д О Д И Н, д-р юрид. наук

Одесса

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРОФИЛАКТИКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОСТУПКОВ

В правовой науке наметилось два подхода к понятию профилактики: однако группа авторов полагает, что профилактика заключается в целенаправленной деятельности государственных органов и общественных организаций по выявлению, изучению и устранению причин правонарушений [5; 8; 2], другая считает, что суть профилактики как особого средства борьбы с правонарушениями — предотвращение возможных, но еще не совершенных правонарушений [8, с. 286]. В последние годы вторая точка зрения находит все больше сторонников, и это не случайно, поскольку включение в объем профилактики мероприятий по выявлению и изучению причин правонарушений и условий, им способствующих, нарушает целостность предметов криминологии и деликтологии, ведет к неоправданному расширению предмета профилактики. В целом ряде законодательных актов и партийных документов профилактика пра-

вонарушений рассматривается как деятельность по их предупреждению [1].

В связи с изложенным профилактику правонарушений следует понимать как деятельность, направленную на устранение, блокирование или нейтрализацию причин и условий правонарушений.

Профилактика в нашем обществе стала главным направлением в борьбе с правонарушениями, однако совершенствование профилактических мер и средств происходит лишь в направлении предупреждения и искоренения преступности. И это встречает критическое отношение на страницах печати. А. Б. Сахаров вполне обоснованно указывает, что «независимо от того, считать ли предметом изучения криминологии только преступность или наряду с ней ее «фоновые» явления (пьянство, наркоманию, аморальное поведение, туеядство, детскую безнадзорность), криминологическая профилактика не может не касаться подобных явлений. В противном случае нельзя говорить ни о какой ранней профилактике и все сведется к уголовно-правовым мероприятиям. Более того, коль скоро социальное предупреждение преступности предполагает воздействие на широкий комплекс различных социальных условий — экономических, демографических, социально-психологических и т. д. ...должно в той или иной мере касаться всех явлений, которые так или иначе связаны с преступностью, питают ее, способствуют совершению преступлений» [9, с. 8]. Несомненно, профилактика административной деликтности играет важную роль в предупреждении и исключении преступности. На эту сторону административной профилактики неоднократно указывали и ведущие представители административно-правовой науки [4; 6].

Однако отношение правовой науки к профилактике административной деликтности как во «вспомогательной», «сопутствующей», «обеспечивающей» профилактику преступности, налагает свой отпечаток и на ее организацию на практике. Составляемые в настоящее время в соответствии с рекомендациями криминологов планы профилактики правонарушений в регионе (области, районе) [3] вообще не содержат разделов о профилактике административных проступков, что существенным образом снижает эффективность предотвращения правонарушений.

Профилактику административной деликтности следует рассматривать не в качестве составной части предупреждения преступности, как это делается в настоящее время, а как самостоятельный вид профилактики правонарушений. Признание данного факта обусловит поиск и практикой и наукой оптимальных специфических средств превенции административных проступков.

Используемые в настоящее время средства профилактики административных проступков сложились в ходе борьбы с этими видами правонарушений и в определенной степени получили свое законодательное закрепление. В связи с этим считаем необходимым высказать несогласие с утверждениями о том, что «профилактика правонарушений присуща только социалистическому обществу» [11, с. 31]. Профилактика правонарушений имманентно присуща социалистическому обществу. Развитой социализм лишь обусловил ее превращение в главное направление борьбы с правонарушениями. История законодательства, регламентирующего борьбу с административными проступками, и практика его применения являются ярким подтверждением того, что Коммунистическая партия и Советское государство всегда уделяли внимание всем формам и видам профилактики [2, с. 323].

Новый этап в профилактике административных проступков наступил с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях. Статья 1 Основ, определяя задачи законодательства об административных правонарушениях, указывает, что одной из них является «...предупреждение правонарушений, воспитание граждан в духе точного и неуклонного соблюдения Конституции СССР и советских законов». Статья 4 Основ возлагает на государственные органы, общественные организации, трудовые коллективы обязанность разработки и осуществления мероприятий, направленных на предупреждение административных правонарушений. Эти мероприятия могут быть самого различного характера — законодатель не дает их исчерпывающего перечня. В практике деятельности органов государства и общественных формирований сложились следующие группы мер, направленных на превенцию административных проступков: хозяйственно-экономические; социально-политические; культурно-воспитательные; организационно-управленческие; технические.

Особое место в системе мер профилактики административных проступков занимают правовые меры. Их отличие от иных профилактических мер состоит в том, что они четко определены законодателем и используются в предусмотренных им случаях.

Правовые меры профилактики в свою очередь подразделяются на материально-правовые и процессуальные. Вторая группа мер применяется с соблюдением процессуальных норм. Конечно, и сам административный процесс, в частности производство по делам об административных правонарушениях, является важнейшим средством профилактики. Статья 31 Основ указывает, что это производство должно обеспечить предупреждение правонарушений, воспитание граждан в духе соблюдения законов. Это достигается в первую очередь по-

средством выполнения правоприменяющим органом предусмотренных законодателем требований о своевременном, всестороннем, полном и объективном выяснении обстоятельств каждого дела, разрешения его в точном соответствии с законодательством и обеспечении исполнения вынесенного постановления. Сам факт вынесения обоснованного и законного постановления по делу имеет важное превентивное значение, причем не только для лица, признанного виновным, но и для окружающих лиц.

Повышению общепревентивного значения постановления способствует соблюдение положения ст. 36. Основ об открытом рассмотрении дела. Вместе с тем законодатель предусматривает и специфические меры профилактики административных проступков, подлежащие оформлению в соответствии с требованиями процессуальных норм. В их числе особое место принадлежит официальному предостережению о недопустимости антиобщественного поведения. Эта мера была определена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» [2]. Согласно п. 15 Указа этой мере предшествует привод в органы милиции, который может быть осуществлен, в частности, в отношении лиц, систематически допускающих нарушения общественного порядка и другие правонарушения, не повлекшие за собой применение мер административного наказания. В нашей правовой науке нет единого взгляда на характер официального предостережения. Одни авторы рассматривают эту меру как меру пресечения [10, с. 60]. Представляется, что вторая точка зрения более обоснована, поскольку функцию пресечения выполняет привод, а функцию профилактики — предостережение. Но эта функция реализуется в особой процессуальной форме с обеспечением прав и законных интересов лиц, которым делается такое предостережение. Законодатель допускает официальное предостережение в качестве самостоятельного, а также дополнительного акта и лицам, привлеченным к административной ответственности, и лицам, которым суд определил наказание, не связанное с лишением свободы.

В литературе высказывались соображения относительно нецелесообразности использования предостережения в качестве дополнительной меры [7, с. 242]. Представляется, что они имеют под собой определенную почву — сам факт наложения административного или уголовного наказания имеет превентивный характер, и вынесение еще одного акта вряд ли усилит профилактическое воздействие на нарушителя.

В числе процессуальных средств профилактической деятельности должно быть названо и административное задержание. Оно производится, как следует из ст. 33 Основ, в случаях, прямо предусмотренных законодательными актами Союза ССР и союзных республик, в целях пресечения административных право-

нарушений. Административное задержание, следовательно, по своему характеру является мерой пресечения, однако оно обладает важными профилактическими свойствами, предупреждая продолжение противоправного поведения.

Говоря о предусмотренных законодателем официальном предостережении и административном задержании как о средствах профилактики, нельзя не видеть их индивидуальной направленности: они воздействуют в первую очередь на нарушителя с целью исправления его нравственной деформации, приведшей к совершению правонарушения. Важным достижением советской криминологии является вывод о том, что эта деформация имеет своим источником условия социального характера.

Сказанное означает, что надлежащее выполнение правоприменяющими органами своей обязанности по предупреждению проступков с использованием, как требует ст. 31 Основ, административного производства, предполагает их воздействие на причины и условия, приведшие к деформации сознания правонарушителя. Однако оказывается, что никакими полномочиями правоприменяющие органы не обладают. Уголовно-процессуальное законодательство, ставя перед судебными органами задачи предупреждения преступлений при рассмотрении уголовного дела, наделяет эти органы правом вынесения частных определений, посредством которых суды могут принимать меры для блокировки или нейтрализации причин и условий, приведших к преступным проявлениям. Практика свидетельствует о высокой эффективности данного процессуального института. Представляется целесообразным наделить и органы, осуществляющие процесс по делам о проступках, правом вынесения подобного рода актов, тем более, что отдельные правоприменяющие органы уже используют его в своей деятельности.

Список литературы: 1. Постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями». — Правда, 1979, 10 сент. 2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 28, ст. 323. Административный кодекс УССР. 3. *Кардаполов Ю. Ф.* Социальное планирование укрепления правопорядка: проблемы и возможности: Тезисы выступления на координационном совещании. — Рига, 1979; *Звирбуль В. К.* Роль социального планирования в предупреждении правонарушений. — М.: Знание, 1977.—48 с. 4. *Клюшниченко А. П.* Производство по делам о мелком хулиганстве. — Киев, 1970.—121 с. 5. *Лекарь А. Г.* Профилактика преступлений. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.—48 с.; *Голик С. Я., Михайлов Б. П., Петров Э. И.* Организация профилактики правонарушений. — М.: Юрид. лит., 1976.—108 с. 6. *Лобзиков В. П. Овчинский С. С.* Административно-правовые меры предупреждения преступности. — М.: Юрид. лит., 1978.—205 с. 7. *Рябов Ю. С.* О практике осуществления привода для регистрации и официального предостережения нарушителей общественного порядка в органах внутренних дел.— Труды ВКШ МВД СССР, 1974. 8. *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. — М.: Юрид. лит., 1978.—468 с. *Сахаров А. Б.* Ме-

тодологические, методические и организационные проблемы социального планирования борьбы с преступностью. — Вопросы борьбы с преступностью, 1980, № 32, с. 6—18. 10. Серегин А. В. Административная ответственность за нарушение общественного порядка — М.: Юрид лит., 1968.—160 с. 11. Тихомиров Д. Е. Психология восприятия моральных и правовых норм.— Киев: Знание. — 48 с.

Поступила в редколлегию 23.05.81.

И. Г. ПОБИРЧЕНКО, д-р юрид. наук

Киев

ПРЕДМЕТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Концепция хозяйственного процессуального права встречается в юридической литературе по-разному. Положение о существовании в системе советского права самостоятельной отрасли хозяйственного процессуального права, получившее как отмечают К. С. Юдельсон и И. М. Зайцев, поддержку многих ученых [19, с. 109], по мнению В. К. Мамутова, является важным теоретическим выводом, имеющим большое практическое значение [19, с. 108]. В то же время это положение встретило со стороны ряда ученых принципиальные возражения. Они сводятся прежде всего к тому, что дискуссионна отраслевая автономия хозяйственного материального права, формой применения, которого является хозяйственное процессуальное право [18, с. 145]. Противники признания хозяйственного права самостоятельной отраслью исходят из того, что принятые в 1961 г. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, равно как и изданные на их основе гражданские кодексы союзных республик, придают гражданскому законодательству и известном смысле универсальный характер. О том, что универсальность Основ гражданского законодательства и гражданских кодексов не получила подтверждения на практике, свидетельствует оценка состояния правового регулирования хозяйственной деятельности, данная Л. И. Брежневым. В речи перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 14 июня 1974 г. Л. И. Брежнев отметил, что «...длительное время этим вопросам не уделялось должного внимания и в результате тут накопилось много нерешенных проблем» [3, с. 15]. Новое кодифицированное гражданское законодательство не смогло обеспечить правового регулирования хозяйственной деятельности, а хозяйственное законодательство развивается за его пределами.

Пути развития хозяйственного законодательства определены в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июня 1975 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства» (КПСС в резолюциях..., т. 12, с. 20—25). Теперь уже и некоторые противники концепции хозяйственного права признают необходимость разработки

и принятия Основ хозяйственного законодательства СССР [7, с. 43—51], рассматривают хозяйственное законодательство как одну из важных и первостепенных отраслей советского законодательства, предметом которого являются возникающие в сфере материального производства организационно-управленческие отношения между социалистическими организациями и их вышестоящими органами и имущественные отношения между социалистическими организациями. Именно из такого понимания предмета правового регулирования исходит современная концепция хозяйственного материального права, для подтверждения обоснованности которой, как отмечает В. М. Горшенев, есть много оснований и обстоятельств [11, с. 24].

Процесс совершенствования хозяйственного законодательства, в котором еще более отчетливо проявляется органическая взаимосвязь плановых и товарных начал, — достояние последних лет. Совершенствование правового механизма социалистического хозяйствования находится в центре постоянного внимания Коммунистической партии и Советского правительства. И если отдельные положения концепции хозяйственного права еще недавно расходились с реальной действительностью, то одни проблемы уже сегодня получили практическое разрешение, другие будут решены в ближайшее время. Примером тому могут служить нормы принятых в последние годы положений о промышленных и производственных объединениях и многих других нормативных актов. Речь идет поэтому не о необходимости создания хозяйственного права, а о признании реально существующего качественного своеобразного юридического режима социалистических хозяйственных отношений. Этот режим начал складываться с возникновением социалистического народного хозяйства и объективно существует, независимо от его субъективного восприятия.

Отрасль же хозяйственного процессуального права, будучи процессуальной формой материального хозяйственного права, как и любая форма, обладает способностью обратного воздействия на содержание. Поэтому признание хозяйственного процессуального права самостоятельной правовой процессуальной отраслью способствует в то же время уяснению реализуемых с его помощью норм материального права, совокупность которых составляет отрасль материального хозяйственного права.

Предметом хозяйственного процессуального права являются общественные отношения, складывающиеся при непосредственном урегулировании предприятиями, учреждениями и организациями возникающих между ними хозяйственных споров, рассмотрения и разрешения хозяйственных споров органами государственного и ведомственного арбитража, а также иными органами хозяйственного руководства в целях усиления охраны социалистической собственности; укрепления

хозяйственного расчета; усиления режима экономии и устранения потерь в народном хозяйстве; повышения роли хозяйственного договора; развития рациональных хозяйственных связей и сотрудничества между предприятиями, учреждениями и организациями; содействия динамичному, планомерному и пропорциональному развитию народного хозяйства; ускорения научно-технического прогресса; повышения эффективности общественного производства и качества работы. Социальная ценность хозяйственного процессуального права в том и состоит, что она не ограничивается нормативным регулированием правосстановительной деятельности.

Предварительной обязательной стадией хозяйственного процесса является претензионный порядок непосредственного урегулирования хозяйственных споров самими сторонами. Хозяйственные споры могут передаваться на разрешение юрисдикционных органов лишь после принятия сторонами мер к непосредственному их урегулированию. При урегулировании спора самими сторонами хозяйственный процесс заканчивается, и претензионный порядок урегулирования хозяйственных споров характеризуется как завершенная процессуальная форма. В случаях, когда в результате принятия мер стороны непосредственно в претензионном порядке не урегулировали хозяйственный спор, последний по заявлению заинтересованной стороны либо ее вышестоящей организации передается на разрешение компетентного юрисдикционного органа. В таких случаях хозяйственный процесс продолжается в одной из двух процессуальных форм разрешения хозяйственных споров: арбитражной либо в порядке подчиненности, для которых претензионный порядок урегулирования хозяйственных споров является предварительной стадией. Большое значение для упорядочения претензионной формы урегулирования хозяйственных споров имеет Положение о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями и урегулирования разногласий по хозяйственным договорам, утвержденное Советом Министров СССР 17 октября 1973 г. Неотделимость процессуальных норм, регулирующих претензионный порядок урегулирования хозяйственных споров, от отрасли хозяйственного процессуального права подтверждается также и тем, что право давать разъяснения по применению этого Положения Совет Министров СССР делегировал центральному органу по разрешению хозяйственных споров — Государственному арбитражу при Совете Министров СССР.

Между тем в правовой литературе высказано мнение, согласно которому процедура претензионного урегулирования хозяйственных споров определяется нормами материального а не процессуального права, объясняемое возможностью ликвидации спора без специального юридического аппарата [9; 13]. Представляется, однако, что природу процессуальных норм

вряд ли можно ограничивать деятельностью юрисдикционных органов, ибо как справедливо подчеркивалось в юридической литературе, материальные нормы, определяя правомочия и обязанности субъектов права, устанавливают, что следует сделать для их осуществления, а процессуальные нормы указывают, как, каким образом, в каком порядке они могут быть реализованы [16, с. 297].

Присоединяясь к выводу о признании отраслевой автономии хозяйственного процессуального права, Т. Е. Абова считает, что данная правовая отрасль находится в состоянии становления, ибо нет еще урегулированного законом порядка разрешения хозяйственных споров высшестоящими органами и отдельными ведомственными арбитражами [4, с. 117—118]. С этим согласиться нельзя. Дело в том, что составной частью процессуальных норм, совокупность которых образует отрасль хозяйственного процессуального права, являются процессуальные нормы, регулирующие порядок разрешения хозяйственных споров органами арбитража. Эти нормы не есть достояние последних лет, они возникли с учреждением в нашей стране в 1922 г. арбитражных комиссий, преобразованных затем в арбитражи. Процессуальные нормы, регламентирующие арбитражный процесс, постоянно развивались и совершенствовались, а компетенция арбитража расширялась, что обусловило необходимость выявления их отраслевой правовой природы. Некоторые ученые рассматривают их в качестве составной части административного [17, с. 58] либо гражданского процессуального права [12, с. 112].

Определяющим признаком отраслевой природы процессуальных норм является их взаимосвязь с материальными правоотношениями, в случае нарушения нормального хода или необходимости установления которых возникают регулируемые этими нормами процессуальные правоотношения. При этом мы исходим из классической формулы К. Маркса, согласно которой *«...материальное право... имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы»* [1, с. 158].

Разделяя обоснованное мнение тех правоведов, которые считают, что деятельность органов арбитража по рассмотрению и разрешению хозяйственных споров предметом гражданского процессуального права не охватывается [6, с. 73], мы не согласны с теми, кто рассматривает арбитражный процесс в качестве подотрасли административно-процессуального права. И дело не в том, что наличие системы органов арбитража, имеющих исключительную компетенцию и специальную процедуру разрешения хозяйственных споров, дает основания для признания арбитражного процесса самостоятельным, а прежде всего в том, что форма процесса производна от отрасли материального права, нормы которого в этом процессе реали-

зуются. И коль скоро арбитражный процесс не является составной частью гражданского процесса (говорить о том, что он представляет собой форму реализации норм административного материального права, не приходится), закономерен вывод: совокупность процессуальных норм, регулирующих процедуру рассмотрения и разрешения хозяйственных споров в арбитраже, составляет самостоятельную отрасль процессуального права.

П. В. Логинов, впервые указавший на существование этой самостоятельной процессуальной правовой отрасли, называет ее отраслью арбитражного процессуального права [14, с. 97]. Такое наименование названной отрасли процессуального права вызывает возражение уже потому, что «процессуальное право, призванное обслуживать потребности реализации норм материального права, является производным от последнего и имеет к нему всегда подчиненный, вспомогательный характер» [10, с. 27]. Казалось бы, из этого положения исходил и П. В. Логинов, отмечая, что арбитражное процессуальное право должно находиться в полном соответствии с теми нормами хозяйственного права, которые регулируют хозяйственные отношения [14, с. 98]. На производность норм, регламентирующих порядок разрешения арбитражем хозяйственных споров, от отрасли хозяйственного права еще ранее указывал Г. М. Свердлов [15, с. 13].

Дискуссия о признании либо непризнании самостоятельной отраслью совокупности норм, регулирующих разрешение хозяйственных споров, продолжается, однако наличие соответствующего блока нормативных предписаний — объективная реальность. Этот блок состоит прежде всего из норм, содержащих в таких специальных актах, как Закон СССР «О государственном арбитраже в СССР», Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами, положения о государственных арбитражах СССР и союзных республик, об арбитражах министерств, государственных комитетов и ведомств и др. Их можно называть нормами арбитражного процесса, как и нормы гражданского процесса — нормами процесса судебного. Но отрасль процессуального права, которая образуется их совокупностью, именовать отраслью арбитражного процессуального права нельзя, ибо она производна от отрасли материального права, нормы которой призвана реализовать, а не от наименования органов, осуществляющих их применение. Хотя, как справедливо отметил В. М. Горшенев, эта производность прослеживается не прямо, а через правоприменительную деятельность уполномоченных на то органов [10, с. 27].

Вот почему можно считать что есть все основания для признания совокупности норм, регулирующих процедуру разрешения хозяйственных споров в арбитраже, самостоятельной отраслью

хозяйственного процессуального права. К такому же выводу пришел и В. Н. Ганеев, с той лишь разницей, что он ограничивает хозяйственное процессуальное право арбитражным процессом [9, с. 11], в то время как, по нашему мнению, эта отрасль охватывает и нормы, регламентирующие процедуру разрешения хозяйственных споров самими сторонами, а также вышестоящими органами в порядке подчиненности.

Поддерживая вывод, согласно которому совокупность норм, регулирующих процедуру разрешения хозяйственных споров, представляет собой самостоятельную отрасль хозяйственного процессуального права, А. А. Добровольский отдает предпочтение позиции В. Н. Ганеева (не соглашаясь с ним лишь в названии данной отрасли, называя ее, как и П. В. Логинов, арбитражным процессуальным правом), возражая против включения в эту отрасль претензионного порядка урегулирования хозяйственных споров самими сторонами и разрешения спора вышестоящим органом в порядке подчиненности, поскольку они выходят за рамки арбитражного процесса [8, с. 13—15]. В правовой литературе эта точка зрения подвергнута справедливой критике [5, 51—59].

Материальная правовая природа хозяйственных споров не изменяется ни от того, что его рассматривает и разрешает государственный или ведомственный арбитраж либо вышестоящий орган хозяйственного руководства, ни от предмета или объема материально-правовых притязаний. Взять, к примеру, хозяйственный спор по поводу взыскания неустойки за недопоставку продукции, подлежащий разрешению в органах государственного арбитража при сумме иска не менее 100 р., если спорящие стороны подчинены разным министерствам. Этот же спор между предприятиями одного объединения будет рассматривать руководство объединения, а между предприятиями разных объединений одного министерства — ведомственный арбитраж. Такой же спор при сумме иска не менее 100 р. разрешает вышестоящий по отношению к должнику орган.

Что касается единства правовой природы органов арбитража и вышестоящих органов спорящих сторон, то оно определяется ее управленческим характером. Объективная необходимость арбитража — органа хозяйственного руководства — в условиях такой новой формы руководства социалистической экономикой, как договорная система, не вызывает сомнений. Это подтверждается не только историей развития советского арбитража, но и опытом зарубежных социалистических стран.

В советской правовой литературе господствует мнение, согласно которому арбитраж имеет управленческую природу, хотя некоторые правоведы придерживаются иного взгляда. Р. Ф. Каллистратова исходит, в частности, из того, что арбитраж

раж отличается от органов управления сочетанием правоохранительной функции и элементов управленческой деятельности, а также тем, что для органов управления разрешение хозяйственных споров составляет второстепенную функцию, в то время как для арбитража это основная форма деятельности, распространяя этот вывод и на ведомственный арбитраж [13, с. 66—67].

Как отметила Т. Е. Абова, Р. Ф. Каллистратова оставляет без внимания то, что ведомственный арбитраж — структурное подразделение органа управления, мнение же о том, что разрешение хозяйственных споров составляет незначительную часть его деятельности, не опирается на практику, а потому бездоказательно. Права Т. Е. Абова и в том, что признает сомнительным само противопоставление управленческой и правоохранительной деятельности, а также неверным — сведение управления к исполнительно-распорядительной деятельности, ибо исключать правоохранительный характер в деятельности органов хозяйственного руководства нельзя [4, с. 113—114]. Развитие законодательства об арбитраже в народном хозяйстве дает достаточно оснований не только для признания этого взгляда несостоятельным, но и для подтверждения вывода о том, что арбитраж является функциональным органом хозяйственного руководства. В пользу такого вывода свидетельствует и ст. 27 Закона СССР «О Совете Министров СССР». Законом СССР «О государственном арбитраже в СССР», постановлением Совета Министров СССР от 7 августа 1970 г. «О повышении роли органов государственного арбитража и арбитражей министерств и ведомств в народном хозяйстве», новыми положениями о государственных арбитражах определены задачи органов арбитража. Сопоставляя эти задачи с задачами центральных отраслевых органов государственного управления народным хозяйством — министерств СССР, — которые определены в Общем положении о министерствах СССР, нетрудно обнаружить тождество ряда из них, например: защита охраняемых законом интересов предприятий, учреждений и организации; выполнение заданий государственного плана и строгое соблюдение государственной дисциплины, повышение эффективности общественного производства; единообразное и правильное применение законодательства; обобщение практики применения действующего законодательства и разработка предложений по его совершенствованию; укрепление хозяйственного расчета и др. Это значит, что на арбитраж возложены задачи, свойственные органам хозяйственного руководства.

Органы хозяйственного руководства обеспечивают выполнение возложенных на них задач путем осуществления различных функций управления, одна из которых — разрешение хозяйственных споров между подчиненными им предприятиями-

ми, учреждениями и организациями. Арбитраж также выполняет возложенные на него задачи путем осуществления функций разрешения хозяйственных споров. Именно этим и определяется характер управленческой по своему содержанию деятельности арбитража.

В соответствии с решениями XXVI съезда КПСС работа по совершенствованию законодательства о руководстве народным хозяйством является одной из первоочередных [2, с. 64].

Список литературы: 1. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже жеса. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 119—160. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 3. Брежнев Л. И. Все для блага народа, во имя советского человека. — М.: Политиздат, 1974.—24 с. 4. Абова Т. Е. Проблемы арбитража в новейших трудах советских ученых. — Правоведение, 1974, № 5, с. 112—119. 5. Абова Т. Е. Формы защиты прав хозяйственных органов. — Сов. гос-во и право, 1974, № 11, с. 50—53. 6. Абова Т. Е., Мельников А. А. Предмет гражданского процессуального права. — Правоведение, 1969, № 1, с. 71—77. 7. Алексеев С. С., Яковлев В. Ф. О совершенствовании хозяйственного законодательства. — Сов. гос-во и право, 1975, № 6, с. 41—51. 8. Арбитражный процесс в СССР/Под ред. А. С. Добровольского. — М., 1973.—264 с. 9. Ганеев В. Н. Сущность арбитражной формы защиты прав: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — Ростов н/Д., 1981. — 22 с. 10. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук.—Свердловск, 1968. 36 с. 11. Горшенев В. М. О ответственности в советском праве — Проблемы соц. законности. — Харьков, 1980, вып 6, с. 18—27. 12. Зейдер Н. Б. К вопросу о предмете и системе советского гражданского процессуального права. — Правоведение, 1962, № 3, с. 110—115. 13. Каллистратова Р. Ф. Государственный арбитраж. — М., 1973. — 198 с. 14. Логинов Н. В. О соотношении норм материального права и арбитражного процесса. — Сов. гос-во и право, 1967, № 1, с. 92—99. 15. Рад. право, 1974, № 7. 16. Сов. гос-во и право, 1974, № 7. 17. Свердлов Г. М. К истории хозяйственного и гражданского законодательства. — М., 1969. — 265 с. 18. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства/Под ред. С. И. Братуся, И. С. Самощенко. — М., 1969.—418 с. 19. Чечет Д. М. Субъективное право и формы его защиты. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.—124 с.

Поступила в редколлегию 25.05.81.

П. В. ЛОГИНОВ, д-р юрид. наук

Москва

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Постановка данной проблемы обусловлена необходимостью выявления предмета индивидуализации в гражданском процессе и тех признаков, на основании которых можно судить о тождестве дел при решении вопроса о принятии искового заявления, о прекращении производства по делу или при установлении преюдициальной силы ранее вынесенного решения для другого спора.

Элементы иска как отправное начало при определении их тождества неоднократно анализировались многими юристами. Однако эта проблема решалась и ныне решается в отрыве

от сущности иска [см. 5, с. 11] и без необходимой связи с практикой его применения. Такой метод исследования не мог не отразиться на правовой лексике законодателя при издании Основ гражданского судопроизводства и ГПК союзных республик. Свое подтверждение это находит в том, что с принятием указанных актов дискуссия об элементах иска в гражданском процессе продолжается с новой силой в поисках верного решения проблемы тождества дел в гражданском процессе.

Приступая к рассмотрению данного вопроса, обратимся, к теории гражданского процесса и законодательству.

1. Одним из средств реализации конституционного права граждан СССР на обращение в суд за защитой принадлежащих им личных, имущественных, семейных и иных прав и законных интересов является иск. Правовая основа иска в гражданском процессе такова, что имеет часто процессуальную природу, поскольку требование истца к ответчику, вытекающее из личных, имущественных, семейных и иных прав, является предметом защиты, в отношении которого реализуется право на обращение в суд за судебной защитой.

Право на обращение в суд за судебной защитой и право заинтересованного лица заявлять определенные требования к обязанному лицу по договору или закону существенно отличаются друг от друга по направленности, содержанию и цели; их осуществление регулируется различными отраслями права — материальными и процессуальными. Гарантированное Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик право на обращение в суд за защитой гражданских и иных прав образует содержание процессуального института; материально-правовое требование истца к ответчику — содержание субъективного права. В первом случае обращение является средством защиты, во втором — предметом защиты.

Следовательно, иск как средство защиты, несмотря на тесную связь его с материальным правом, нельзя определять как двустороннее явление путем включения в него материально-правового признака — спорного правового требования истца к ответчику, подлежащего рассмотрению по существу в заседании суда. В противном случае «материально-правовое требование одного лица к другому» окажется, с одной стороны средством защиты, а с другой — предметом защиты. Думается, что такого быть не может.

Сам факт обращения истца в суд с заявлением свидетельствует о том, что требование истца к ответчику является не средством, а предметом защиты. Если бы притязание само по себе способно было защитить выраженное в нем нарушенное или оспариваемое право, т. е. могло быть средством самозащиты, то не было бы смысла в обращении истца к суду. Однако это не согласуется с тем, что «...право есть ничто без

аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права» [1, с. 99].

С учетом сказанного понятие иск представляет собой обращение в суд заинтересованного лица посредством подачи искового заявления для защиты в предусмотренной законом форме нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса.

2. Определяя иск на основе признания взаимной отраслевой самостоятельности права и процесса как чисто процессуальное средство защиты субъективных прав и законных интересов, нельзя опираться на традиционное представление об элементах иска и о предмете индивидуализации в гражданском процессе при определении тождества дел. В юридической литературе принято считать, что предметом индивидуализации в гражданском процессе является иск, содержание которого выражается в его составных частях, в элементах иска [6, с. 109; 2, с. 51]. Но такой подход противоречит понятию иска.

Термин «элемент» обозначает составную часть какого-либо целого; элемент — это то, без чего нет целого. Следовательно, при определении составных частей иска, образующих его содержание, должны быть указаны все элементы иска.

Если считать, что иск как средство защиты субъективного права представляет собой единое понятие, которое имеет две стороны: процессуально-правовую — обращение в суд о защите нарушенного или оспоренного права и материально-правовую — требование истца к ответчику [3, с. 57], и что элементы определяют его содержание, то в каждом иске, исходя с позиции сторонников материально-правового понимания его сущности должно быть минимум четыре элемента (два предмета и два основания) или шесть, если способ защиты относится к числу элементов иска. Между тем в юридической литературе содержание иска раскрывается посредством двух элементов, относящихся к требованию истца, обращенному к ответчику.

Таким образом, решение вопроса о тождестве дел в гражданском процессе путем индивидуализации исков по двум его элементам не соотнобразится с понятием иска как двусторонним требованием истца. В этом и состоит неопровержимое доказательство несостоятельности критикуемого взгляда на понятие иска, его структуру и предмет индивидуализации в гражданском процессе при определении тождества дел.

3. Неприемлемость высказанной в литературе точки зрения на структуру иска очевидна. Поэтому В. К. Пучинский предложил свое решение вопроса об элементах иска, которое увязал со структурой нормы права, с ее элементами [4, с. 46]. Однако и здесь элементы иска определяются вне всякой связи с его сущностью. Конструкция иска строится на шаткой ос-

нове, на структуре правовой нормы, относительно которой во взглядах ученых нет единства. Выбранный автором путь исследования элементов иска методологически неправилен: он субъективен, так как каждый ученый и практик вопрос об элементах иска будет решать с учетом своих представлений о структуре юридической нормы. Этот прием, вопреки утверждению автора, открывает дорогу не для решения, а для возникновения множества других проблем.

Автор предлагает при сопоставлении гражданских дел с целью установления их тождества или преюдициальной силы ранее вынесенного решения для нового спора индивидуализировать иски по трем элементам — предмету, основанию и способу защиты [4, с. 4, 52]. Надо полагать, что такую рекомендацию суды не смогут взять на вооружение: помимо того, что она не вытекает из закона, она научно необоснованна. Цель иска, его направленность, как правильно указывает А. А. Добровольский, видна из характера спорного требования истца к ответчику, т. е. способ защиты полностью определяется предметом иска, а не его «третьим элементом» [6, с. 111]. Например, в требовании истца о взыскании долга наглядно выражены цель иска, способ защиты — «присуждение к исполнению обязанности»; в требовании истца о признании наличия или отсутствия определенного правоотношения или его изменении способ защиты проявляется в признании ответчиком спорного права за истцом, чтобы он не чинил помех истцу в нормальном пользовании правом, в прекращении или изменении правоотношения [см. ст. 6 Основ гражданского законодательства].

4. Разногласия в доктринальных разработках основных проблем иска естественно вызывают вопрос, что является предметом индивидуализации в гражданском процессе — иск как процессуальное средство защиты или «иск» как требование истца к ответчику (предмет иска), или, наконец, спор между сторонами. Четкий ответ на поставленный вопрос содержится в законе. Предметом индивидуализации в любой стадии гражданского процесса является спор (п. 3—6 ст. 129; п. 3—7 ст. 219 ГПК), а не иск, что бы под ним ни понимали: обращение истца к суду о защите права, или только материально-правовое требование истца к ответчику, или то и другое вместе взятое.

Обращение истца к суду, которое по сути является средством защиты нарушенного права, имеет, разумеется, свое содержание; при желании его можно разбить на элементы по каким-либо признакам, например по однородности или направленности действий истца, совершаемых им при обращении в суд. Однако действия истца поэлементно или в целостной их совокупности для индивидуализации спора, как и са-

мого иска, не имеют никакого значения. Из каких бы частей ни состояло обращение истца в суд о защите субъективного права, каким бы ни было его содержание в целом, нет смысла в делении процессуального средства защиты на составные части (элементы) для индивидуализации споров, так как суть иска всегда остается той же, каким бы образом ни менялось требование истца к ответчику. Нет оснований также говорить о том, что предметом индивидуализации в процессе является требование истца к ответчику, которое, по мнению А. А. Добровольского, служит «и средством возбуждения процесса и предметом деятельности суда» [2, с. 12]. Требование, в каком бы значении оно ни выступало, не может быть предметом индивидуализации в гражданском процессе при определении тождества дел; оно не может быть и признаком индивидуализации спора (см. п. 3 ст. 129 ГПК).

Требование как термин многозначно по содержанию. Применительно к гражданскому процессу оно обозначает действие, притязание, повеление, просьбу и в каком бы значении ни выступало, выражает лишь то, что надо защитить — право истца на получение долга, взыскание алиментов, возвращение вещи, — т. е. право, нарушенное или оспариваемое ответчиком. Именно это право, а не требование (действие, притязание и т. д.) является предметом защиты и признаком индивидуализации спора, который именуется предметом спора (см., например, п. 3 ст. 219 ГПК).

Итак, с полным основанием можно утверждать, что нет никакого смысла в индивидуализации исков и делении их на элементы: теоретически эти действия суда не обоснованы, законодательством не предусмотрены, практически ничего не дают. При определении тождества гражданских дел сравниваются споры, которые индивидуализируются по трем признакам: сторонам, предмету и основанию.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33. 2. Добровольский А. А., Иванова С. И. Основные проблемы исковой формы защиты права. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 3. Добровольский А. А. Право на иск и право на удовлетворение иска. — В кн.: Вопросы развития и защиты прав граждан и социалистических организаций. — Калинин, 1978. 4. Пучинский В. К. Элементы иска в советском гражданском процессе. — Сов. гос-во и право, 1979, № 3. 5. Советский гражданский процесс /Под ред. А. А. Добровольского. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 6. Советский гражданский процесс / Под ред. А. А. Добровольского. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Поступила в редколлегию 28.12.79.

О ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ СУДУ СПОРОВ ОБ УВОЛЬНЕНИИ РАБОТНИКОВ ПО ИНИЦИАТИВЕ АДМИНИСТРАЦИИ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 ГОДА

Граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами (ст. 39 Конституции СССР). Среди всех прав ведущее место занимает право на труд (ст. 40), поскольку оно затрагивает самые основы жизни советских людей.

В развитом социалистическом обществе содержание права на труд становится более широким и значительным. Оно включает право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой и образованием гражданина. «Партия и государство, — говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии товарищ Л. И. Брежнев, — прилагали и прилагают много усилий, чтобы сделать труд человека не только более производительным, но и содержательным, интересным, творческим» [2, с. 57].

Богаче и весомее стали стоящие за правом на труд материальные гарантии, играющие решающую роль в его реализации. Однако они не могут сами по себе, автоматически обеспечить неуклонное осуществление закона, восстановление нарушенных прав и наказание виновных [10, с. 20]. Для этого материальные гарантии права на труд дополняются системой специальных (юридических) гарантий, среди которых наиболее существенными являются гарантии судебной защиты прав советских граждан. Это закреплено в ст. 57 Конституции СССР. Именно благодаря такой обеспеченности, как правильно отметил М. И. Бару, «...право на труд предполагает не просто гарантированную работу, а *спокойную и уверенную* (выделено нами. — П. Р.) гарантированную работу» [8, с. 36].

Правосудие в СССР согласно ст. 151 Конституции СССР осуществляется только судом, деятельность и демократизм которого определяется такими конституционными принципами, как выборность судей, коллегиальность рассмотрения дел, независимость судей и народных заседателей, подчинение их только закону, осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом, гласность судопроизводства, национальный язык судопроизводства.

Суд занимает особое положение среди других правоохранительных органов. Его деятельность имеет наиболее высокую степень законодательной регламентации, осуществляется в специфической детально разработанной гражданской процес-

суальной форме, наиболее авторитетна (решения выносятся от имени Советского государства), а поэтому и наиболее гарантирует установление объективной истины, защиту прав и интересов граждан при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Именно с учетом этого Конституция СССР значительно расширила право граждан на судебную защиту и, в частности, права на труд. Так, в ст. 58 сказано, что в суд могут быть обжалованы в установленном законом порядке действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан. Однако, несмотря на такое высокое положение суда среди правоохранительных органов, судебный порядок защиты права граждан на труд не является единственным. Здесь применяются и иные формы защиты, при выборе которых законодатель учитывает не только субъективные, но и в первую очередь объективные факторы.

Нельзя, например, полностью отказаться в настоящее время от административного порядка разрешения трудовых дел, поскольку характер некоторых трудовых правоотношений требует, чтобы разрешение трудовых споров производилось наиболее оперативно с учетом «ближайшей обстановки и условий конфликта, а также особенностей работы предприятия, учреждения или организации» [3]. Однако применение его в защите права на труд следует ограничивать. Это вытекает из положений, закрепленных в ст. 58 Конституции СССР, которые создают благоприятные условия для дальнейшего совершенствования законодательства о подведомственности судам трудовых споров о расторжении трудового договора по инициативе администрации путем передачи их на разрешение судов. В настоящее время эти споры в соответствии с действующим законодательством рассматриваются вышестоящими в порядке подчиненности органами, т. е. в административном порядке.

Необходимо отметить в этой связи, что законодательство неоправданно расширяет административную форму разрешения трудовых споров. Первоначально перечень работников, трудовые споры которых рассматривались в порядке подчиненности, был ограничен лишь руководящими должностями, затем неоднократно дополнялся. В действующем Положении о порядке рассмотрения трудовых споров, утвержденном Президиумом Верховного Совета СССР 20 мая 1974 г., имеется уже два перечня, содержащие 14 пунктов. В результате этого, во-первых, многие должностные лица, рассматривающие трудовые споры в порядке подчиненности, отвлекаются от вопросов управления для осуществления несвойственной им функции. Надо, как говорил Л. И. Брежнев, чтобы каждый орган, имея для этого необходимые права и неся всю полноту

ответственности, занимался своим делом [1, с. 61]. Освобождение органов управления от несвойственных им обязанностей по разрешению индивидуальных вопросов, касающихся отдельных граждан, позволит сосредоточить их усилия на других проблемах, составляющих главное направление управленческой деятельности. Во-вторых, возникают серьезные затруднения при практическом решении вопроса о подведомственности суду споров об увольнении, так как отсутствует единый критерий изъятия этих дел из судебной подведомственности. В одних случаях таким критерием является руководящая должность работника, в других — особенности производства и труда, в третьих — характер трудового спора. Все это приводит к двоякого рода ошибкам: некоторые суды толкуют изъятие трудовых споров из судебной подведомственности расширительно и необоснованно отказывают в принятии заявлений, прекращают производство по делу, в результате чего страдают интересы правосудия, нарушается право граждан на судебную защиту [11, с. 28—29]. Бывает и наоборот, суды принимают к рассмотрению споры, изъятые из их подведомственности [12, с. 75].

Сказанное позволяет сделать вывод, что Перечень № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров следует пересмотреть, ограничив кругом руководителей предприятий, учреждений и организаций, а также выборных работников и должностных лиц, при приеме на работу которых кроме заключения трудового договора требуется приказ вышестоящей организации о назначении на должность или об утверждении в должности [9, с. 64].

Нуждается в уточнении и редакция п. 1 Перечня № 2 Приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров по двум основаниям. Согласно этому пункту в порядке подчиненности рассматриваются трудовые споры работников, которые уволены в связи с признанием их в результате аттестации не соответствующими занимаемой должности.

Сущность аттестации состоит в том, что она производится с целью наиболее рационального использования специалистов, повышения эффективности их работы и ответственности за порученное дело; аттестация осуществляется специальными комиссиями, которые обоснованно оценивают труд работника и дают заключение о его соответствии или несоответствии занимаемой должности, а также высказывают свои предложения по улучшению работы данного специалиста, повышению его квалификации, переводу на другую работу или увольнению с должности и т. п.; заключение аттестационной комиссии носит рекомендательный характер. Решение же по результатам аттестации принимает руководитель предприятия, учреждения, организации [7, с. 78].

Таким образом, администрация сама не устанавливает обстоятельств, из которых можно сделать вывод о несоответствии данного работника занимаемой должности, а только использует выводы аттестационной комиссии. Поэтому обжалование в суд решения администрации об увольнении того или иного работника по результатам аттестации фактически означает обжалование самого заключения аттестационной комиссии, что относится к управленческой сфере деятельности. Кроме того, в п. 1 Перечня указаны в качестве субъектов аттестации только работники научно-исследовательских, проектных, проектно-конструкторских, технологических организаций и научно-исследовательских подразделений высших учебных заведений. На самом же деле круг субъектов аттестации значительно шире. Он предусматривается разными нормативными актами, в результате чего возникают затруднения при определении подведомственности трудовых споров. Например, постановлением Совета Министров СССР от 16 апреля 1974 г. № 273 «Об аттестации учителей общеобразовательных школ» предусмотрена аттестация учителей [16]. Споры об их увольнении по этим основаниям рассматриваются вышестоящим в порядке подчиненности органом [4], т. е. в административном порядке.

Но есть случаи, когда подведомственность трудовых споров решается иначе. Так, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1972 г. [5] введена периодическая (не реже одного раза в пять лет) переаттестация инженерно-педагогических работников профессионально-технических училищ. Особого же порядка обжалования увольнения этих работников, признанных по итогам аттестации не соответствующими занимаемой должности, установлено не было. Следовательно, они вправе обжаловать увольнение в суд.

Однако, поскольку проверка правильности выводов аттестационной комиссии о возможности продолжения работником работы в данной должности является управленческой функцией, служащей улучшению подбора и воспитания кадров, представляется, что во всех этих случаях трудовые споры должны также рассматриваться вышестоящими в порядке подчиненности органами. Этим самым будет внесена ясность в вопрос о подведомственности споров об увольнении работников по инициативе администрации.

Список литературы: 1. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976.—256 с. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 198.—223 с. 3. СЗ СССР, 1928, № 56, ст. 495. 4. Ведомости Верховного Совета СССР, 1974, № 20, ст. 307. 5. СП СССР, 1972, № 12, ст. 67. 6. СП СССР, 1974, № 11, ст. 53. 7. КЗОТ УССР: Научно-практический комментарий. — Киев: Политиздат Украины, 1977.—546 с. 8. Бару М. И. Вопросы советского трудового права в сочинениях В. И. Ленина. — Рад. право, 1960, № 2, с. 35—44. 9. Кобец Н. Г. Судебная защита при спорах об увольнении. — М.: Юрид. лит., 1968. — 120 с. 10. Недбайло П. Е. О юридических гаран-

тиях правильного осуществления советских правовых норм. — Сов. гос-во и право, 1957, № 6, с. 20—29. 11. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 3. 12. Соц. законность, 1979, № 3.

Поступила в редколлегию 17.12.79.

Б. Н. ЮРКОВ, канд. юрид. наук

Харьков

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ЖАЛОБАМ НА ДЕЙСТВИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ

Решения судов по жалобам на действия административных органов, как и решения по исковым делам, наряду со свойствами обязательности, преюдициальности, исключительности, неопровержимости приобретают и свойство исполнимости. Общепринято, что исполнимость — это возможность принудительного исполнения судебного решения специальными органами. Исходя из этого, некоторые авторы считают, что свойство исполнимости присуще только судебным решениям, вынесенным по искам о присуждении [2, с. 92; 1, с. 170—171]. Однако с такой трактовкой согласиться нельзя, так как она сводит на нет значение и сущность судебного решения в исках о признании и в делах неискового производства. Судебное решение, как акт правосудия, не может быть в одних делах исполнимым, а в других неисполнимым. Следовательно, исполнимость надо понимать шире, чем возможность принудительного исполнения решения. Исполнение, как известно, может наступить и до вступления решения в законную силу в случаях, предусмотренных ст. 217, 218 ГПК УССР. Кроме того, до момента вступления решения в законную силу оно может быть исполнено добровольно. Следовательно, принуждение — не главное свойство исполнимости.

Таким образом, исполнение включает в себя обязанность сторон и других лиц, участвующих в деле, подчиниться судебному решению. Лица, не принимавшие участия в процессе, также обязаны исполнять судебное решение, хотя исполнимость в этом случае будет носить вспомогательный характер.

Исполнимость — это прежде всего гарантированная возможность реализации выводов, установленных в судебном решении. Она включает в себя и добровольное, и принудительное исполнение и распространяется на все решения, вступившие в законную силу, независимо от характера требований, видов иска или форм защиты, в том числе и на решения по жалобам на действия административных органов. Защищая права гражданина по этим делам, суд обязывает административный орган к определенному поведению, связанному с исполнением постановления о привлечении к

административной ответственности. Так, если действия административного органа незаконны, суд освобождает гражданина, например, от уплаты штрафа или отменяет постановление о лишении водительских прав, и административный орган уже не вправе применять указанные санкции. Пока в судебном порядке окончательно не решится вопрос о законности действий административного органа, постановление о наложении штрафа не может быть исполнено.

Если административный орган не подчинится судебному решению и будет настаивать на исполнении своего постановления, то здесь в отличие от исков о присуждении не выдается исполнительный лист, а реализация решения производится в ином порядке. Так, администрация предприятия, например, получив копию решения суда об удовлетворении жалобы, не будет взыскивать штраф с оштрафованного, так как постановление суда для нее обязательно. В случае, когда гражданин нигде не работает и судебным решением освобождается от уплаты штрафа, суд по существу отказывает в возбуждении исполнительного производства либо прекращает начатое исполнение.

Иногда суды, восстановив срок на подачу жалобы, выносят решения об освобождении граждан от уплаты штрафа после исполнения постановлений административных органов о его наложении. В этом случае у граждан возникают затруднения в защите своих прав, так как сумма штрафа взыскивается в бюджет и административный орган не может исполнить решение суда путем ее возврата. В законодательстве этот вопрос не урегулирован, но практикой найден путь, гарантирующий защиту прав граждан. Финансовый орган при получении копии решения суда об удовлетворении жалобы составляет ведомость о перерасчете и возврате уплаченной суммы с расчетного счета Госбанка.

Особенности исполнения судебных решений по жалобам на действия административных органов обусловлены также характером спорных правоотношений. В административном производстве государственный орган и налагает административное взыскание и сам же его исполняет [3, с. 103]. Это особенность проявляется и тогда, когда суд выносит решение по жалобе оштрафованного. Исключение допускается в случае наложения штрафа на гражданина, который не работает и не получает пенсию или стипендию, так как органом исполнения будет судебный исполнитель.

Постановление административного органа и решение суда по жалобе гражданина являются единым основанием для исполнения. Административный орган, исполняя свое постановление о наложении штрафа, одновременно исполняет и решение суда. При этом возможны следующие варианты. 1. Если суд откажет в удовлетворении жалобы, исполняется постановление административного органа и решение суда об от-

казе. Решение суда в этом случае подтверждает право административного органа на исполнение постановления, и административный орган направляет копию постановления о наложении штрафа в бухгалтерию предприятия по месту работы оштрафованного. 2. При уменьшении судом суммы штрафа исполняются постановление административного органа и решение суда. 3. Когда суд удовлетворит жалобу, исполняется не постановление административного органа, а решение суда об отмене штрафа. В этом случае постановление о наложении штрафа не направляется к исполнению, а если оно уже находится на исполнении, исполнительное производство прекращается.

Эффективность исполнения решений о взыскании штрафов, налагаемых в административном порядке, достигается установлением сокращенных сроков давности исполнительного производства [4, с. 7]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» предусмотрено, что решение административного органа, не исполненное в течение трех месяцев со дня его вынесения, исполнению не подлежит [5].

Президиум Верховного Совета РСФСР, учитывая необходимость срочного взыскания штрафа, Указом от 3 марта 1962 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке», кроме того, установил трехдневный срок, в течение которого народный суд обязан выслать копию решения по месту работы оштрафованного для удержания штрафа из заработной платы [6].

В УССР такое правило не установлено, и это отрицательно сказывается на судебной практике. Так, например, из 101 дела, рассмотренного в 1978 г. судами Харьковской области по жалобам граждан на действия административных органов, в 40 случаях копии решений вообще не направлялись административным органам или должностным лицам, а в 9 случаях взысканы по истечении трех месяцев со дня рассмотрения дела, когда по закону они не должны исполняться. С учетом сказанного правило, обязывающее суд в трехдневный срок направить для исполнения копию решения по жалобе на действия административного органа, целесообразно закрепить и в гражданском процессуальном законодательстве УССР.

В делах по жалобам о лишении прав на управление транспортными средствами постановление административного органа и решение суда также являются единым основанием для исполнения, но исполнительные действия по характеру будут иными. В случае, если суд отказал в удовлетворении жалобы, административный орган не возвращает гражданину удостоверение на право управления транспортным средством. При уменьшении судом срока лишения права на управление

транспортными средствами административный орган обязан возвратить удостоверение в срок, указанный судом. Когда же суд отменяет постановление о лишении права на управление транспортными средствами, административный орган обязан возвратить жалобщику удостоверение после вынесения судебного решения.

Наличие свойства исполнимости судебных решений, вынесенных по жалобам граждан на действия административных органов, является гарантией защиты прав граждан и органов государственного управления.

Список литературы: 1. *Зейдер Н. Б.* Судебное решение по гражданскому делу. — М.: Юрид. лит., 1965—191 с. 2. *Клейман А. Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.—118 с. 3. *Салищева Н. Г.* Гражданин и административная юрисдикция в СССР. — М.: Наука, 1970—163 с. 4. *Суворова Е., Святецкая Т.* Рассмотрение судами дел по жалобам на действия административных органов по наложению штрафа за нарушение законодательства об охране природы. — Сов. юстиция, 1979, № 10, с. 6—7. 5. Ведомости Верховного Совета СССР, 1961, № 35, ст. 368. 6. Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1962, № 9, ст. 121.

Поступила в редколлегия 27.12.79.

Ю. М. ГРОШЕВОЙ, д-р юрид. наук

Харьков

ФУНКЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СУДЬИ В МЕХАНИЗМЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В докладе на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев отметил, что в укреплении социалистической законности и правопорядка высока ответственность органов юстиции, суда, прокуратуры, советской милиции. «Профессиональные знания работников этих органов должны сочетаться с гражданским мужеством, неподкупностью и справедливостью» [2, с. 65].

Отсюда вытекает одна из актуальных задач науки уголовного процесса — изучение роли профессиональных знаний работников органов юстиции в деле точного и неуклонного осуществления советского законодательства и как фактора, обеспечивающего максимальную эффективность их работы с тем, чтобы «...каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание» [2, с. 65].

Характер научных исследований в науке советского уголовного процесса делает заметной тенденцию изучения механизма принятия решения профессиональными участниками уголовного судопроизводства — следователем, лицом, производящим дознание, прокурором, судьями по профессии [5; 9; 10]. Это объясняется, в частности, тем, что принятие ре-

шения выступает необходимым условием уголовно-процессуальной деятельности по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, опосредует реализацию процессуальных полномочий органов и лиц, ведущих конкретный уголовный процесс.

Принятие решения по уголовному делу — это сложный комплекс взаимодействия объективных и субъективных элементов уголовно-процессуальной деятельности судьи в их обусловленности не только фактическими обстоятельствами уголовного дела, но и личностными характеристиками судьи по профессии. Исследование этого механизма способствует выяснению эффективности уголовно-процессуального регулирования, помогает вскрыть типичные ошибки в судебной практике, является одним из условий, обеспечивающих вынесение законных и обоснованных процессуальных решений.

В механизм принятия решения судьей включаются объективные элементы (нормативные предписания, фактические обстоятельства совершенного преступления, совокупность доказательств, установленные и исследованные по данному уголовному делу) и субъективные элементы (уровень профессионального правосознания судьи, социальная направленность его личности, особенности его психологического состояния и процессы, связанные с рассмотрением уголовного дела). Взаимодействие этих элементов во многом предопределяет законность и обоснованность принимаемого процессуального решения.

Исходя из принципиального методологического положения о единстве сознания и деятельности, разработанного советской психологией [11], механизм принятия процессуального решения судьей (судьями) должен исследоваться на основе сложного и неоднозначного соответствия между внешней структурой уголовно-процессуальной деятельности (уголовно-процессуальная норма — уголовно-процессуальное действие — нормативное требование, предъявляемое к данному процессуальному решению) и внутренней структурой личности судьи (мотивация — целеполагание — принятие решения, мотивы — цели — решения). В соответствии с этим в самом общем виде механизм принятия процессуального решения судьей можно рассматривать как переработку судьей нормативной и доказательственной информации, формирования его отношения к фактическим обстоятельствам совершенного преступления в целях постановления законного и обоснованного процессуального акта. При таком подходе уточняется не только роль объективных и субъективных элементов в механизме принятия решения, но и роль самого решения, выступающего в системе уголовно-процессуальной деятельности в качестве акта, завершающего определенный этап этой деятельности.

Адекватность восприятия обстоятельств рассматриваемого уголовного дела опосредствована структурой правовых представлений и знаний постоянного судьи, его социальным, профессиональным и житейским опытом. Отсюда следует важность разработки проблем, связанных с изучением профессионального правосознания судьи, его функций в механизме процессуального решения по уголовному делу.

Профессиональное правосознание судей является одной из разновидностей группового правосознания и характеризуется специфическим содержанием как по отношению к правосознанию общества, так и по отношению к индивидуальному правосознанию судьи. — «Как решения отдельных судей, — справедливо отмечает А. Тамаш, — представляют собой процесс правосудия, так и индивидуальное правосознание судьи в своем содержании и объеме не может быть отождествлено с более широкой категорией правосознания — с правосознанием судьи» [12, с. 120].

Правосознание общества формирует правосознание судей. Связь профессионального и общественного правосознания заключается в том, что: а) категории, идеи, принципы общественного правосознания выступают в качестве идеологических средств, с помощью которых судьи познают правовые нормы, усваивают их требования и направляют свою профессиональную деятельность на точное и единообразное применение закона при отправлении социалистического правосудия; б) общественное правосознание формирует социальный престиж органов суда и тем самым определяет содержание духовной атмосферы, в которой судьи осуществляют свою профессиональную деятельность; в) обязывает судей при вынесении процессуальных решений определять свое личностное отношение к фактическим обстоятельствам и совокупности доказательств, которые должны быть в данном процессуальном акте.

Формирование профессионального правосознания происходит главным образом через систему профессиональной деятельности, а тот опыт (социальный, профессиональный, житейский), которым обладает судья, предполагает перестройку, переосмысление и определенную интерпретацию собственных правовых оценок и понятий с помощью оценок и понятий теоретического уровня правосознания и в рамках системы этого уровня.

Следовательно, профессиональное правосознание судьи включает в себя как систему правовых взглядов, идей, выражающих интересы советского общества в области социалистического правосудия, так и систему собственных правовых воззрений, убеждений, оценок о справедливости или несправедливости правовых норм, эффективности правового регулирования, соответствии правовых, в частности уголов-

но-процессуальных, предписаний характеру охранительных общественных отношений, регулируемых данной уголовно-процессуальной нормой.

Профессиональное правосознание определенным образом оказывает регулирующее воздействие на процессуальную деятельность судьи, заключающееся в том, что в социально-психологическом аспекте эта деятельность включает в себя такие факторы как осознание судьей своих функциональных обязанностей, стремление выразить личностное понимание нормативных требований в принимаемом процессуальном решении, собственное отношение к его правосудности (доверие к собственному решению.)

Профессиональное правосознание выражает собственное понимание смысла и значения правовых предписаний, т. е. опосредует профессионально-семантическое осознание требований правовых норм, в том числе и требований уголовно-процессуальной формы, и осознание практики их применения. Характеризуя профессиональное правосознание судей, мы имеем в виду прежде всего устойчивость и единообразие выработанных судьей собственных правовых оценок и взглядов, которые фиксируют его личностное отношение к профессиональной деятельности в целом и к законности и обоснованности принимаемого им процессуального решения. Именно устойчивость правовых взглядов, принципов, идей, убеждений судьи делает его малоуязвимым по отношению к постоянным воздействиям. «Правовая устойчивость» судьи — одна из существенных характеристик его профессиональной деятельности, которая определяется не только его умением строго следовать требованиям закона при разбирательстве и разрешении уголовного дела, но и тем, что усвоенные им требования, в частности уголовно-процессуального закона, стали социальным достоянием его личности. Поэтому при очень низком уровне профессионального правосознания судья не в состоянии извлечь из исследованной по делу доказательственной информации достаточную систему доказательств, которая необходима для принятия законного и обоснованного процессуального решения, и следовательно, его знания, лежащие в основе этого решения, не будут отвечать требованию достоверности выводов суда.

Структура познавательных отношений, складывающихся в судебном разбирательстве уголовных дел, задается определенным типом связи выводов суда и обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, включающей необходимость обоснования истинности (вероятности) полученного знания об этих обстоятельствах и вытекающих из него правовых следствий. В этом аспекте профессиональное правосознание представляет не только блок по хранению и переработке правовой и доказательственной информации, но

и механизм, использующий эту информацию в целях управления познавательной деятельностью и в условиях состязательного судебного процесса, т. е. выполняет управленческую и коммуникативную роль в профессиональной деятельности судьи и в механизме принятия им решения. «Для того чтобы информация, — справедливо замечает В. Г. Афанасьев, — могла быть использована в управлении, необходимо, чтобы она стала коммуникативной, т. е. понятной, приемлемой для информанта» [3, с. 127].

Важно отметить, что для правосудности принимаемого процессуального решения представляет опасность как правовой нигилизм, так и правовой формализм судьи. Правовой нигилизм заключается в несоблюдении требований, например уголовно-процессуального закона, при рассмотрении и принятии решения по уголовному делу, что влечет за собой признание этого решения незаконным и необоснованным. Таким образом, правовой нигилизм выражает субъективизм судьи, а в психологическом плане «оправдывает» вынесение неправосудных решений. Опасность правового формализма у судьи, по меткому замечанию В. И. Ленина, состоит в том, что «...всякий закон можно обойти, даже под видом его исполнения» [1, с. 378].

Отмеченные выше положения убедительно свидетельствуют о том, что профессиональное правосознание особым образом регулирует поведение постоянного судьи, избирательность его отношений к доказательственной информации, направляет его процессуальную деятельность на полное, объективное, всестороннее исследование обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, на вынесение законных и обоснованных актов правосудия. Сказанное отнюдь не дает оснований к возведению правосознания до уровня правовой нормы, как это делают К. Т. Бельский [4, с. 29—49] и А. Тамаш [12, с. 118]. Объективную ценность правовых, в частности уголовно-процессуальных, предписаний, профессиональное правосознание постигает тогда, когда их смысл и значение становится «для себя бытием». «Субъект выступает, — отмечает В. А. Лекторский, — не как абсолютно обосновывающая инстанция знания в виде сознания и самосознания, а как конкретный, реальный, объективно существующий носитель разных систем деятельности, в частности, таких, как предметно-практическая и познавательная» [8, с. 59].

Естественно, глубокие и устойчивые правовые знания судье необходимы, но без соответствующих умений и навыков по их применению они оказываются малодейственными в плане вынесения законных и обоснованных решений. Важно, чтобы эти знания формировали профессиональные привычки, ориентированные на строгое исполнение, соблюдение и использование закона при рассмотрении и разрешении уго-

ловного дела, на соблюдение прав и законных интересов граждан, чтобы на их основе вырабатывались умение, психологическая готовность и активность «строить» процессуальную деятельность в соответствии с законом. Отношение к праву, проявляющееся в поведении судьи, в его правовых навыках и умениях, в его психологических состояниях, представляет такую же реальность профессиональной деятельности судьи, как например, сама уголовно-процессуальная форма. Здесь актуализируется мотивационная сфера, т. е. осознание судьей тех правовых, нравственных, социально-психологических мотивов, в силу которых он избирает (выносит) данное процессуальное решение. Поэтому для принятия законного и обоснованного процессуального решения важен и такой компонент, входящий в структуру профессионального правосознания, как общественно-правовая психология судьи, которая выступает в виде правовых чувств, привычек и т. д., проявляющихся в его профессиональной деятельности и ею выработанных.

Структура профессионального правосознания включает в себя следующие элементы: а) познавательные, содержанием которых является система собственных знаний о праве как результат их усвоения, осознания, а также умение самостоятельно применять эти знания; б) оценочные, куда входит система оценок и убеждений о справедливости или несправедливости правовых запретов, эффективности нормативных предписаний для достижения целей и задач социалистического правосудия; в) волевые, выступающие как осознание судьей по профессии своих прав и обязанностей, готовность и активность судьи в осуществлении своих правомочий в соответствии с требованиями социалистической законности; г) поведенческие (коммуникативные), регулирующие избирательность в процессуальной деятельности судьи при осуществлении им профессиональных функций и формирующие профессиональную систему правил и индивидуального стиля поведения; д) социально-психологические, проявляющиеся в гамме социально-правовых чувств и социальных привычек судьи, ориентированных на строгое выполнение требований социалистической законности в его процессуальной деятельности.

Указанные элементы структуры профессионального правосознания определяют и его функции в механизме процессуального решения. При этом следует исходить из того, что профессиональное правосознание «работает» в тесной взаимосвязи и взаимозависимости («сплаве») с политическими, нравственными убеждениями судьи, практическая значимость которых опосредована индивидуальными нравственно-социальными качествами личности судьи, его профессиональным опытом и конкретной процессуальной ситуацией, складывающейся при

рассмотрении и разрешении уголовного дела, в которой судье приходится действовать и принимать процессуальное решение.

В. И. Каминская и А. Р. Ратинов выделяют три функции индивидуального правосознания: познавательную, оценочную, регулятивную [6, с. 39—67]. Оценивая теоретическую приемлемость данного суждения, важно отметить, что А. Р. Ратинов и В. И. Каминская не учитывают такое обстоятельство, имеющее принципиальное значение для понимания функций профессионального правосознания в механизме принятия процессуального решения, как различные срезы функционирования профессионального правосознания в данном механизме.

Дело в том, что нормативные предписания, в частности требования уголовно-процессуальной формы, регулирующие процессуальную деятельность судьи, как объективная структура, содержащая поведенческие модели, выступают во многих качествах. Например, их можно представить в виде информационного источника коммуникативного воздействия на предметно-познавательную деятельность судьи. Здесь уголовно-процессуальный закон рассматривается как определенная информация, которая должна быть усвоена профессиональным правосознанием судьи. В работах психологов все более признанной становится мысль о том, что в этом случае следует выделить три первично присущие коммуникации функции воздействия на поведение людей: активационную (побуждение к действию); интердиктивную (воспрещение определенной направленности деятельности); дестабилизирующую или деструктивную (разрушающую саму деятельность) [7, с. 179.]

Значение этих функций профессионального правосознания в механизме принятия процессуального решения состоит в том, что они дают возможность уяснить мотивационный аспект формирования системы правовых знаний судьи, их личностный смысл, определяющий адекватное их применение по данному уголовному делу. В принципе существует возможность построения модели воздействия нормативных предписаний на мотивационную сферу профессиональной деятельности судьи. Так, мотивационный аспект в механике принятия процессуального решения состоит в том, что адекватность личностного осознания судьей общественно выработанных нормативных, в частности уголовно-процессуальных, дозволений, запретов, правомочий по рассмотрению и разрешению уголовного дела, позволяет ему сформировать такую позицию по уголовному делу, которая соответствует той модели его процессуального поведения или процессуального решения, которая закреплена в уголовно-процессуальном законе.

Напротив, неправильное уяснение предписаний уголовно-процессуальной формы или игнорирование этих предписаний при постановлении решения по уголовному делу влечет за собой неправосудность этого решения. Например, ст. 74 УПК

УССР (ст. 77 УПК РСФСР) обязывает судей проверять показания подсудимого, в том числе и такие, в которых он признает себя виновным; признание подсудимым своей вины может быть положено в основу обвинительного приговора только при подтверждении этого признания совокупностью имеющихся по делу доказательств. Если же суд вопреки требованиям закона в основу обвинительного приговора положит признание подсудимым своей вины, не подтвержденное совокупностью имеющихся по делу доказательств, то приговор этот не может быть признан правосудным и подлежит отмене. В последнем случае проявляет себя деструктивная функция правосознания судьи.

Профессиональное правосознание в механизме процессуальной функции выполняет также нормативно-оценочную функцию, включающую в себя выработку ценностного подхода к установленным в судебном разбирательстве фактическим обстоятельствам рассматриваемого преступления и нравственно-психологическим свойствам личности подсудимого с точки зрения требований закона и правил коммунистической морали. С этой функцией тесно связана прогностическая, или функция предвидения профессионального правосознания как «степень риска в данной ситуации» [7, с. 28], находящая, например, свое практическое выражение при разрешении заявленных ходатайств или при избрании меры наказания осужденному, которая, по убеждению судей, должна обеспечить его исправление и перевоспитание.

Следует выделить гносеологическую функцию профессионального правосознания судьи, характеризующую результат судебного познания, а следовательно, и процессуального решения, с точки зрения его истинности или ложности. Для судебного сознания характерно достоверное отражение в судебном решении (например, в обвинительном приговоре) структуры предмета доказывания. Причем, по своей гносеологической сущности это отражение является элементарным нормативно-оценочным актом познания, который должен достоверно отразить наличие или отсутствие фактов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Вывод судей о результате познаний реализуется в виде высказываний о том, что: а) было в прошлом (например, о наличии или отсутствии события преступления); б) есть в момент рассмотрения уголовного дела (например, степень общественной опасности личности подсудимого); в) будет (например, прогностический вывод суда об исправлении и перевоспитании осужденного в результате применения избранной меры наказания).

Обоснование достоверности знаний о наличии или отсутствии подлежащих установлению по делу обстоятельств как характеристики его доказательности опосредствовано правовыми знаниями судьи, его навыками и умениями, словом, уровнем

его профессионального правосознания. Как правило, доказательность знания, зафиксированная в процессуальном решении, зависит от того, какие явления объективной действительности исследовались в судебном разбирательстве, какая совокупность доказательств установлена, правильно ли она оценена судом для обоснования вывода о наличии или отсутствии факторов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Нельзя не видеть, что в модели процессуального решения всегда выражены две системы знаний судей: знание о фактах и знание о норме, подлежащей применению в данном решении. Именно в системе правовых знаний судьи отражаются факты, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, и эти знания позволяют судьям вычленив в данных фактах конкретно-специфическое правовое содержание. Иными словами, профессиональное правосознание при принятии судьей решения определенным образом преобразует знание о фактических обстоятельствах рассматриваемого преступного события. Указанное преобразование — важный элемент механизма процессуального решения. Осознание судьей требований уголовно-правовых запретов и выражение этого в квалификации деяния включает в себя логико-гносеологический вопрос отражения предмета доказывания в нормативно-содержательной структуре соответствующего процессуального решения (например, в приговоре).

Наконец, нужно особо сказать об объяснительной функции профессионального правосознания судьи в механизме принятия процессуального решения, заключающейся в том, что она позволяет судьям уяснить (объяснить) для самих себя фактические и правовые основания данного процессуального решения в аспекте исключения всех иных решений, допускаемых законом в данной процессуальной ситуации. Объяснительная функция профессионального правосознания опосредует категоричность вывода, содержащегося в том или ином процессуальном решении.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—223 с. 3. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. — М.: Политиздат, 1975.—293 с. 4. Белинский К. Т. Социалистическое правосознание. — Ярославль, 1979.—384 с. 5. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1975.—144 с. 6. Каминская В. И., Рагинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры. — В кн.: Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974, с. 39—67. 7. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. — М.: Прогресс, 1979.—502 с. 8. Лекторский В. А. К проблеме диалектики субъекта и объекта в познавательном процессе. — В кн.: Проблемы материалистической диалектики как теории познания. М.: Наука, 1979, с. 34—61. 9. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. — М.: Юрид. лит., 1973.—344 с. 10. Лупин-

ская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. — М.: Юрид. лит., 1976.—168 с. 11. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. — М.: Наука, 1957. — 242 с. 12. Тамаш А. Судья и общество: Диалектика правосознания и правоприменения. —: Юрид. лит., 1980.—142 с.

Поступила в редколлегию 29.01.80.

В. С. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, канд. юрид. наук, Г. С. КОЛТУНОВ

Харьков

ПРЕДЕЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Производство по уголовному делу представляет собой разновидность познавательного процесса. При всем многообразии особенностей ему присущие и то, что характерно для любой познавательной деятельности. Марксистская диалектика рассматривает познание как процесс движения человеческого сознания от незнания к знанию, от неполных и неточных знаний к более полным и точным. Этот механизм проявляется и в уголовно-процессуальном познании, но, естественно, с теми особенностями, которые обусловлены спецификой объекта познания в уголовном процессе. В связи с этим представляет особый интерес рассмотреть понятие объекта познания, выявить его структуру и пределы исследования по конкретному уголовному делу.

В марксистской философии под объектом понимается часть объективной реальности, на которую направлена деятельность субъекта с целью овладения или преобразования. Для овладения объектом познания требуется субъект. В уголовном процессе таковыми являются следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, судья или коллегиально действующий суд. При этом «субъект выступает как носитель действия, объект — как то, на что действие направлено» [5, с. 64]. Без системы взаимосвязанных действий, образующих в своем единстве деятельность, направленную на конкретный объект с целью его познания, не может быть процесса познания. В то же время без объекта, подлежащего познанию, деятельность субъекта будет беспредметной, лишенной познавательного характера.

Объектом познания в уголовном процессе является совокупность обстоятельств, явлений и процессов, истинное познание которых предопределяет всестороннее и полное, законное и обоснованное решение задач уголовного процесса, выполнение им своего социального назначения. Совокупность названных обстоятельств, явлений и процессов в своем единстве образует структуру объекта познания.

В структуре объекта познания в уголовном процессе следует особо выделить предмет доказывания, под которым в литературе

и на практике принято понимать совокупность обстоятельств, имеющих правовое, криминологическое и воспитательное значение и потому подлежащих обязательному доказыванию по каждому уголовному делу. В общих чертах предмет доказывания установлен в законе (ст. 64, 23 УПК УССР, ст. 68 УПК РСФСР). Совокупность обстоятельств, его образующих, должна быть доказана в пределах, обеспечивающих достижение истины по делу. Неустановление или неполное установление перечисленных в законе обстоятельств или фактов свидетельствует о неполноте и односторонности исследования существенных обстоятельств уголовного дела, о наличии оснований для его направления на дополнительное расследование. Иной точки зрения придерживается, например, М. П. Переверзев. Он считает, что основанием для направления дела на доследование выступают не собственно односторонность и неполнота расследования, имеющие лишь оценочный характер, а конкретные обстоятельства, порожденные неполнотой и односторонностью познания или предварительного следствия [7, с. 128]. С этим согласиться нельзя. Неполнота расследования — это фактическое выражение (и в то же время терминологическое обозначение) объективно существующего отсутствия конкретной части совокупности обстоятельств, которые находятся в определенной взаимосвязи друг с другом, подлежат установлению по каждому уголовному делу, и эта совокупность будет полной лишь при наличии неустановленной части обстоятельств. Именно для этого и направляется дело на дополнительное расследование.

Неполнота установления обстоятельств дела обуславливается односторонностью их исследования, хотя и не может быть сведена только к ней. Последняя имеет место там, где совокупность обстоятельств, входящих в предмет доказывания, установлена лишь в общих чертах, поскольку одни (например, событие преступления, виновность лица) доказаны имеющимися фактическими данными достаточно полно, а другие нуждаются в дальнейшем исследовании. Выражением неполноты исследования является недостаточность доказательств, неполно устанавливающих конкретные обстоятельства. Неполнота и односторонность нередко обуславливают необъективность исследования, которая может выражаться, например, в предвзятом подходе к оценке обстоятельств дела.

Все оказанное свидетельствует о том, что полнота и всесторонность исследования находятся во взаимосвязи и взаимозависимости. Нарушение этой связи вызывает неполноту и односторонность исследования, которые в своем единстве выступают как одно из оснований направления дела на доследование.

Для того чтобы обстоятельства дела были установлены всесторонне и полно, необходимо все элементы объекта познания исследовать в необходимых для достижения истины пределах.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что для полноты исследования дела важно не только определить объект (предмет) познания, но и точно установить пределы последнего. Оба эти понятия тесно связаны между собой, обуславливают друг друга, но не совпадают. «Разграничение предмета доказывания и пределов доказывания существенно для того, чтобы определить какие обстоятельства и в каком объеме должны быть установлены, при каких условиях проведенное исследование фактических оснований решения признается объективным, всесторонним и полным, какая совокупность доказательств должна быть оценена как достаточная для принятия решения» [6, с. 81].

Отметим, что среди процессуалистов нет единства мнений по вопросу о самом понятии пределов доказывания, а также о соотношении предмета доказывания и его пределов. Р. Д. Ракунов, например, считает, что пределы доказывания — это «менее удачное выражение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» [8, с. 100]. Но сказать так, значит допустить отождествление конкретного явления как целостного образования с определенной его частью. Подобно тому, как неправомерно отождествлять конкретную вещь, например, с ее шириной, длиной, высотой и т. п., точно так же предмет доказывания недопустимо отождествлять с его пределами, отражающими лишь одну из его сторон.

Нельзя согласиться и с И. Б. Михайловской и В. Г. Танаевичем. Под пределами доказывания они понимают необходимую и достаточную совокупность доказательств, которая, будучи собранной по делу, обеспечивает его правильное разрешение [9, с. 218]. Но ведь доказывать необходимо не совокупность доказательств, а предмет доказывания, о пределах которого и следует говорить. Авторы рассматриваемой точки зрения допускают подмену предмета суждения и в связи с этим ошибаются в определении пределов доказывания, сводя их к необходимой и достаточной совокупности доказательств. При таком подходе вполне можно отождествить совокупность доказательств с самим предметом доказывания, ибо как раз предмет доказывания и должен быть установлен на основе совокупности доказательств в тех пределах, которые необходимы для достижения истины по уголовному делу. Понятно, что такое отождествление привело бы к ликвидации самих понятий предмета доказывания и пределов доказывания. Как видно, ни первая, ни вторая точка зрения не может быть признана удовлетворительной, поскольку ни одна из них не отражает сущности пределов доказывания и их соотношения с предметом доказывания.

Прежде всего выясним понятие термина «предел». В «Толковом словаре русского языка» слово «предел» понимается как «мера, норма, граница чего-нибудь». Поэтому правильно

было бы определить пределы доказывания (познания) как границы исследования конкретных фактов, подлежащих установлению по делу. Касаясь этого вопроса, Н. С. Алексеев обращает внимание на то, что «пределы доказывания отличаются от предмета доказывания тем, что они указывают на те границы в выяснении, познании фактов, которые дают возможность точно установить эти факты и правильно их на этом основании юридически квалифицировать» [1, с. 446]. Ц. М. Каз полагает, что «под пределами доказывания в советском уголовном процессе следует понимать границы, в которых осуществляется соби́рание, исследование и оценка доказательств на различных стадиях процесса» [3, с. 34—35], т. е. речь идет не о границах исследования того, что подлежит доказыванию, а о границах той деятельности, которая образует содержание процесса доказывания.

Анализируя изложенные точки зрения, один из авторов настоящей статьи пришел ранее к выводу, что по каждому уголовному делу необходимо в определенных границах исследовать как совокупность обстоятельств, входящих в предмет доказывания, так и совокупность доказательств, при помощи которых эти обстоятельства устанавливаются [2, с. 15], т. е. в пределы доказывания включалась необходимая для дела совокупность доказательств. Но так ли это? Возвратиться к данному вопросу побудила позиция Н. П. Кузнецова, который считает, что «предмет доказывания — это совокупность искомым по делу фактов. Пределы доказывания — это система доказательств, необходимых для вывода о наличии или отсутствии обстоятельств, составляющих предмет доказывания» [4, с. 87].

Предмет доказывания должен быть установлен в определенных пределах, что осуществляется при помощи доказательств. Сами доказательства вводятся в процесс в ходе доказывания. Они, следовательно, суть средства, при помощи которых устанавливается предмет доказывания в необходимых пределах. В свою очередь, и предмет доказывания и пределы доказывания не могут не обуславливать как направление, так и масштабы доказывания. Если доказывание — это деятельность, то пределы доказывания должны определять границы этой деятельности, т. е. отвечать на вопрос о том, как широко нужно осуществлять следователю или другому лицу, ведущему процесс, свою деятельность по исследованию конкретных элементов предмета доказывания, а значит, и предмета доказывания в целом. Если, например, необходимо доказать обстоятельства, способствующие совершению преступления, достаточно ли установить только причины преступления или необходимо расширить пределы доказывания и выяснить также условия, способствовавшие совершению преступления? Поскольку и последние должны быть доказаны, то пределы

(границы) доказывания предмета следует расширить, включив в них и названные условия. Итак, предмет доказывания нами уточнен за счет определения его пределов. Но как широко исследовать условия, чтобы предмет доказывания был установлен с необходимой полнотой? Тут снова нужно выяснить, в каких пределах (границах) необходимо исследовать условия, способствовавшие совершению преступления. Последние, как известно, делятся на необходимые, достаточные и сопутствующие. Как широко нужно их доказывать? Все ли их виды необходимо устанавливать по делу (это и есть определение пределов доказывания) или следует выявить необходимые и достаточные условия, поскольку сопутствующие практически не влияют на решение задач процесса? Действительно, сопутствующие условия устанавливать не нужно, так как они не имеют ни правового ни криминологического значения. Следовательно, пределы доказывания причин и условий по уголовному делу (ст. 23 УПК УССР, ч. 2 ст. 68 УПК РСФСР) определяются границами их исследования, так сказать, до сопутствующих условий. Поскольку последние для дела безразличны, они не должны включаться в пределы доказывания. А как быть с доказательствами? Ведь именно с их помощью происходит доказывание. В этом пункте анализа при ответе на поставленный вопрос и допускается путаница, подмена пределов доказывания совокупностью (или системой) доказательств.

Чтобы не допускать такого отождествления, нужно опираться на признанные в теории и на практике понятия и, в частности, на понятие относимости доказательств, при помощи которого и можно решить вопрос о пределах доказывания конкретного предмета. Продолжим анализ на примере доказывания тех же условий, которые, как известно, могут способствовать: 1) возникновению преступного намерения; 2) совершению преступного действия; 3) достижению преступного результата. Если мы знаем, что по уголовному делу следует установить все необходимые условия (и только в таком случае доказывание будет полным, а значит, и достаточным для решения комплекса криминологических задач), именно на это должна быть направлена вся познавательная деятельность следователя или суда. Получая те или иные доказательства, мы относим их к данному элементу предмета доказывания (условия совершения преступления) и устанавливаем его в необходимых пределах, т. е. до полного и окончательного выяснения всех необходимых условий.

Следовательно, предмет и пределы (границы) доказывания являются первичными, или исходными, а доказательства, при помощи которых они устанавливаются, — производными от правильного определения пределов доказывания. Но вытекает

ли из этого, что в понятие пределов доказывания нельзя включить указание на доказательства, при помощи которых конкретный предмет доказывания устанавливается в необходимых пределах (границах)? Конечно, нет. В понятии пределов доказывания можно указывать и на необходимую совокупность доказательств как на средство установления предмета доказывания в определенных пределах. Однако такое указание не является необходимым (обязательным) элементом (признаком) рассматриваемого понятия, т. е. и без него понятие пределов доказывания будет полным и достаточным. С учетом сказанного под пределами доказывания следует понимать границы, в которых должен исследоваться предмет доказывания в целом (и каждый отдельный его элемент) на основе относимой к нему доказательственной информации.

Полная регламентация пределов доказывания в законе невозможна. Это обуславливается тем, что последние индивидуальны для каждого уголовного дела, как индивидуальны преступление и лицо, его совершившее. Поэтому вопрос о пределах доказывания любых обстоятельств, имеющих значение для дела, решается в каждом отдельном случае лицом, в производстве которого данное дело находится. Правильное решение этого вопроса на практике во многом зависит от адекватного уяснения таких взаимосвязанных понятий, какими являются предмет и пределы доказывания в советском уголовном процессе. Поэтому их исследование и правильная интерпретация имеют непосредственное практическое значение.

Список литературы: 1. *Алексеев Н. С.* Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе. — В кн.: Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1967, с. 428—464. 2. *Зеленецкий В. С.* Предупреждение преступлений следователем. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1975, — 172 с. 3. *Каз. Ц. М.* Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1968. — 68 с. 4. *Кузнецов Н. П.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела: Дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 1980. — 170 с. Ленинская теория отражения и современная наука: Отражение, познание, логика/Под ред. *Т. Павлова.* — София: Наука и искусство, 1973. — 526 с. 6. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве. — М.: Юр. лит., 1976. — 168 с. 7. *Переверзев М. Н.* Прокурорский надзор за возвращением уголовных дел на дополнительное расследование в советском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1971. — 312 с. 8. *Рахунов Р. Д.* О понятии доказательств и главном факте доказывания. — Соц. законность, 1965, № 12, с. 24—26. 9. Теория доказательств в советском уголовном процессе: Часть общая — М.: Юрид. лит., 1966. — 583 с.

Поступила в редколлегию 16.05.81.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Уголовно-процессуальное доказывание как разновидность познавательной деятельности. Путь установления объективной истины в уголовном процессе — это движение от незнания к знанию, от неполного, неточного знания обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, к более полному и точному знанию их, т. е. он отражает диалектику познания. «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным», — писал В. И. Ленин [1, т. 18, с. 102]. Как объективная истина в целом, так и отдельные факты, обстоятельства дела устанавливаются в уголовном процессе с помощью уголовно-процессуального доказывания. По своей гносеологической сущности оно представляет собой разновидность познания действительности. Оно не является научным в том смысле, что не преследует цель установить закономерности развития природы и общества, но в плане установления отдельных фактов, явлений действительности оно имеет много общего с научным познанием, прежде всего историческим.

Ю. М. Грошевой считает, что познание по уголовному делу, осуществляемое лицом, производящим расследование, прокурором и судьями, не может расцениваться как промежуточное между обыденным и научным познанием, нельзя относить его к научному. Оно является специфической разновидностью социального познания, которое условно можно назвать процессуальным, или судебным, познанием, в результате которого субъект получает специфический тип социального знания, обусловленный особенностями объекта познания и процессуальными средствами его овладения [4, с. 17—19]. Ф. Н. Фактуллин также видит в процессуальном доказывании самостоятельную разновидность познания внешнего мира, которая «условно могла бы называться следственно-судебным познанием» [12, с. 19—20]. В. С. Зеленецкий полагает, что сущность познания в уголовном процессе наиболее точно следует именовать «уголовно-процессуальное познание действительности» [7, с. 75].

На наш взгляд, все предложенные термины: процессуальное, судебное, следственно-судебное, уголовно-процессуальное — могут быть использованы для того чтобы попытаться

подчеркнуть специфику уголовно-процессуального доказывания как разновидности познания действительности. Но существо вопроса, конечно, не в названии, а в гносеологической и юридической сущности этой разновидности познания, определяемой его особыми объектами, задачами и средствами.

О соотношении понятий доказывание, познание и исследование. Возникает также вопрос, является уголовно-процессуальное доказывание синонимом познания и исследования в уголовном процессе или же эти понятия имеют различное содержание. По этому поводу высказаны различные, нередко почти противоположные мнения. Одни авторы (М. С. Строгович, И. И. Михин, Ф. Н. Фаткулин, Ц. М. Каз) считают, что уголовно-процессуальное доказывание и познание истины в уголовном процессе — это одно и то же. Другие, в частности П. А. Лупинская, Л. М. Карнеева, Л. Д. Кокорев, А. Р. Ратинов и Н. А. Якубович, полагают, что доказывание и познание в уголовном процессе не совпадают, что первое уже второго. При этом они ссылаются на то, что доказывание не исчерпывает всех путей познания в уголовном судопроизводстве, что некоторые относящиеся к делу знания могут быть получены и непроцессуальным путем, из непроцессуальных источников, запечатлены в непроцессуальной форме в виде так называемой ориентирующей информации [3, с. 13].

По нашему мнению, непроцессуальная познавательная деятельность, предшествующая или сопровождающая уголовно-процессуальное доказывание, не имеет правового значения, так как выходит за рамки уголовного процесса. Установление истины в уголовном процессе, познание, результаты которого имеют юридическое значение, осуществляется лишь в процессуальной форме. Поэтому когда мы говорим о гносеологической сущности уголовно-процессуального доказывания как особой разновидности познания действительности, мы должны ставить знак равенства между доказыванием и познанием.

Р. Г. Домбровский считает необходимым не только различать познание и доказывание в процессе судебного исследования, но исходя из этого, различать криминалистическую и процессуальную деятельность. Под доказыванием он понимает только изложение мыслей в процессе общения одного индивида с другим, а под познанием — процесс выработки мыслей познающим субъектом. По его мнению, познание предшествует доказыванию, так как прежде чем излагать знания, индивид должен их приобрести. Он полагает, что сущностью криминалистической деятельности является познание, а уголовно-процессуальной деятельности — доказывание [5, с. 166—175].

С таким пониманием сущности уголовно-процессуального доказывания согласиться нельзя, так как содержательная сторона его выхолащивается и остается только криминалистическая деятельность, не урегулированная нормами права, которая

объявляется единственным средством познания в судебном исследовании.

Некоторые авторы, различая в деятельности лиц и органов, ведущих процесс, исследование и доказывание, считают, что первое шире второго, включает его в себя. Так, А. А. Старченко, рассматривая деятельность судебных и следственных органов по обнаружению, проверке и оценке доказательств как исследование, пишет, что центральное место в нем «принадлежит доказыванию, то есть логически обоснованному, опирающемуся на достоверно установленные факты выводу о виновности привлеченных к уголовной ответственности лиц» [11, с. 18—20]. А. Д. Соловьев полагал, что доказывание представляет собой оперирование уголовно-процессуальными доказательствами, при исследовании же используются и иные фактические данные, полученные из непроцессуальных источников, что доказывание развивается на базе исследования и выступает в качестве его завершающего элемента [10, с. 18].

Другие авторы рассматривают содержание уголовно-процессуального доказывания более широко, выделяя два его вида: доказывание как исследование фактических обстоятельств и как логическое и процессуальное обоснование определенного тезиса, утверждения, выводов по делу. Исследование, таким образом, является только частью общего понятия доказывания в уголовном процессе. Так, В. М. Савицкий пишет, что доказывание в смысле деятельности соответствующих органов и лиц по собиранию, закреплению, проверке и оценке доказательств равнозначно исследованию. Он отмечает также, что доказывание тезиса, вывода всегда обращено к внешнему адресату, в то время как доказывание в смысле исследования предназначено прежде всего для формирования внутреннего убеждения самого познающего [9, с. 153, 167]. Л. Д. Кокорев считает, что доказывание в уголовном судопроизводстве «следует рассматривать как единое понятие, тождественное понятию процессуального доказывания, имея в виду вместе с этим два возможных его аспекта: доказывания — собирание, проверка и оценка фактических данных; доказывания — обоснование выводов, к которым приходят лица, осуществляющие уголовно-процессуальное доказывание» [3, с. 206]. Такая позиция представляется совершенно правильной. К сожалению, она не всегда учитывается при разработке определения понятия доказывания в уголовном процессе.

В литературе выделяются также такие уровни (ступени) судебного доказывания: доказывание-познание, доказывание-установление и доказывание-обоснование (Ю. К. Орлов). Не трудно заметить, что эти уровни доказывания включают собирание, закрепление, проверку и оценку доказательств и их источников, а также обоснование выводов по делу, но примененный им к первому из трех уровней термин доказывание-

познание вряд ли удачен, так как получается, что судебное доказывание по содержанию шире, чем познание, что последнее — только один из его элементов, хотя в действительности уголовно-процессуальное доказывание представляет собой разновидность познания.

Представляется неудачной и терминологическая конструкция, предложенная В. Д. Арсеньевым. Он считает необходимым различать в общем понятии доказывания в уголовном процессе, предметом которого являются различные положения, особое понятие уголовно-процессуального доказывания как специфического уголовно-процессуального института, предметом которого являются только фактические обстоятельства дела» [2, с. 11]. Но «общее понятие доказывания в уголовном процессе» не может не быть уголовно-процессуальным. Ограничивать же понятие уголовно-процессуального доказывания только тем его видом, который можно назвать исследованием, и игнорировать другой его вид — обоснование выводов, утверждений по делу — неправильно ни в теоретическом, ни в практическом отношениях.

Элементы доказывания как исследования. Этот вид доказывания представляет собой соединение практических действий и мышления участников уголовно-процессуальной деятельности. На практике все его элементы тесно и неразрывно переплетаются друг с другом. Выделяются же они из единого процесса доказывания в научных, педагогических, нормотворческих и практических целях. По вопросу о количестве и наименовании элементов процесса доказывания мнения процессуалистов разделились. Одни считают, что по своему содержанию процесс доказывания складывается из четырех элементов: собирания доказательств, их закрепления, проверки и оценки (А. Р. Ратинов, Н. А. Якубович), другие выделяют только три элемента процесса доказывания: собирание, проверку и оценку доказательств, включая при этом процессуальное закрепление доказательств в их собирание, так как полагают, что познавательный и удостоверительный аспекты доказывания очень тесно взаимосвязаны и практически неотделимы друг от друга (П. А. Лупинская, С. А. Шейфер) [4, с. 13].

На наш взгляд, термины собирание (а также обнаружение, получение, представление) и закрепление доказательств являются не вполне точными, так как в действительности они относятся не к доказательствам, а к тем следам — изменениям в окружающей среде, которые порождаются определенными событиями и являются лишь гносеологической предпосылкой возникновения доказательств как результата процессуальной деятельности следователя и суда. Доказательства же и их процессуальные источники, предусмотренные в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства, формируются лишь в ходе произ-

водства и процессуального оформления органами расследования, прокурором и судом следственных и иных процессуальных действий. Поэтому представляется, что первый элемент процесса доказывания следует называть формированием доказательств и процессуальных источников.

Некоторые авторы выделяют такие элементы процесса доказывания: собирание; закрепление; проверка и оценка доказательств; получение обоснованных выводов по делу (С. А. Альперт). Другие выделяют построение и динамическое развитие следственных версий по делу; собирание доказательств и их источников; проверку доказательств и их источников; оценку средств доказывания по делу; обоснование выводов по делу. При этом под средствами процессуального доказывания понимаются доказательства, источники доказательств и способы их получения и оперирования ими — следственные и некоторые другие процессуальные действия [12, с. 11—13, 93—95]. Последнюю позицию разделяют Л. Д. Кокорев [3, с. 210] и другие, но в качестве четвертого элемента они называют оценку доказательств, а не средств доказывания, что представляется правильным, так как оценка доказательств и их источников включает и оценку способов их получения. По нашему мнению, построение (выражение) следственных (равно как и судебных) версий нельзя рассматривать в качестве элемента уголовно-процессуального доказывания. Версия (в логике она называется гипотезой) — это форма мышления; она является не процессуальной, а криминалистической категорией, но регулируемой нормами права. Между тем уголовно-процессуальное доказывание — это деятельность правовая, и только правовая. Что касается получения и обоснования выводов по делу, то его правильнее рассматривать как составную часть оценки доказательств и их источников.

В литературе высказывалось также мнение, что оценка доказательств как мыслительная деятельность — это самостоятельная процессуальная категория, находящаяся вне границ понятия судебного доказывания и не являющаяся составной частью доказывания. При этом под доказыванием понимались только процессуальные действия следственных и судебных органов по собиранию и закреплению доказательств, т. е. их практическая деятельность (С. В. Курылев). Но без мыслительной деятельности, без оценки доказательств уголовно-процессуальное доказывание как разновидность познания попросту невозможно.

В итоге мы приходим к выводу, что в качестве элементов процесса доказывания как исследования надо рассматривать формирование, проверку и оценку доказательств и их процессуальных источников.

Путь познания в уголовно-процессуальной деятельности.
Характеризуя путь познания действительности, В. И. Ленин

писал: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» [1, т. 29, с. 152—153]. Обычно на это высказывание ссылаются при анализе пути познания истины в ходе уголовно-процессуального доказывания. Но, как правильно подчеркивалось в литературе (В. М. Шванков), обладая характером всеобщности, это положение в то же время не сводится к любой человеческой деятельности, направленной на достижение истины, оно отражает процесс познания истины, объективной реальности в логически чистом виде, как бы в обшественно-историческом аспекте. Живое созерцание — это непосредственное активное чувственное познание через ощущения и восприятие. Мышление же является опосредствованным и обобщенным отражением в мозгу человека существенных свойств, причинных отношений и закономерных связей вещей. С помощью абстрактного мышления постигается сущность вещей. При этом человек познает действительность не только в результате своего личного опыта, но и с помощью опыта косвенного, усваивая знания других людей. Марксистско-ленинская теория познания исходит из единства и взаимопроникновения чувственного и рационального, непосредственного и опосредствованного в познании. Поэтому правильно отмечает П. А. Лупинская, что, рассматривая общее движение процесса познания, выраженное в приведенной выше ленинской формуле, надо иметь в виду, что живое созерцание, мышление и практика не являются обособленными ступенями познания; рациональное, логическое сопровождает весь процесс познания, а не появляется на ступени, следующей за непосредственным живым созерцанием; осмысливание данных практической деятельности влечет за собой определенные логические выводы, которые, в свою очередь, побуждают к практической деятельности [8, с. 26—27]. Анализируя процесс судебного познания, Ю. М. Грошевой пишет: «...познание обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, движется не от чувственно воспринимаемых судьей сведений, содержащихся в источниках доказательств, к формальной (нормативной) абстракции и не от формальной абстракции (т. е. от нормативного описания уголовно-правового запрета) к чувственно воспринимаемому конкретному факту, а от одного теоретически осмысленного факта в его правовом значении к другому» [4, с. 21].

По вопросу о возможности и значении чувственного, непосредственного познания в уголовно-процессуальном доказывании в юридической литературе высказаны различные мнения. Одни авторы признают возможность такого познания, подчеркивая, однако, его весьма ограниченное значение. Так, В. Я. Дорохов и В. С. Николаев пишут, что «непосредственное познание возможно в уголовном процессе, хотя сфера его применения

ограничена; оно «возможно в тех случаях, когда следователь производит такие следственные действия, как осмотр, обыск, следственный эксперимент и др., направленные на обнаружение тех или иных предметов, явлений, могущих быть доказательствами по делу» [6, с. 39, 40]. Другие авторы считают, что доказывание в уголовном процессе является только опосредствованным познанием. В. И. Савицкий, например, пишет: «Никаким иным путем, кроме собирания, проверки и оценки доказательств, нельзя достоверно познать обширную совокупность фактов, из которых слагается преступление, ибо все эти факты принадлежат прошлому и недоступны чувственному, непосредственному восприятию лиц, исследующих преступление. Доказывание поэтому всегда есть опосредствованное познание [9, с. 146].

На наш взгляд, вряд ли правильно вообще отрицать возможность чувственного, непосредственного познания отдельных доказательственных фактов следвателем или судом. Но это познание всегда сопровождается мышлением, оно должно происходить в рамках предусмотренных законом следственных и иных процессуальных действий, находить отражение в протоколах и других процессуальных документах, иначе оно будет познанием непроцессуальным, не имеющим юридического значения. С помощью непосредственного познания нельзя установить ни одного из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу. Каждое из таких обстоятельств и всю их совокупность и тем самым истину по делу можно установить только с помощью рационального познания, мышления, поэтому в целом уголовно-процессуальное доказывание является опосредствованным познанием.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, 29. 2. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. — М., 1964.—178 с. 3. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. — Воронеж, 1978.—303 с. 4. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979.—144 с. 5. Домбровский Р. Г. Соотношение познания и доказывания в судебном исследовании. — Учен. зап. Латв. ун-та, т. 241. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 11. Рига, 1975. с. 166—175. 6. Дорохов В. Я., Николаев В. С. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. — М., 1959.—235 с. 7. Зеленецкий В. С. Познания в кримінальному процесі. — Рад. право, 1977, № 4, с. 73—76. 8. Лушинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе. — М., 1966.—93 с. 9. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. — М., 1971.—341 с. 10. Соловьев А. Д. Процессуальные вопросы установления истины на предварительном следствии: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. — Киев, 1969. — 44 с. 11. Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. — М., 1958.—235 с. 12. Фактулин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. — Казань, 1976.—206 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОКУРОРА ОБ УСТРАНЕНИИ НАРУШЕНИИ ЗАКОНА, ПРИЧИН НАРУШЕНИЙ И СПОСОБСТВУЮЩИХ ИМ УСЛОВИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Одной из наиболее эффективных форм устранения выявленных прокурором нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий является представление. Практика надзорной деятельности прокурора свидетельствует о широком использовании прокурорами представлений не только по общему надзору, но и в уголовном процессе. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство регламентирует лишь некоторые виды представлений.

В УПК УССР внесение представлений предусматривалось лишь в случаях: 1) необходимости принятия следователем мер к передаче несовершеннолетних на попечение родственников или устройству их в детские учреждения, если лицо заключено под стражу и у него имеются несовершеннолетние дети, остающиеся без надзора [ст. 159]; 2) постановления прокурором района (города) перед вышестоящим прокурором вопроса о внесении протеста в порядке судебного надзора [ч. 2 ст. 386]; 3) при разрешении судом вопросов, возникающих в ходе реализации наказания (в редакции 1960 г.). В новой редакции 1971 г. ст. 23 УПК УССР предусматривает внесение органом дознания, следователем и прокурором в соответствующее предприятие, учреждение или организацию представления с целью устранения причин и условий, способствующих совершению преступления, при установлении их во время предварительного расследования преступления*.

Таким образом, из всех предусмотренных уголовно-процессуальным и другим законодательством представлений прокурор вносит представления либо вышестоящему прокурору, либо органам государственного управления для принятия мер по устранению нарушений закона или поощрению граждан, отличившихся в борьбе с правонарушителями, поскольку принятие таких мер выходит за пределы его компетенции.

Никаких других оснований для внесения представлений в уголовном процессе действующее законодательство не предусматривает. Отсутствие в ст. 29 Закона о прокуратуре СССР

* Статья 140 УПК РСФСР предусматривает право внесения такого представления только следователем. В практике следователей Украинской ССР представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, вносились и до августа 1971 г., но поскольку такое представление не было предусмотрено законом, следователи руководствовались ст. 16 Положения о прокурорском надзоре в СССР, что противоречило закону, так как право внесения представления в порядке общего надзора предоставлялось прокурору, а не следователю.

и ст. 100 и 227 УПК УССР, определяющих полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, указаний на внесение прокурором представления об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий можно объяснить тем, что в отличие от общенадзорной деятельности, где прокурору не предоставлено право самому отменять незаконные акты органов государственного управления, при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия прокурор может отменять незаконные и необоснованные постановления, давать обязательные для них указания, отстранять лицо, производящее дознание, или следователя и т. д. Поэтому прокурору не требуется приносить протесты или вносить представления для устранения нарушений закона по конкретному уголовному делу: он сам устраняет выявленные им нарушения закона.

Однако практика свидетельствует о том, что принимаемые прокурором меры по устранению нарушений, выявленных при осуществлении надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия, не укладываются в те рамки закона, которые регламентируют его процессуальные полномочия. Помимо отмены незаконных постановлений органов дознания и дачи им соответствующих указаний по конкретным делам, как правило, возникает потребность обобщения допущенных при расследовании уголовных дел нарушений закона и внесения представлений руководителям органов дознания и предварительного следствия органов внутренних дел не только об устранении, но и о недопущении подобных нарушений при расследовании других уголовных дел, о чем справедливо пишет В. И. Басков*.

Потребность внесения представления возникает также в тех случаях, когда прокурор в силу специальных указаний закона лишен возможности в полной мере использовать свои полномочия для устранения допущенных нарушений закона. Например, при отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела прокурор не может полностью выполнить требования ч. 4 ст. 100 УПК УССР в отношении возбуждения уголовного дела, если к этому моменту истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Установив неполноту дознания в отношении производства неотложных следственных действий по уголовному делу, по которому проведение предварительного следствия обязательно, прокурор не может отменить постановление о направлении дела для производства предварительного следствия и вернуть дело на дополнительное расследование органу дознания ввиду истечения установленного ст. 108 УПК УССР десяти-

* Басков В. И. Прокурорский надзор при рассмотрении судами уголовных дел. — М.: Юрид. лит., 1980, с. 260—261.

тидневного срока дознания, который не подлежит продлению. Прокурор не может также возратить на дополнительное расследование органу дознания уголовное дело, по которому обязательно производство предварительного следствия, когда оно незаконно прекращено органом дознания и т. д.

В таких ситуациях возникает необходимость принять меры к недопущению подобных нарушений закона, а в ряде случаев — и к привлечению виновных к дисциплинарной ответственности. Прокурор может сделать это путем внесения представления руководителям органов дознания или предварительного следствия органов дознания или предварительного следствия органов внутренних дел. Однако уголовно-процессуальный закон не представляет прокурору права вносить такие представления. В то же время УПК УССР в ст. 340 и 382 устанавливает, что о выявленных нарушениях закона или прав граждан, допущенных при производстве дознания или предварительного следствия по конкретным уголовным делам, суды выносят частные определения, которыми обращается внимание соответствующих должностных лиц на допущенные нарушения закона.

Такое же право, но путем внесения представления, должно быть предоставлено прокурору, который выявляет нарушения закона до направления дела в суд при утверждении обвинительного заключения, при даче согласия на прекращение уголовных дел или при проверке уголовных дел, находящихся в производстве органов дознания или следователей органов внутренних дел. Прокурор вносит такие представления не только по конкретному уголовному делу, но и по обобщенным материалам проверки, включая и обобщения судебной практики. Законодательное закрепление такого права прокурора позволит ему не только обращать внимание соответствующих органов дознания и предварительного следствия органов внутренних дел на нарушения, допущенные при расследовании уголовных дел, но и предъявлять конкретные требования по устранению и недопущению впредь нарушений закона, исходя из своих полномочий по осуществлению процессуального руководства дознанием и предварительным следствием.

В практике деятельности прокуроров широко распространены представления и информации об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий, выявленных при проверке исполнения органами внутренних дел (милиции) законов о приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях. Вносятся также представления с целью устранения иных нарушений закона, допущенных органами дознания и предварительного следствия. В указанных случаях прокуроры руководствуются не требованиями ст. 29 Закона о прокуратуре СССР и ст. 100 и 227 УПК УССР ввиду отсутствия в них указания на возможность внесения представления, а п. 9 ст. 23 и ст. 26 Закона о прокура-

туре СССР, которые регламентируют полномочия прокурора и представление в порядке общего надзора; при внесении представления в уголовном процессе прокуроры исходят из приказов и указаний Генерального прокурора СССР. Последние обязательны для всех прокуроров, их целесообразно закрепить в законодательном порядке. Это создает новую правовую норму, будет способствовать повышению эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в советском уголовном процессе. Так, данные Генеральным прокурором СССР 17 августа 1962 г. указания о возможности производства осмотра места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела были закреплены в УПК союзных республик: ст. 178 УПК РСФСР была дополнена соответствующими указаниями в сентябре 1963 г., а ст. 190 УПК УССР — в августе 1971 г. Необходимость законодательного закрепления представления об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий в уголовном судопроизводстве вызывается следующими соображениями.

В процессе надзорной деятельности за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия прокурор не может осуществить полностью свои полномочия ввиду их различной регламентации ст. 26 и 29 Закона о прокуроре СССР. Полномочия прокурора при осуществлении им общего надзора не распространяются на его деятельность по надзору за исполнением закона органами дознания и предварительного следствия: в Общих положениях Закона о прокуратуре СССР не содержится указаний о возможности применения норм, регулирующих общий надзор, в уголовном процессе. Нет таких указаний и в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также в УПК союзных республик.

Если прокурор выявил нарушения закона в уголовном судопроизводстве, при устранении их он должен руководствоваться нормами уголовно-процессуального закона. Поэтому соответствующая норма, предусматривающая для прокурора возможность вносить в органы расследования, суда и в органы, ведающие исполнением наказания и иных мер принудительного характера, назначаемых судом, представления об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий, допущенных при расследовании и разрешении уголовных дел, а также при исполнении приговора, должна быть внесена в раздел первый УПК УССР «Общие положения».

Законодательное закрепление такой нормы необходимо и потому, что, хотя представление в уголовном судопроизводстве по своей форме и содержанию имеет много общего с представлением в порядке общего надзора, оно существенно отличается по методам выявления нарушений закона и формам их устранения.

Общее между названными представлениями состоит в том, что они преследуют одинаковые цели, а именно: устранение

нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий, а также наказание виновных должностных лиц.

Различия представлений по их содержанию заключаются в том, что в представлении в уголовном процессе прокурор указывает, какие меры приняты им непосредственно по устранению нарушений закона (отменены незаконные постановления органа дознания и следователя, отстранены лица, производившие дознание, и следователи от дальнейшего расследования, изъяты от органа дознания или следователя уголовные дела и т. д.), тогда как в представлении в порядке общего надзора указывается, какие акты органов государственного управления опротестованы и кому направлены протесты. Различие состоит также в том, что в представлении в порядке общего надзора прокурор дает рекомендации органам государственного управления и должностным лицам о проведении мероприятий по устранению нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий, окончательный выбор которых производится по их устранению, а в представлении руководителям органов внутренних дел наряду с такими рекомендациями даются также обязательные для них указания прокурора по вопросам осуществления уголовно-процессуальной деятельности в соответствии со ст. 29 Закона о прокуратуре СССР и ст. 227 УПК УССР.

Важно также отметить, что деятельность прокурора по надзору за исполнением законов органами дознания, предварительного следствия, суда и органами, ведающими применением наказания и иных мер принудительного характера, назначаемых судом, является уголовно-процессуальной деятельностью и должна поэтому основываться на уголовно-процессуальном законе, ибо «уголовно-процессуальный закон является единственным источником советского уголовно-процессуального права, никакие иные нормативные правовые акты не могут устанавливать уголовно-процессуальных норм»*. Порядок осуществления прокурорами и следователями прокуратуры полномочий в судопроизводстве в соответствии со ст. 5 Закона о прокуратуре СССР определяется законодательными актами Союза ССР и союзных республик.

Конкретизация общих положений о представлении в уголовном судопроизводстве должна найти отражение в нормах, регулирующих надзорную деятельность прокурора в различных стадиях советского уголовного процесса и прежде всего в ст. 100 и 227 УПК УССР. Прокурору нужно предоставить право при выявлении нарушений закона органами дознания и предварительного следствия в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования не только самому устранять на-

* Строгович М. С., Алексеева Л. В., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. — М.: Наука, 1979, с. 4.

рушения закона по конкретному уголовному делу, но и предъявлять к руководителям органов дознания и предварительного следствия органов внутренних дел требования об устранении нарушений закона и способствующих им условий по всем выявленным нарушениям в их обобщенном виде.

Подобно тому как кассационной инстанции предоставлено право выносить частные определения, которыми обращается внимание соответствующих должностных лиц на нарушения, допущенные при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции [ч. 1, ст. 382 УПК УССР], прокурору в пределах его компетенции нужно предоставить право вносить представления об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий, допущенных не только судами первой инстанции и не только по конкретному уголовному делу, но также кассационной и надзорными инстанциями по результатам обобщений судебной практики.

Целесообразно также дополнить ст. 415 УПК УССР и указать в ней полномочия прокурора по осуществлению надзора за соблюдением закона при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом, так, как они определены в ст. 43 Закона о прокуратуре СССР, и дополнить ее указанием на право прокурора вносить представления об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий.

Представление прокурора об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий, выявленных при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия органов внутренних дел, при рассмотрении дел в судах, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом, должно содержать следующие положения: 1) наименование представления и органа, которому оно выносится, а также время внесения представления, обозначенное на штампе прокуратуры; 2) указание о произведенной проверке (отраслевой, комплексной), выявленных типичных нарушениях закона, иных нарушениях и их анализ; 3) какие меры приняты непосредственно прокурором по устранению нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий (отменены незаконные постановления органов дознания и следователей, возбуждены уголовные дела в отношении виновных в грубых нарушениях закона должностных лиц органов внутренних дел (милиции), отстранены должностные лица от производства следствия и дознания, изъяты уголовные дела или материалы от органа дознания или следователя и переданы другим следователям, даны указания о производстве следственных действий и т. д.); 4) указание на те нарушения закона, по которым прокурор непосредственно не принял мер к их устранению,

и предложения руководителям органа дознания и предварительного следствия органов внутренних дел об устранении этих нарушений; 5) предложения о привлечении виновных должностных лиц органов расследования к дисциплинарной ответственности; 6) рекомендации о проведении конкретных мероприятий по устранению нарушений закона и недопущения их при расследовании уголовных дел; 7) указания о выполнении требований уголовно-процессуального закона по находящимся в производстве уголовным делам в части соблюдения сроков дознания и предварительного следствия о передаче дел наиболее опытным следователям и т. д.; 8) предложение о безотлагательном рассмотрении представления и принятии не позднее чем в десятидневный срок конкретных мер по устранению нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий, а также о необходимости сообщить о результатах рассмотрения в прокуратуру.

Десятидневный срок рассмотрения такого представления следует установить потому, что в уголовном процессе законодательно закреплены весьма сжатые сроки для производства определенных процессуальных действий, например, для задержания подозреваемого и применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения, производства дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, для проверок по делам о хулиганстве и мелком хищении государственного и общественного имущества и т. д.

Поступила в редколлегия 25.05.81.

Д. М. БАКАЕВ, канд. юрид. наук

Харьков

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ

В нашей стране целенаправленно и последовательно проводится работа по дальнейшему развитию советской демократии, реальному обеспечению прав и интересов граждан, укреплению социалистической законности и правопорядка во всех сферах жизни общества. «В укреплении социалистической законности и правопорядка, — отметил на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев, — высока ответственность органов юстиции, суда, прокуратуры, советской милиции... Советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание» [2, с. 65].

В литературе по прокурорскому надзору принципам организации и деятельности советской прокуратуры уделено определенное внимание [3, с. 54; 6, с. 31]. В настоящее время данный вопрос особенно актуален и нуждается в дальнейшем

теоретическом обосновании в свете решений XXVI съезда КПСС, требований Конституции СССР 1977 г. и Закона о прокуратуре СССР.

Принципы организации и деятельности прокуратуры — это руководящие положения, определяющие сущность, задачи и систему прокуратуры, полномочия прокурора по осуществлению высшего надзора за исполнением законов. Как и все органы советского государства, прокуратура организована и действует на основе общих организационно-политических принципов советской государственной деятельности: партийного руководства, демократического централизма, социалистического планирования, социалистической законности и участия масс в управлении делами государства [7, с. 346]. Вместе с тем прокурорскому надзору присущи особые черты, которые в своей совокупности отличают его от других форм государственной деятельности. В ст. 4 Закона о прокуратуре СССР закреплено шесть основополагающих принципов организации и деятельности прокуратуры.

Первый принцип заключается в том, что органы прокуратуры составляют единую и централизованную систему — Прокуратуру СССР, возглавляемую Генеральным прокурором СССР, с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим. Каждый прокурор является представителем этой системы, действует от имени единой прокурорской власти, наделен одинаковыми по характеру полномочиями (за некоторыми исключениями, например, право продления срока содержания арестованного под стражей свыше двух месяцев на предварительном следствии принадлежит только прокурору области и вышестоящим прокурорам). Поэтому возможна замена одного прокурора другим. Так, прокурор области может выполнять все функции районного прокурора — производить общенародные проверки на территории района, выступать в районном суде, проверять исполнение законов в деятельности РОВД при расследовании преступлений и т. д. Больше того, областной прокурор может поручить выполнение некоторых своих функций прокурору района. Например, уголовные дела по фактам умышленных убийств рассматриваются областным судом, где обвинение поддерживают работники областной прокуратуры. Но прокурор области может поручить поддержание обвинения по этой категории дел районному прокурору, и областной суд допустит его к участию в деле как представителя единой прокурорской системы. В силу принципа единства прокурорские акты (документы) подлежат рассмотрению, а в ряде случаев и обязательному исполнению на всей территории страны, независимо от прокурора какого звена они исходят. Например, постановление прокурора города Харькова о производстве обыска в квартире гражданина, проживающего в городе Владивостоке, подлежит там исполнению как документ представителя единой прокурорской власти.

Принцип единства прокуратуры обеспечивает единообразное понимание и применение законов всеми прокурорами и осуществление ими действенного надзора за законностью.

Централизация прокуратуры означает прежде всего подчиненность органов прокуратуры только по вертикали: нижестоящий прокурор подчиняется вышестоящему, а все прокуроры — Генеральному прокурору СССР. Подчинение по горизонтали у органов прокуратуры нет. Все другие органы, как правило, имеют подчиненность и по горизонтали. Так, районный отдел внутренних дел по вертикали подчинен УВД области и вышестоящим органам МВД, а по горизонтали — районному Совету народных депутатов и вышестоящим Советам. Централизация прокуратуры означает также руководство и контроль вышестоящих прокуроров в отношении подчиненных прокуратор, дачу обязательных указаний нижестоящим прокурорам, отмену или изменение их актов надзора, право поощрения и наказания подчиненных работников (оно принадлежит прокурору области и вышестоящим прокурорам).

Централизация прокурорского надзора обеспечивается порядком назначения (а не выборности) прокуроров на должности. Генеральный прокурор СССР и все нижестоящие прокуроры назначаются сроком на 5 лет (ст. 167 Конституции СССР). Генеральный прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР, ответствен перед ним и подотчетен ему, а в период между сессиями Верховного Совета СССР — перед Президиумом Верховного Совета СССР, которому подотчетен (ст. 165 Конституции СССР). Первый заместитель и заместители Генерального прокурора СССР, Главный военный прокурор назначается Президиумом Верховного Совета СССР по представлению Генерального прокурора СССР (ст. 14, 17 Закона о прокуратуре СССР). Прокуроры союзных и автономных республик, краев и областей и автономных областей назначаются Генеральным прокурором СССР. Прокуроры автономных округов, районов и городов назначаются прокурорами союзных республик и утверждаются Генеральным прокурором СССР (ст. 166 Конституции СССР, ст. 7 Закона о прокуратуре СССР). Централизация прокуратуры обусловлена необходимостью внедрения единой законности, что требует четкой, централизованной деятельности, возглавляемой прокуратурой СССР.

Второй принцип состоит в том, что органы прокуратуры действуют на основе социалистической законности, в соответствии с Конституцией СССР, конституциями союзных и автономных республик. Социалистическая законность — основополагающий принцип организации и деятельности прокуратуры, как и всех органов Советского государства (ст. 4 Конституции СССР).

Принцип социалистической законности в деятельности прокуратуры имеет двойное значение. Во-первых, прокуратура обязана осуществлять высший надзор за точным и неуклонным

исполнением законов всеми поднадзорными органами, должностными лицами и гражданами, своевременно принимать меры к выявлению и устранению всяких нарушений законов, от кого бы они ни исходили. Невыполнение этой обязанности прокурором есть нарушение принципа законности. Во-вторых, прокуроры обязаны неуклонно соблюдать законность в своей работе, служить примером уважительного отношения к закону и безусловного его исполнения. Вся деятельность прокуроров должна быть основана на законе и осуществляться в точном соответствии с ним. За соблюдение законности в каждой прокуратуре отвечает ее руководитель — прокурор района, области и т. д. Вышестоящий прокурор следит за исполнением законов в нижестоящих прокуратурах. Ответственность за соблюдение законности во всех органах прокуратуры лежит на Генеральном прокуроре СССР. Но и его деятельность подзаконна. Приказы и инструкции Генерального прокурора СССР издаются лишь на основании и во исполнение действующих законов и обязательны для исполнения всеми органами прокуратуры. В случае несоответствия закону приказов и инструкций Генерального прокурора они могут быть отменены Президиумом Верховного Совета СССР.

Третий принцип гласит, что органы прокуратуры осуществляют надзор за правильным и единообразным применением законов, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным и ведомственным влияниям. Этот принцип отражает ленинское положение об установлении в стране единой законности [1, т. 45, с. 198. Прокурорский надзор должен служить решению поставленной В. И. Лениным общепартийной, общегосударственной задачи — из воли сотен миллионов граждан создать единую волю.

Следует отметить, что в ряде законодательных актов выражены требования, ограждающие прокуроров от влияния на них местных органов. Так, в ст. 20 Закона о прокуратуре СССР записано, что совместительство службы в органах прокуратуры с работой на предприятиях, в учреждениях или организациях не допускается, за исключением научной или педагогической деятельности. Прокуроры не могут входить в состав исполнительно-распорядительных органов, постоянных комиссий местных Советов народных депутатов и вышестоящих Советов. Например, в ст. 77 Закона УССР «О районном Совете народных депутатов Украинской ССР» от 25 декабря 1979 г. отмечено, что в состав постоянных комиссий районного Совета народных депутатов не может быть избран депутат — прокурор района.

Четвертый принцип означает, что органы прокуратуры принимают меры к выявлению и своевременному устранению любых нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили, и восстановлению нарушенных прав и привлечению виновных к установленной законом ответственности. В этом принципе

отражено ленинское требование: прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом.

Законодательство о прокуратуре наделяет прокурора широкими полномочиями и правовыми средствами их реализации, исполняя которые он обязан своевременно выявлять и устранять правонарушения, принимать меры к привлечению виновных к ответственности. Даже в тех случаях, когда нарушение закона допущено государственным органом, не поднадзорным прокурору, он обязан принять меры к устранению этого нарушения. Например, на сессии районного Совета народных депутатов принято незаконное решение. Поскольку Советы народных депутатов не поднадзорны прокурору, он не вправе опротестовать указанное решение сессии, а вносит представление или направляет информацию в вышестоящий Совет с изложением своих доводов о необходимости отмены незаконного решения.

Пятый принцип состоит в том, что органы прокуратуры взаимодействуют с Советами народных депутатов, другими государственными органами, общественными организациями и трудовыми коллективами, опираются на активную помощь граждан в деле укрепления правопорядка.

В Советском государстве все органы, в том числе и прокуратура, должны работать в тесном контакте, во взаимодействии друг с другом. Согласно Конституции СССР (ст. 4, 146) Советы и их органы обеспечивают соблюдение законности, охрану правопорядка на подведомственной им территории. В этом плане у прокуратуры и местных Советов цели едины, но формы и методы работы по достижению этих целей различны. Взаимодействие местных Советов, их органов и прокуратуры должно осуществляться в форме координации, выработки и осуществления совместных мероприятий по общим вопросам, входящим в компетенцию прокуратуры и других государственных органов на местах [4, с. 104].

В своей работе прокуроры обязаны исходить из того, что проблема законности может быть решена лишь объединенными и согласованными усилиями партийных, государственных органов и общественности. Наиболее часто органы прокуратуры осуществляют взаимодействие с исполкомами местных Советов народных депутатов, комиссиями местных Советов по социалистической законности и охране правопорядка, по делам несовершеннолетних, наблюдательной комиссией и комитетами народного контроля. Основными формами такого взаимодействия являются: обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью и иными правонарушениями; согласование планов работы; согласование действий по проверке сигналов о нарушениях законности на отдельных объектах; функционирование каждого органа в пределах своей компетенции присущими ему методами, а реагирование на факты нарушений — каждым орга-

лом отдельно; разработка согласованных мероприятий по укреплению законности.

В деятельности прокуратуры находит свое выражение ленинское указание о воспитании трудящихся «...в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности...» [1, т. 44, с. 337], а также требование КПСС и Конституции СССР (ст. 9) о все более широком участии граждан в решении государственных и общественных дел.

На XXVI съезде КПСС было отмечено, что в укреплении социалистической законности и правопорядка прокуратуре, как и другим правоохранительным органам, будет обеспечена полная поддержка партии и всей нашей общественности. Формы связи прокуратуры с общественностью разнообразны. Так, в 1960 г. в стране возник и действует ныне институт общественных помощников прокурора. В прокуратуру добровольно на общественных началах пришли десятки тысяч передовиков предприятий и организаций, активных общественников, пенсионеров, ранее работавших на юридических должностях, студентов-заочников юридических учебных заведений и т. д. Например, на Украине к началу 1964 г. было уже 8500 общественных помощников прокурора [5, с. 131].

По поручению прокурора или вместе с ним общественные помощники проверяют исполнение законов в порядке общего надзора (о жалобах и заявлениях, о труде, об отдыхе, об охране социалистической собственности), участвуют на собраниях трудящихся в обсуждении состояния законности, выступают с лекциями по правовым вопросам и т. д. Работой общественных помощников руководит прокурор, который проводит с ними занятия по повышению их юридических знаний.

Прокуроры используют помощь общественности для выявления и устранения нарушений законов. Например, проверяя исполнение законов на заводе, прокурор, принимая там рабочих с жалобами и заявлениями, беседуя с ними непосредственно в цехах, участвуя на собраниях коллектива, получает информацию о нарушениях законов, о причинах и условиях, способствующих этим нарушениям. В определенных законом случаях коллективы трудящихся и общественные организации совместно с прокурором решают вопросы о применении мер общественного воздействия к лицам, впервые совершившим незначительные правонарушения, о передаче виновного на поруки коллективу трудящихся или общественной организации по их ходатайству и с согласия прокурора (ст. 10 УПК УССР).

Шестой принцип состоит в том, что в соответствии с Конституцией СССР органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору СССР. Это значит, что органы прокуратуры в своей работе не подчинены и не подотчетны местным органам и все вопросы, связанные

с соблюдением законности, решают самостоятельно на основе законов, приказов, инструкций и указаний Генерального прокурора СССР. Местные органы не вправе вмешиваться в рассмотрение прокуратурой конкретных материалов о правонарушениях. При установлении нарушения закона прокурор не должен считаться с вмешательством местных органов, направленным на защиту правонарушителя или на необоснованное требование привлечения определенных лиц к ответственности. Подчеркивая независимость органов прокуратуры от местных органов, Закон о прокуратуре СССР установил, что возбуждение и расследование уголовных дел в отношении прокуроров и следователей прокуратуры является исключительной компетенцией прокуратуры и производится не иначе как с согласия органа, назначившего этих лиц на должность (ст. 47). Однако принцип независимости отнюдь не означает, что прокурор может игнорировать решения местных органов, действовать в отрыве от них. Вполне понятно, что независимость органов прокуратуры предполагает, как указывалось выше, взаимодействие местных органов и прокуратуры по обеспечению социалистической законности и охраны правопорядка.

Список литературы 1. Ленин. В. И. Полн. собр. соч., т. 41, 45. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—223 с. 3. Добровольская Т. Н. Понятие и системы принципов организации и деятельности советской прокуратуры. — В кн.: Вопросы теории и практики прокурорского надзора, ч. 1. — М., 1975, с. 54—66. 4. Мурашин Г. А. Органы прокуратуры в механизме Советского государства. — Киев: Наук. думка, 1972.—178 с. 5. Рагинский М. Ю. Участие общественности в деятельности прокуратуры. — В кн.: Становление и развитие прокурорского надзора в СССР. Торжество ленинских идей. — М., 1976, с. 117—133. 6. Рекунков А. М. Закон о прокуратуре СССР. — М.: Знание, 1980.—64 с. 7. Теория государства и права. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.—532 с.

Поступила в редколлегия 15.05.81.

С. А. АЛЬПЕРТ, канд. юрид. наук
Харьков

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ ПРОКУРОРА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Укрепление социалистической законности, постоянное совершенствование форм и методов борьбы с преступлениями являются важнейшими требованиями, предъявляемыми Коммунистической партией к правоохранительным органам Советского государства. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии товарищ Л. И. Брежнев указывал, что советский народ вправе требовать от правоохранительных органов максимально эффективной работы, «...чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание» [1, с. 88]. Упрочение социалистической законности представля-

ет собой одну из закономерностей Советского государства и права [2, с. 26; 13, с. 188]. Неуклонно возрастает социальная ценность советского права в решении задач коммунистического строительства. Всем этим определяется исключительная важность реального обеспечения строгого соблюдения законов, правоохраны как особого направления деятельности органов Советского государства.

Для правильного понимания существа правоохранительной деятельности того либо иного органа государства необходимо учитывать, что «задачи, стоящие перед государством, решаются в процессе осуществления всех видов государственной деятельности, но в различных правовых формах и разными методами, органически присущими каждому из этих видов» [5, с. 278]. В полной мере это относится и к органам правоохраны в уголовном судопроизводстве, ибо каждый из них осуществляет свою деятельность присущими лишь ему методами и средствами, с учетом того места, которое он занимает в системе органов Советского государства, конкретных задач, стоящих перед ним, и, наконец, условий, в которых, в соответствии с законом, протекает его деятельность.

Особый теоретический и практический интерес представляет вопрос о правоохранительной деятельности органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве и тех процессуальных функциях, посредством которых реализуются стоящие перед ними задачи.

Правоохранительная деятельность органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, ее задачи и методы определены прежде всего Конституцией СССР и принятым в соответствии с нею Законом о прокуратуре СССР 1979 г., а также действующим уголовно-процессуальным законодательством. Правоохранительный характер деятельности прокуратуры отчетливо раскрыт уже в самой формулировке ее общих задач (ст. 2 Закона о прокуратуре СССР,) согласно которым она призвана охранять от всяких посягательств: закрепленный Конституцией СССР общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы; социально-экономические, политические и личные права и свободы граждан, провозглашенные и гарантированные Конституцией СССР и советскими законами; права и законные интересы государственных предприятий, учреждений и организаций, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Нельзя не обратить внимание на близость формулировок задач суда (ст. 3 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР) и указанных задач прокуратуры, чем еще раз подчеркивается, что и суд и прокуратура являются органами правоохраны. Вместе с тем, как справедливо отмечает Т. Н. Добровольская, «сфера правоохранительной деятельности прокурорского надзора намного шире

сферы, входящей в компетенцию органов правосудия» [5, с. 279]. Прокурорский надзор за законностью распространяется на самый широкий круг органов и лиц. Одной из важных составных его частей является надзор за исполнением законов в уголовном судопроизводстве, в том числе и при рассмотрении дел в судах.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что формы деятельности прокурора, объем его полномочий, процессуальное положение неодинаковы в различных стадиях, ибо различны условия стадий, а также конкретные задачи, которые перед ними стоят. Этим в значительной степени обусловлена сама постановка вопроса о процессуальных функциях, осуществляемых прокурором в уголовном судопроизводстве.

Наиболее распространенным является мнение, высказанное впервые М. С. Строговичем, что уголовно-процессуальные функции — это «отдельные виды, отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности» [12, с. 188]. Его следует признать правильным в своей основе. Правда, М. С. Строгович, как и многие другие авторы, не объясняет, что нужно понимать под «направлением процессуальной деятельности». Представляется, что «направление» — это не отдельное действие, а их совокупность, «спаянная единством цели» [14, с. 84—85]. Видимо, более правильно, характеризуя процессуальные функции, говорить об *основных* направлениях, т. е. «таких, которые в своей совокупности и в наиболее концентрированной форме выражают сущность уголовного судопроизводства, способствуют реализации его задач» [3, с. 15]. Не случайно и в Законе о прокуратуре СССР говорится об «основных направлениях деятельности прокуратуры» в реализации возложенных на нее задач. К числу процессуальных функций, на наш взгляд, должны быть отнесены: 1) расследование уголовного дела; 2) надзор за точным исполнением законов (прокурорский надзор); 3) обвинение; 4) защита; 5) поддержание гражданского иска; 6) возражение против гражданского иска; 7) правосудие.

Со всей определенностью следует подчеркнуть, что виды уголовно-процессуальных функций, равно как и круг субъектов, их осуществляющих, либо прямо определены в законе, либо из него вытекают. Иными словами, «уголовно-процессуальная функция — это *объективная* категория, отраженная в действующем законе» [3, с. 13]. Именно поэтому ряд авторов справедливо указывает, что никакой свободы выбора функций закон никому не предоставляет, что, определяя процессуальное положение данного субъекта, процессуальная функция не зависит от его конкретной позиции, занимаемой по уголовному делу [8, с. 25; 11, с. 33].

Изложенное имеет существенное значение для выяснения процессуального положения прокурора и тех функций, которые он осуществляет в уголовном судопроизводстве.

Надзор за точным исполнением законов является основной (генеральной) функцией, которую прокурор осуществляет на всем протяжении уголовного процесса, во всех его стадиях. Из этого общего положения, однако, не следует, что в отдельных стадиях судопроизводства у прокурора не может быть и других процессуальных функций, которые в качестве своеобразной подсистемы входят в названную выше генеральную функцию — надзор за точным исполнением законов.

В целом представляется правильным взгляд, подразделяющий деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве на две отрасли: надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия и надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах [9, с. 85]. Поэтому понятно внимание, которое уделяет ряд авторов исследованию вопроса о процессуальных функциях прокурора на предварительном расследовании и в стадиях судебных, особенно судебного разбирательства.

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о том, осуществляет ли прокурор функцию руководства органами предварительного расследования. Взгляд, согласно которому прокурор осуществляет не только надзор, но и руководство расследованием, имеет немало сторонников. Наиболее полно в последние годы он был выражен в работах А. М. Ларина [6, с. 56—57; 7, с. 75—82]. «Анализ закона, — пишет автор, — не обнаруживает никаких критериев, которые позволили бы отрицать, что прокурор осуществляет функцию руководства расследованием» [7, с. 78]. Отметив, далее, что «высший надзор за точным и единообразным исполнением закона — конституционная, государственно-правовая функция прокуратуры» [7, с. 80], А. М. Ларин делает вывод: «То, что на уровне государственно-правовых отношений представляет прокурорский надзор, на уголовно-процессуальном уровне в стадии предварительного следствия является процессуальным руководством» [7, с. 82].

Правильность такой позиции вызывает сомнения. Представляется прежде всего неверным выведение функции процессуального руководства следствием *непосредственно* из государственно-правовой функции надзора за точным исполнением закона. При такой конструкции автор фактически исключает из уголовного судопроизводства надзор за законностью как особую *процессуальную* функцию прокурора. По мысли А. М. Ларина, функции, осуществляемые прокурором в различных процессуальных стадиях, в том числе и на предварительном расследовании, представляют собой своеобразную трансформацию его конституционной, государственно-правовой функции, которая в результате преобразования не становится процессуальной функцией надзора за законностью. С этим, однако, согласиться нельзя. Из государственно-правовой функции надзора за законностью, осуществляемой прокурором в различных сферах госу-

дарственной и общественной жизни, вытекает *качественно однородная* функция прокурора и в уголовном судопроизводстве, которая не теряет ни одного из тех свойств, которые присущи названной государственно-правовой функции. Поэтому, на наш взгляд, можно и должно говорить о *процессуальной* функции надзора за точным и единообразным исполнением закона, осуществляемой прокурором.

Функцию процессуального руководства предварительным расследованием обычно усматривают в таких действиях и решениях прокурора, как принятие им соответствующих постановлений, дача указаний следователю и органу дознания, отмена незаконных и необоснованных постановлений и т. д. [7, с. 82]. Авторы, отстаивающие взгляд на процессуальное руководство как самостоятельную функцию прокурора на предварительном расследовании, вольно или невольно ограничивают содержание функции надзора за законностью, по сути сводят последнюю лишь к констатации тех либо иных нарушений закона, допущенных следователем или органом дознания. Между тем надзор за законностью органически включает в себя и меры по устранению нарушений закона. Такое понимание природы прокурорского надзора прямо вытекает из текста соответствующих правовых норм (ст. 20 Основ уголовного судопроизводства, ст. 29 Закона о прокуратуре СССР). Реализуя свои полномочия в уголовном судопроизводстве, прокурор осуществляет тем самым свою власть. «Специфическое содержание прокурорской функции, — справедливо подчеркивает М. Ю. Рагинский, — не меняет ее властного содержания... И в уголовном судопроизводстве полномочия прокуроров носят государственно-властный характер, а в досудебных стадиях процесса имеют не только властный, но и властно-распорядительный характер, поэтому прокурор имеет право на вмешательство в существо деятельности по производству дознания и предварительного следствия... а выявив нарушение закона, сам устраняет это нарушение» [9, с. 85].

Нельзя не отметить, что действующее законодательство, в том числе и новый Закон о прокуратуре СССР, нигде не упоминает о процессуальном руководстве прокурора предварительным расследованием. Если все же пользоваться этим понятием, то нужно иметь в виду следующее. Процессуальное руководство — это не нечто самостоятельное, лежащее вне сферы надзора за законностью. Оно осуществляется *в ходе* надзорной деятельности прокурора, *путем* осуществления им процессуальной функции надзора за точным и единообразным исполнением закона на предварительном расследовании. Действуя как орган власти, реализуя процессуальную функцию надзора за законностью, прокурор указывает органам расследования на допущенные ими отступления от закона, принимает меры к устранению этих нарушений либо подтверждает в предусмотренных случаях правильность принятых ими решений и тем самым направляет пред-

варительное расследование по пути, соответствующему требованиям закона, иначе говоря — таким и только таким путем «процессуально руководит» предварительным расследованием. Никаких иных форм процессуального руководства закон не знает. Изложенное позволяет сделать вывод, что нет достаточных оснований считать процессуальное руководство предварительным расследованием самостоятельной функцией прокурора.

По-разному в литературе решается и вопрос о характере процессуальных функций, осуществляемых прокурором в стадии судебного разбирательства. Одни авторы полагают, что прокурор в этой стадии действует как обвинитель, другие — что он выполняет здесь функцию надзора за точным и единообразным исполнением законов и никакой другой функции осуществлять не может и, наконец, третьи полагают, что прокурор является здесь и обвинителем, и органом надзора за законностью.

Аргументируя отрицательное отношение к взгляду на прокурора как на обвинителя в судебном разбирательстве, В. Г. Давев отмечает, что сведение роли прокурора к положению обвинителя делает «неразрешимым вопрос о возможности прокурора осуществлять надзор за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел, так как обвинитель не может одновременно обеспечить законные интересы обвиняемого». Отсюда вывод: «Сужение его деятельности рамками обвинительной функции приводит к отрицанию наличия прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве» [4, с. 68—69]. Аргументы эти представляются сомнительными. Прежде всего, нельзя не учитывать прямых указаний закона, что «прокурор поддерживает перед судом государственное обвинение» (ст. 40 Основ уголовного судопроизводства, ст. 32 Закона о прокуратуре СССР), что понятие «обвинитель» распространяется и на прокурора, поддерживающего в суде государственное обвинение (п. 9 ст. 32 УПК УССР). Неубедительными являются и другие доводы автора. Если речь идет о законных интересах обвиняемого, то никакого противопоставления их процессуальным интересам прокурора нет и быть не может. Прокурор — это *государственный* обвинитель, и он действует, руководствуясь государственными интересами, которые требуют от него принятия необходимых мер по охране законных интересов обвиняемого. Если же речь идет о незаконных интересах обвиняемого, то, разумеется, прокурор им противостоит.

Поддержание государственного обвинения прокурором — это одна из форм осуществления им надзорных функций в суде [12, с. 214]. Однако при всей важности государственного обвинения его поддержание в суде не исчерпывает всего многообразия прокурорской деятельности в данной стадии процесса. В частности, предъявление прокурором гражданского иска, а также поддержание им иска, заявленного гражданским истцом, нельзя рассматривать как проявление обвинительной

Функции прокурора, она не составляет обвинения в прямом и точном смысле этого слова. Здесь можно и нужно говорить о непосредственном осуществлении прокурором его надзорной функции в стадии судебного разбирательства. Поэтому нельзя отрицать, что надзор за законностью в стадии судебного разбирательства составляет отдельную процессуальную функцию прокурора.

Большинство советских процессуалистов справедливо подчеркивает тесную связь между государственным обвинением, поддерживаемым прокурором, и его деятельностью как органа надзора за законностью. Спор, однако, идет по вопросу о том, в каком соотношении находятся осуществляемые им функции обвинения и надзора за законностью. Интересные соображения высказаны В. М. Савицким, полагающим, что следует говорить о соподчиненности этих видов деятельности прокурора. Обвинение, отмечает В. М. Савицкий, возникает из конституционной функции надзора за исполнением законов непосредственно, а обязанность обеспечить законность в судебном разбирательстве всегда опосредствована функцией обвинения и потому может осуществляться лишь тогда, когда обвинение сформулировано и передано на разрешение суда. «Сведенные в один ряд рассматриваемые понятия могут быть представлены так: прокурорский надзор за точным исполнением законов — государственное обвинение — надзор за исполнением законов при рассмотрении дела в суде. Среднее звено этого ряда, т. е. государственное обвинение, служит обязательной предпосылкой, непременным условием возникновения у прокурора обязанности осуществлять надзор в судебном разбирательстве» [10, с. 60]. Представляется, однако, что, если пользоваться терминологией автора и «свести в один ряд» рассматриваемые понятия, то логичнее и правильнее представлять их так: прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов (ст. 164 Конституции СССР) — прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве — поддержание государственного обвинения в суде. При такой схеме государственное обвинение выступает как одна из форм, разновидностей надзора за законностью, осуществляемого прокурором в уголовном судопроизводстве в целом и в судебном разбирательстве, в частности.

Конечно, вне обвинения, поддерживаемого прокурором, не осуществляется в суде и его надзорная функция. Но это связано не с тем, что поддержание обвинения, как полагает В. М. Савицкий, «опосредствует» надзор прокурора за законностью в суде. Объясняется это особым характером связи (точнее, взаимосвязи) между обвинением, поддерживаемым прокурором, и его надзорной деятельностью в суде. Ни государственное обвинение в суде, ни надзорная деятельность прокурора в этой стадии не могут осуществляться друг без друга. Представляется, что сама постановка в альтернативном порядке

вопроса, кем является прокурор в стадии судебного разбирательства — государственным обвинителем или органом надзора за законностью, — неправильна. Действуя как обвинитель, прокурор никогда не перестает быть органом надзора за законностью, ибо вне надзорных функций деятельность прокурора как государственного обвинителя не только не может возникнуть, но и вообще осуществляться. В этом главная особенность обвинения, осуществляемого прокурором.

Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—223 с. 2. *Алексеев С. С.* Социальная ценность права в советском обществе. — М.: Юрид. лит., 1971.—223 с. 3. *Альперт С. А.* Обвинение в советском уголовном процессе. — Харьков, 1974.—38 с. 4. *Давв В. Г.* Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве. — Правоведение, 1974, № 1, с. 64—73. 5. *Добровольская Т. Н.* Конституционные основы правосудия. — В кн.: Органы Советского общенародного государства. — М.: Наука, 1979, с. 277—302. 6. *Ларин А.* Прокурорский надзор и руководство расследованием. — Соц. законность, 1978, № 10, с. 56—57. 7. *Ларин А. М.* Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия. — В кн.: Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. — Воронеж, 1979, с. 75—83. 8. *Мотовиловкер Я. О.* Основные уголовно-процессуальные функции. — Ярославль, 1976.—94 с. 9. *Рагинский М. Ю.* Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве (новеллы по Закону о прокуратуре СССР). — В кн.: Проблемы организации и деятельности прокурорской системы в свете Закона о прокуратуре СССР. — М., 1980, с. 81—92. 10. *Савицкий В. М.* Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. — М.: Наука, 1975.—384 с. 11. *Савицкий В.* Прокурор и потерпевший в судебном разбирательстве. — Соц. законность, 1971, № 4, с. 32—37. 12. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса, т. 1: — М.: Наука, 1968.—470 с. 13. *Строгович М. С.* Основные вопросы советской социалистической законности. — М.: Наука, 1966.—252 с. 14. *Якуб М. Л.* О понятия процессуальной функции в советском судопроизводстве. — Правоведение, 1973, № 5, с. 83—89.

Поступила в редколлегию 25.05.81.

И. Е. МАРОЧКИН

Харьков

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В Отчетном докладе XXVI съезду КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что слабо еще изучается общественное мнение [2, с. 78], а это несомненно свидетельствует о недостаточном использовании в практике правоохранительных органов этого действенного фактора в деле борьбы с преступностью.

Одна из основных тенденций развития уголовно-процессуального законодательства на современном этапе — расширение процессуальных и внепроцессуальных форм участия общественности в расследовании и разрешении уголовных дел, в профилактической деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

При изучении роли и функций общественного мнения в раскрытии и расследовании преступлений прежде всего возникает вопрос о понятии общественного мнения и о субъектах, его формирующих по обстоятельствам, подлежащим разрешению в уголовном деле, об отличиях субъекта общественного мнения от его носителей. Мы исходим из того, что под общественным мнением следует понимать коллективное суждение различных групп людей, коллективов, содержащее в себе оценку явлений общественной жизни и требований практической реализации оценок. В плане же гносеологическом общественное мнение не имеет собственного объекта отражения, отличного от объекта отражения известных форм общественного сознания, и в коллективных суждениях при оценке явлений социальной действительности политические, правовые, нравственные идеи, обуславливающие коллективное общественное сознание, составляют определенное единство.

В философской литературе под субъектом общественного мнения понимают большие общности людей — общество в целом, класс в целом, организации, коллективы людей, социальные группы. Применительно к уголовному судопроизводству основным субъектом общественного мнения, по нашему мнению, следует признать трудовой коллектив. Это объясняется тем, что самым динамичным и наиболее действенным проявлением общественного мнения является воздействие на поведение человека социально-организованных групп и прежде всего трудовых коллективов, которые, располагая соответствующей информацией о совершенном преступлении и социальной характеристике личности обвиняемого, формируют определенные оценки, опосредованные интересами и системой ценностей данной социальной общности.

На формирование коллективных оценок о степени и характере общественной опасности совершенного деяния, социальной характеристики личности обвиняемого прежде всего воздействует социально-психологический механизм межличностных связей, в ходе которого его субъекты обмениваются информацией по вопросам, подлежащим разрешению при расследовании уголовного дела. Именно в трудовом коллективе межличностные связи получают не только полное, но и конкретное развитие.

Важно подчеркнуть, что процесс формирования общественного мнения является выражением гражданской позиции и коллективного правосознания определенной социальной общности. Следовательно, объективность и полнота оценки общественным мнением степени и характера общественной опасности преступления, личности обвиняемого находится в прямой зависимости от уровня коллективного правосознания, от социальной активности трудовых коллективов в борьбе с правонарушителями. При этом следует иметь в виду, что трудовой коллектив

в отличие от других социальных общностей обладает организационной слитностью, контактностью людей, коллективизмом. «Не всякое случайное множество, — как справедливо пишет болгарский философ С. Попов, — является коллективом, так как коллектив, — это совокупность людей, которые имеют в основных чертах одинаковые экономические, политические и духовные интересы, одинаковые текущие и перспективные задачи. Случайное множество — это временное собрание различных индивидов, между которыми нет постоянных связей и отношений [7, с. 88].

Однако в некоторых случаях субъектом общественного мнения в уголовном процессе являются и отдельные социальные регионы, например, определенный населенный пункт. Общественное мнение при этом носит ситуативный характер и направлено на достижение эпизодических задач в раскрытии и расследовании преступлений.

Отдельные виды социально-ролевого назначения общественного мнения, реализуемые в уголовном судопроизводстве, могут рассматриваться как индивидуальные функции общественного мнения. В стадии предварительного расследования общественное мнение выполняет ряд функций, к числу которых правомерно отнести гносеологическую (познавательную), воспитательную, оценочную и контрольную. Указанные функции находятся в диалектической связи, достаточно жестко дополняют друг друга, и лишь в зависимости от существа решаемых следователем вопросов и характера коллективной информации, содержащейся в оценках коллектива, та или иная функция выполняет свое главное назначение в аспекте из факторов, обуславливающих принятие следователем определенного процессуального решения.

Гносеологическая функция общественного мнения состоит в том, что оно несет следователю информацию, являющуюся достаточным основанием для принятия им процессуального решения либо производства процессуального действия. Специфика информации, содержащейся в общественном мнении, заключается, во-первых, в том, что она может указывать на сведения о фактах, которые лежат в основе коллективных оценок и после их закрепления в процессуальной форме могут быть доказательствами наличия или отсутствия события преступления, виновности лица и т. д.; во-вторых, указанная информация может явиться достаточным основанием для построения версий, для избрания соответствующей тактики выполнения отдельных следственных действий, а также определить направленность профилактической деятельности следователя, в частности в проведении индивидуальной воспитательной работы с обвиняемым.

При раскрытии преступлений происходит обмен информацией как в блоке следователь — общественность, так и в блоке

общественность — следователь. Конкретным выражением этой взаимосвязи являются, например, случаи обращения следователя к общественности определенного региона по поводу розыска преступника, установления места его пребывания. Такое обращение следователя к общественности является специфической формой формирования общественного мнения. Однако при этом нельзя забывать о границах возможного разглашения обстоятельств дела.

Сложившееся общественное мнение, давая оценку преступлению, иногда побуждает лиц, совершивших его, к раскаянию и к заявлению о содеянном в правоохранительные органы. В этой связи следует признать справедливой мысль В. Т. Томина о том, что «...распространенность явки с повинной в качестве повода к возбуждению уголовного дела в значительной мере зависит от позиции общественного мнения, от характера и интенсивности воздействия окружающих на правонарушителя» [9, с. 37].

Статья 198 УПК РСФСР одним из поводов к возбуждению уголовного дела называет сообщения предприятий, учреждений, общественных и других организаций. Следует признать, что такие сообщения, содержащие информацию о преступлении, есть не что иное, как процессуальный способ доведения до сведения правоохранительных органов определенных оценок общественным мнением совершенного или подготавливаемого преступления.

Гносеологическая функция общественного мнения находит свое процессуальное выражение и при принятии следователем решения об избрании меры пресечения. При этом несвоевременное избрание меры пресечения либо нерешение вопроса вообще, порождает отрицательную оценку со стороны общественного мнения. Как отмечает ряд исследователей, общественное мнение довольно остро реагирует на эти процессуальные решения следователя. Касаясь данного вопроса, В. Т. Томир приходит к выводу, что «...в некоторых случаях население меру пресечения, не связанную с лишением свободы, подчас расценивает как неприменение меры пресечения» [9, с. 108].

Применительно к такой мере пресечения, как поручительство общественных организаций, оценки, содержащиеся в общественном мнении, играют решающую роль, так как согласно ст. 95 УПК РСФСР при избрании этой меры пресечения общественные организации или коллективы трудящихся берут на себя ручательство за надлежащее поведение и своевременную явку обвиняемого в органы расследования и суд. Именно позиция субъекта общественного мнения, располагающего исчерпывающей информацией о социальной характеристике личности обвиняемого, обуславливает решение следователя об избрании указанной меры пресечения. Ходатайство общественных организаций и обсуждение коллективом поведения лица,

о котором ставится вопрос о поручительстве, является важным средством морального воздействия общественного мнения на сознание этого лица, на его исправление и перевоспитание. В этом проявляется воспитательная функция общественного мнения в уголовном судопроизводстве.

Закон требует, чтобы решение о поручительстве было вынесено полномочным собранием. Иначе говоря, субъект общественного мнения должен выразить свою позицию по данному вопросу и принять решение о поручительстве. По смыслу закона с инициативой о поручительстве может выступить любой член этой организации (коллектива), обвиняемый или его родственники, а также следователь. Приняв решение о поручительстве, субъект общественного мнения тем самым создает обстановку нетерпимости в отношении правонарушений, осуществляет меры, направленные на воспитание и перевоспитание обвиняемого, на воздержание его от совершения других преступлений. Связь «субъект общественного мнения — правонарушитель — следователь — суд» должна функционировать до вступления приговора в законную силу.

В принципе оценка общественным мнением личности обвиняемого (подозреваемого) важна и при избрании иных мер пресечения, особенно при совершении преступлений, не относящихся к тяжким (все преступления, за исключением тех, которые предусмотрены ст. 7¹ УК РСФСР). Общей посылкой участия общественного мнения в механизме принятия следователем решения об избрании меры пресечения должно быть наличие прочных социальных связей и отношений между обвиняемым и трудовым коллективом.

Одной из форм взаимодействия гносеологической и воспитательной функций общественного мнения является институт прекращения уголовного дела по нереабилитирующим обвиняемого обстоятельствам. Согласно ст. 43 Основ уголовного законодательства и ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства следователь с согласия прокурора вправе освободить лицо от уголовной ответственности и прекратить производство по делу в связи с: а) привлечением к административной ответственности; б) передачей материалов дела на рассмотрение товарищеского суда; в) передачей материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних; г) передачей лица на поруки общественной организации или коллективу трудящихся. К указанным видам освобождения от уголовной ответственности примыкает прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки [ст. 6 УПК РСФСР].

Названные виды освобождения от уголовной ответственности предоставляют возможность широко использовать влияние общественного мнения на процесс нравственного перевоспитания и исправления обвиняемого, что, несомненно, является практическим претворением в жизнь указаний В. И. Ленина

о том, что по уголовному делу нужно участие общественного мнения в обсуждении дела [1, с. 405].

В соответствии с ч. 3 ст. 43 Основ уголовного законодательства и ст. 51 Основ уголовного судопроизводства основания освобождения от уголовной ответственности могут быть классифицированы на следующие относительно самостоятельные, находящиеся друг с другом в отношении дополнительности: а) *материально-правовые*, содержащие в себе оценку преступления, не представляющего большой общественной опасности, а для отдельных видов (передача на поруки, в товарищеский суд) — совершение умышленного преступного деяния впервые, либо неприменение порук прежде; б) *уголовно-процессуальные*, включающие признание обвиняемым вины, его согласие с решением следователя о прекращении уголовного дела, чистосердечное раскаяние обвиняемого в инкриминируемом ему деянии и ходатайство трудовых коллективов (при передаче обвиняемого на поруки); в) *морально-психологические*, характеризующие личность обвиняемого, посредством которых выясняется возможность исправления и перевоспитания лица без применения к нему мер уголовного наказания; г) *фактические*, охватывающие совокупность достаточных и необходимых доказательств, из которых можно сделать вывод о наличии или отсутствии указанных выше оснований.

Приведенная классификация оснований дает возможность выяснить, в частности, те конкретные процессуальные и внепроцессуальные формы взаимосвязи следователя и субъекта общественного мнения при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности.

При применении любого из указанных видов освобождения от ответственности перед следователем прежде всего встает вопрос, какие деяния могут быть отнесены к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности. Не вдаваясь в существо дискуссий по этому вопросу, отметим, что, по справедливому мнению А. А. Пионтковского, Г. А. Кригера и др., характер общественной опасности преступления — это качественное своеобразие деяния, определяемое прежде всего ценностью объекта посягательства, размером причиняемого ущерба, формой вины (умысел или неосторожность), а также мотивом преступного поведения [6, с. 131—135; 4, с. 18—20].

Из оценок общественным мнением преступного деяния следователь может получить информацию о характере и размере ущерба, мотивах и целях преступного поведения, причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, и т. д. Проверая правильность оценок общественным мнением указанных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, следователь тем самым устанавливает характер и степень общественной опасности деяния. Исследуя параметры нравственно-психологической структуры личности обвиняемого, за-

фиксированные в суждениях общественного мнения, следовательно делает вывод об объективной возможности исправления и перевоспитания лица без применения к нему мер уголовного наказания в условиях социальных связей трудового коллектива.

В уголовно-правовой теории рядом ученых высказаны различные суждения о структуре основных черт характеристики личности обвиняемого [3, с. 61—70; 5, с. 33; 8, с. 19—20]. Несмотря на различие во взглядах, выделяются следующие элементы этой структуры: 1) социально-демографические признаки; 2) относящиеся к характеристике общественной опасности личности обвиняемого; 3) характеризующие его нравственно-психологические установки и социальную позицию.

Следователь, изучая вторую и третью группы элементов личности обвиняемого, должен иметь в виду, что они обусловлены положением данного лица в социальных связях в отношениях трудового коллектива, принадлежностью его к определенным микрогруппам, характером и спецификой общения с членами этих микрогрупп. На это обстоятельство представляется важным указать в связи с тем, что формальные и неформальные группы предписывают личности определенные образцы (эталоны) поведения, с учетом которых формируется оценка социальной характеристики личности, актов ее поведения, как законопослушных, так и противоправных. Субъект общественного мнения, располагая информацией о нравственно-психологических установках обвиняемого, о выполнении им общественного долга, отношении к труду, к семье, к товарищам по работе и, наконец, о волевых качествах — умении лица сознательно регулировать свою социальную деятельность, способности принимать законопослушные решения, — участвует в формировании решения следователя о возможности освобождения данного лица от уголовной ответственности.

Придя к выводу, что лицо совершило преступление, не представляющее большой общественной опасности, и может быть исправлено без применения мер уголовного наказания, следователь должен располагать также достоверной информацией о социальной характеристике коллектива, который будет осуществлять перевоспитание обвиняемого. Выполняя воспитательную функцию, коллектив наделяет личность какими-то качествами, свойственными ему, в значительной мере детерминирует мотивы ее деятельности, влияет на мировоззрение и поведение лица. В этой связи коллектив должен обладать такими социальными установками, которые позволят ему положительно влиять на процесс перевоспитания лица, освобождаемого от уголовной ответственности. Межличностные связи блока правонарушитель — общественность наделяются конкретным содержанием — социальной обязанностью коллектива положительно влиять на поведение лица и добиваться тем самым

его исправления и соответствующими обязанностями лица выполнять волю общественности, а тем самым позитивно проявлять возложенные на него общественно полезные социальные роли, в принципе программируемые в решении следователя об освобождении правонарушителя от уголовной ответственности.

Следственная практика показывает, что незнание следователем социальной позиции коллектива в отношении обвиняемого зачастую приводит к тому, что последний оказывается вне социального контроля со стороны коллектива. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что лица, вновь совершившие преступления, до решения вопроса о их освобождении от уголовной ответственности состояли в трудовых отношениях с коллективом не более шести месяцев т. е. не имели с ним устойчивых социальных связей. Иначе говоря, следователь не изучил объективных возможностей коллектива позитивно влиять на формирование нравственных, правовых, морально-психологических установок лица, переданного на поруки.

Большая роль отводится и контрольной функции общественного мнения, суть которой заключается в том, что общественное мнение всегда занимает в отношении практики органов юстиции определенную позицию, оценивая деятельность этих органов с точки зрения соблюдения требований социалистической законности, соответствия ее нормам коммунистической нравственности. Тем самым общественное мнение является средством, обеспечивающим соблюдение требований уголовно-процессуальной формы органами предварительного расследования. При установлении во время предварительного расследования, как об этом гласит ст. 140 УПК РСФСР, причин и условий, способствовавших совершению данного преступления, следователь вносит в соответствующее предприятие, учреждение или организацию мотивированное представление о принятии мер для устранения этих причин и условий. Следователь сообщает об этом субъекту общественного мнения с тем, чтобы последний выразил свою позицию по отмеченным недостаткам в деятельности трудового коллектива. В этом случае происходит процесс инспирирования общественного мнения, в коллективе вырабатывается определенная оценка, направленная на устранение причин, порождающих преступление. Необходимость сформировать оценку общественного мнения по представлению предписывает действующее законодательство, которое предусматривает, что организация или предприятие не позднее месячного срока обязаны рассмотреть представление, принять необходимые меры и уведомить об этом правоохранительные органы (ст. 140 УПК РСФСР).

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—223 с. 3. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1970.—129 с. 4. Кригер Г. А. Общие начала назначения наказания. — Сов. юстиция, 1980, № 1, с. 18—20. 5. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.—129 с. 6. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права, т. 2. — М.: Наука, 1970.—321 с. 7. Попов С. Сознание и социальная среда. — М.: Прогресс, 1979.—231 с. 8. Сахаров А. Личность преступника и типология преступников. — Соц. законность, 1973, № 3, с. 19—20. 9. Томин В. Т. Взаимодействие органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью. — Омск, 1975.—178 с.

Поступила в редколлегию 23.02.80.

С. Ф. ШУМИЛИН

Харьков

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СТАДИИ ПРЕДАНИЯ СУДУ

В процессуальной литературе высказаны различные взгляды на правовую характеристику деяния, за совершение которого лицо при определенных, указанных в законе условиях, освобождается от уголовной ответственности. Суть дискуссии состоит в том, что одни авторы (М. С. Строгович [9], Г. А. Злобин, С. Г. Келина, А. М. Яковлев [5] и др.) считают, что при освобождении лица от уголовной ответственности совершенное им деяние теряет свои уголовно-правовые характеристики и должно расцениваться как административный проступок. Другие (И. Л. Петрухин [8], Ю. М. Грошевой [3] и др.) придерживаются мнения, что при прекращении уголовного дела по этим основаниям не происходит изменений в правовой сущности совершенного деяния, которое как на момент его совершения, так и на момент прекращения уголовного дела является преступлением.

Как известно, действующее уголовно-процессуальное законодательство (ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства, ст. 7—10 УПК УССР, ст. 6—9 УПК РСФСР) предоставляет право органу дознания и следователю с согласия прокурора прекращать уголовные дела с освобождением лиц от уголовной ответственности. Процессуальный акт, освобождающий обвиняемого от уголовной ответственности, констатирует не только совершение преступления этим лицом, но и его виновность в совершении инкриминируемого ему преступления. В то же время ст. 160 Конституции СССР прямо указывает, что «никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». При

анализе этого положения возникает вопрос, соответствует ли существующий порядок освобождения от уголовной ответственности в досудебных стадиях и несудебными органами положению ст. 160 Конституции.

По этому поводу высказаны различные суждения. Одни авторы (Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич [2], Г. А. Кригер [7] и др.) полагают, что существующий порядок освобождения от уголовной ответственности органами дознания и следствия противоречит ст. 160 Конституции СССР. Вместе с тем они утверждают, что гуманистический аспект уголовно-правовой политики в современных условиях диктует необходимость создания кодекса уголовно-правовых проступков. Так, по мнению Н. А. Стручкова [11], этот кодекс должен включать в себя перечень преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Эта точка зрения представляется плодотворной, требующей дальнейшего обсуждения, которое не является целью данной статьи. Другие, например, М. С. Строгович [10], Л. М. Корнеева [6], исходя из того, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и в досудебных стадиях правомерно, так как при освобождении от уголовной ответственности обвиняемый признается виновным в совершении административно-правового проступка, а не преступления.

Анализ ст. 160 Конституции СССР не оставляет сомнения в том, что действующий порядок прекращения уголовных дел в досудебных стадиях по нереабилитирующим основаниям противоречит закрепленному в ней положению, на что справедливо обращают внимание Т. Н. Добровольская [4, с. 178], Ю. М. Грошевой [3, с. 83 и сл.], И. Л. Петрухин [8, с. 25] и др. Поэтому при наличии определенных условий, свидетельствующих о целесообразности прекращения уголовного дела с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности следователь с согласия прокурора передает дела на рассмотрение суда, в частности в распорядительное заседание суда. Предлагаемое решение обусловлено тем, что процессуальным актом, освобождающим лицо от уголовной ответственности, признается его виновность в инкриминируемом ему преступлении.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 8 от 28 ноября 1980 г. «О практике применения судами законодательства при предании обвиняемого суду» обращает внимание судов на соблюдение условий прекращения уголовных дел по амнистии или в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Однако и определения о прекращении уголовных дел по другим нереабилитирующим основаниям являются законными и обоснованными лишь тогда, когда суд в распорядительном заседании принял такое решение при наличии условий, присущих каж-

дому виду освобождения от уголовной ответственности [12].

Материально-правовые условия установлены уголовным законом (ст. 50—51 УК УССР, ст. 50—52 УК РСФСР) и могут быть разделены на две группы. В первую входят условия, которые присущи всем видам освобождения от уголовной ответственности: а) совершение преступления, не представляющего большой общественной опасности; б) признание возможности исправления и перевоспитания лица, его совершившего, без применения уголовного наказания. Ко второй группе условий, которые мы назовем специальными, относятся те из них, которые должны быть установлены применительно к конкретному виду освобождения от уголовной ответственности. Так, прекратить уголовное дело с привлечением лица к административной ответственности можно лишь за совершение преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое более мягкое наказание (ст. 51 УК УССР, ст. 50¹ УК РСФСР). Освобождение от уголовной ответственности возможно лишь в отношении лица, впервые совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности (ст. 51 УК УССР, ст. 51 УК РСФСР). Недопустимо освобождение от уголовной ответственности с передачей лица на поруки общественной организации или коллектива трудящихся, если лицо вторично совершило умышленное преступление или ранее передавалось на поруки (ст. 51 УК УССР, ст. 52 УК РСФСР). Передача в комиссию по делам несовершеннолетних возможна, если лицо, совершившее преступление, к моменту принятия такого решения не достигло 18-летнего возраста. Освобождение от уголовной ответственности в связи с привлечением к административной ответственности возможно с 16-летнего возраста.

Уголовно-процессуальные условия освобождения от уголовной ответственности также включают в себя и общие условия, характерные для всех видов освобождения от уголовной ответственности, и специальные, которые присущи отдельным видам освобождения.

Общие процессуальные условия освобождения от уголовной ответственности охватывают, во-первых, признание обвиняемым своей вины (ст. 7² УПК УССР) и, во-вторых, учет мнения потерпевшего (ст. 12 УПК УССР). К общим процессуальным условиям освобождения обвиняемого от уголовной ответственности в досудебных стадиях относится также то обстоятельство, что обвиняемый не возражает против прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ст. 7—10 УПК УССР, ст. 6—9 УПК РСФСР).

К *специальным* процессуальным условиям освобождения от уголовной ответственности относятся: для прекращения уголовного дела с передачей лица на поруки — наличие

ходатайства общественной организации или коллектива трудящихся и чистосердечное раскаяние обвиняемого (ст. 10 УПК УССР, ст. 9 УПК РСФСР), а для прекращения уголовного дела с передачей материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних — согласие законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого (ст. 9 УПК УССР).

Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство УССР, регламентирующее основания прекращения уголовных дел с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних, более полно отвечает исправлению и перевоспитанию несовершеннолетнего в условиях воздействия на него мер воспитательного характера, применяемых не только комиссией по делам несовершеннолетних, но и родителями. При этом ст. 8 УПК РСФСР, закрепляющая порядок освобождения несовершеннолетнего обвиняемого от уголовной ответственности, не ставит принятие такого решения в зависимость от того, возражает или не возражает законный представитель против направления материалов дела на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних.

Нравственные условия освобождения от уголовной ответственности охватывают объективную возможность исправления и перевоспитания обвиняемого без применения к нему мер уголовного наказания.

Фактические условия освобождения от уголовной ответственности представляют собой такую совокупность доказательств, которая является достаточной и необходимой для положительного решения вопросов, связанных с освобождением от уголовной ответственности.

При решении в распорядительном заседании вопроса о прекращении уголовного дела с освобождением лица от уголовной ответственности предмет доказывания (ст. 64 УПК УССР, ст. 68 УПК РСФСР) усложняется необходимостью установить наличие (или отсутствие) уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и нравственных условий. Принимая положительное решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим обвиняемого основаниям, суд в определении должен указать и привести соответствующие доказательства в отношении выводов о том, что лицо совершило преступление, не представляющее большой общественной опасности, а исправление и перевоспитание обвиняемого возможно без применения к нему мер уголовного наказания.

Здесь возникает вопрос, обеспечивает ли уголовно-процессуальная форма, регламентирующая стадию предания суду, полноту установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания при освобождении обвиняемого от уголовной ответственности, а также в полной ли мере гарантируется охрана прав и законных интересов участников процесса. Прежде всего, основания внесения дела в распорядительное заседание должны

соответствовать полномочиям суда на разрешение дела в стадии предания суду. Праву суда прекратить в распорядительном заседании уголовное дело с освобождением от уголовной ответственности должно соответствовать и основание внести дело на рассмотрение распорядительного заседания. Однако эти случаи по действующему уголовному процессуальному законодательству (ст. 36 Основ уголовного судопроизводства, ст. 237 УПК УССР, ст. 221 УПК РСФСР) охватываются таким основанием внесения дела в распорядительное заседание, как несогласие судьи с выводами обвинительного заключения (ст. 237 УПК УССР — несогласие судьи с обвинительным заключением). Формулировка «несогласия судьи с выводами обвинительного заключения» в широком смысле этого слова безусловно включает и мнение судьи о возможности освобождения лица от уголовной ответственности в стадии предания суду. Обращает на себя внимание то, что такая формулировка не дифференцирует основания внесения дела в распорядительное заседание, не конкретизирует предмет деятельности суда в различных процессуальных ситуациях, разрешаемых в стадии предания суду. Кроме того, приведенная формулировка не способствует целенаправленной деятельности народных заседателей, прокурора и других субъектов уголовно-процессуальной деятельности, принимающих участие в разрешении дела в этой стадии.

Вместе с тем сама формулировка «несогласие судьи с выводами обвинительного заключения» допускает неоднозначное ее толкование, что приводит в теории и практике советского уголовного процесса к смешению формы и выводов обвинительного заключения. Поэтому было бы целесообразно предусмотреть в ч. 2 ст. 36 Основ (ст. 237 УПК УССР), ст. 221 УПК РСФСР) в качестве основания проведения распорядительного заседания случаи, когда, по мнению судьи, дело должно быть прекращено.

Статья 12 УПК УССР требует, что при решении вопроса о прекращении уголовного дела в соответствии со ст. 7, 7¹, 7², 8—10 настоящего Кодекса суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны выяснить мнение потерпевшего и в случае прекращения уголовного дела сообщить ему об этом. Каким путем суд может выяснить мнение потерпевшего, если ходатайства об этом в ходе предварительного расследования от него не поступало, а вызов потерпевшего в распорядительное заседание ст. 240 УПК УССР (ст. 223 УПК РСФСР) связывает лишь с рассмотрением заявленных ходатайств? Отсюда следует вывод: суду должно быть предоставлено право вызвать потерпевшего в распорядительное заседание для установления возможности прекращения уголовного дела с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности. Поэтому положения ст. 240 УПК УССР необходимо привести в соответствие с требованиями ст. 12 УПК УССР.

Из действующей редакции ст. 10 УПК УССР (ст. 9 УПК РСФСР) неясно, каким образом суд может установить наличие чистосердечного раскаяния обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении при решении вопроса о прекращении уголовного дела с передачей виновного на поруки. Чистосердечное раскаяние характеризуется тем, что это «...деятельная форма переживания совершенного преступления, выраженная в активных действиях обвиняемого...», и в «...нравственном отношении должно получить более высокую оценку, чем факт признания вины в совершенном преступлении» [3, с. 93—94]. Представляется, что суд может убедиться в наличии чистосердечного раскаяния не только путем изучения материалов дела, но и главным образом в результате личного контакта с обвиняемым. Однако суд вправе вызвать и распорядительное заседание обвиняемого лишь в связи с заявленными им или его защитником ходатайствами и заслушать их по этому поводу (ст. 240 УПК УССР, ст. 223 УПК РСФСР). Если же обвиняемый или его защитник не заявили ходатайств о прекращении дела, то суд лишен правового основания вызвать обвиняемого в распорядительное заседание. Мы считаем, что в случае, если суд придет к выводу о том, что имеются условия для освобождения обвиняемого от уголовной ответственности с передачей на поруки, он обязан вызвать его в распорядительное заседание.

При разрешении вопроса об удовлетворении ходатайства общественной организации или коллектива трудящихся о передаче виновного на поруки суд в распорядительном заседании не всегда может из заявленного ходатайства сделать однозначный вывод о наличии в данном коллективе необходимой совокупности условий для исправления и перевоспитания обвиняемого. Представляется, что в данной процессуальной ситуации, возникшей в стадии предания суду, суд не должен положительно решать вопрос о прекращении уголовного дела и передаче обвиняемого на поруки. В этом случае исследование вопросов, связанных с передачей на поруки, должно быть перенесено в стадию судебного разбирательства.

Как уже указывалось, для положительного решения вопроса о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних суд обязан установить, во-первых, наличие признания обвиняемым своей вины и, во-вторых, согласие законного представителя на прекращение уголовного дела по этому основанию (ст. 9 УПК УССР, ст. 8 УПК РСФСР). Факт признания обвиняемым своей вины может быть установлен в результате изучения материалов уголовного дела, чего нельзя сказать о выяснении мнения законного представителя, так как в уголовном деле не всегда содержится такая информация. Поэтому вызов в распорядительное заседание законного представителя несовершеннолет-

него обвиняемого в подобного рода случаях обязателен. В такой ситуации в распорядительное заседание необходимо вызвать не только родителей несовершеннолетнего обвиняемого, но и представителя учебного заведения, предприятия или организации, в которых учится или работает несовершеннолетний обвиняемый. Вместе с тем в ст. 240 УПК УССР (ст. 223 УПК РСФСР) отсутствует указание на право суда вызвать в распорядительное заседание указанных лиц с целью установления наличия условий для исправления и перевоспитания несовершеннолетнего обвиняемого в данном учебном или производственном коллективе. Это право следует закрепить в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Предметом объяснений перечисленных лиц в распорядительном заседании должна быть информация об условиях исправления и перевоспитания несовершеннолетнего обвиняемого в данном коллективе.

Не во всех случаях в распорядительном заседании суд положительно решает вопрос о прекращении уголовного дела с передачей в комиссию по делам несовершеннолетних материалов в отношении положительно характеризующегося несовершеннолетнего обвиняемого, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности. Такое положение складывается тогда, когда один законный представитель не возражает против прекращения уголовного дела с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних, а другой считает, что суд должен рассмотреть дело по существу или прекратить его по основаниям, реабилитирующим обвиняемого. Вопрос о передаче материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних в такой ситуации должен быть оставлен открытым и решен по существу в стадии судебного разбирательства, так как без исследования дела по существу невозможно установить, позиция какого законного представителя соответствует целям и задачам исправления и перевоспитания несовершеннолетнего обвиняемого мерами общественного воздействия.

Возникает вопрос, что представляет собой согласие законного представителя на прекращение уголовного дела с передачей материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних. Думается, это его уверенность в том, что совокупности воспитательных мер, применяемых к несовершеннолетнему комиссией и им лично, окажется достаточно для исправления и перевоспитания правонарушителя. Будучи нравственным условием освобождения от уголовной ответственности, это должно устанавливаться во всех случаях прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетних по нереабилитирующим основаниям. Желательно данное положение закрепить в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—223 с. 2. Алексеев П. С., Лукашевич В. З. Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1979.—198 с. 3. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979.—142 с. 4. Добровольская Т. Н. Об изменении порядка прекращения уголовных дел и некоторых спорных проблемах правосудия. — В кн.: Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. — М., 1979, с. 171—182. 5. Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Совершенствование советского уголовного законодательства на современном этапе. — Сов. гос-во и право, 1978, № 12, с. 11—17. 6. Карнеева Л. М. По внутреннему убеждению. — Лит. газ., 1979, 17 ноября. 7. Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства. — Вестн. МГУ, Серия II. Право, 1979, № 2, с. 3—10. 8. Петрухин И. Л. Презумпция невинности—конституционный принцип советского уголовного процесса. — Сов. гос-во и право, 1978, № 12, с. 18—26. 9. Строгович М. С. Природа уголовно-процессуального закона и его характерные черты. — В кн.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. — М., 1979, с. 3—71. 10. Строгович М. С. Закон и только закон. — Лит. газ., 1979, 17 ноября. 11. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью, разд. 1. — Саратов, 1977. — 88 с. 12. Бюл. Верховного Суда СССР, 1981, № 1.

Поступила в редколлегию 18.01.80.

В. М. ХОТЕНЕЦ, канд. юрид. наук

Харьков

О ПОЛНОМОЧИЯХ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ПРИГОВОРА

УПК союзных республик содержат специальную статью, регламентирующую полномочия суда второй инстанции на изменение приговора, которая озаглавлена «Изменение приговора» (ст. 374 УПК УССР; ст. 360 УПК РСФСР). Это полномочие вышестоящего суда может выражаться в изменении квалификации преступления, а также вида и меры наказания, назначенного осужденному, однако при обязательном условии, что не будет применен закон о более тяжком преступлении и наказание, назначенное судом второй инстанции, не превысит назначенного по приговору. Эти положения закона довольно подробно исследованы в литературе [2, с. 43—56; 3, с. 91—110; 4, с. 110—139]. Вместе с тем полномочия вышестоящего суда на изменение приговора не исчерпываются лишь его правом на изменение квалификации и наказания*, и пределы этих

* Заслуживают внимания высказанные в литературе предложения о дополнении ст. 350 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик указанием на право вышестоящего суда исключать из приговора те или иные факты, которые не подтверждаются материалами дела либо не содержат состава преступления [7, с. 144], а также внести изменения в иные содержащиеся в нем решения.

полномочий определяются не только названными выше двумя условиями, а в значительной мере обусловлены правилом, содержащимся в ч. 2 ст. 51 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик*, согласно которому суд не вправе устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены в приговоре или отвергнуты им. В отличие от приведенных выше положений закона это требование различно истолковывается теорией, а судебная практика, как отмечается в литературе [1, с. 70], пошла по пути ограничительного его применения.

Представляется обоснованным мнение В. Д. Арсеньева. Строго говоря, в приведенном случае кассационная инстанция признает доказанным новый факт, не установленный приговором или даже отвергнутый им. Позиция В. Д. Арсеньева приемлема еще и потому, что она дает конструктивное решение данного вопроса — формулирует условия допустимости исследования подобного рода фактов и изменение на их основе приговора. Эти условия следующие: а) новые факты должны быть выявлены на основании доказательств, имеющихся в деле и проверенных судом первой инстанции в судебном заседании; б) эти факты не должны ухудшать положения осужденного и нарушать его право на защиту; в) установление новых фактов может иметь место лишь при принятии окончательного решения по делу об изменении или отмене приговора и прекращении производства по уголовному делу [1, с. 71].

Однако в литературе было высказано мнение о недопустимости принятия решения кассационной инстанцией об изменении приговора с учетом доказательств, не нашедших своей оценки в приговоре. Так, А. Л. Ривлин полагал, что «изменить квалификацию деяния или смягчить назначенное наказание на основе доказательств, почерпнутых из материалов дела, можно лишь соответственно оценив имеющиеся доказательства. Оценка же эта в вышестоящем суде происходит в таких процессуальных условиях, которые позволяют проверить обоснованность выводов суда первой инстанции, но не позволяют заменить его выводы другими...» [6, с. 226—227].

Точка зрения А. Л. Ривлина подтверждается действующим процессуальным законодательством. Так, УПК ряда союзных республик (УПК БССР (ст. 358), КиргССР (ст. 353), МолдССР (ст. 353), ТаджССР (ст. 354), ТССР (ст. 361), ГрузССР (ст. 360), АзССР (ст. 366), ЛитССР (ст. 391)) содержат следующие положения: «Кассационная инстанция не вправе вносить в приговор изменения, основанные на не установленных *приговором* суда первой инстанции обстоятельствах или отвергнутых им доказательствах» (курсив наш. — В. Х.), а УПК РСФСР (ст. 350), УзССР (ст. 326) и АрмССР (ст. 348) — за-

* В дальнейшем — Основы.

прещают кассационной инстанции вносить в приговор изменения, основанные на неустановленных судом первой инстанции или отвергнутых им доказательствах*.

Анализируя приведенные положения, Н. Я. Калашникова находит, что более точной, а поэтому и соответствующей ч. 2 ст. 51 Основ является формулировка, которая связывает решение вышестоящего суда об изменении с обстоятельствами, установленными приговором. Иная формулировка, по ее мнению, позволяет относить к обстоятельствам, установленным судом первой инстанции, и такие, которые не нашли своего отражения в приговоре, «но установленные на судебном следствии и отраженные в протоколе судебного заседания» (курсив наш. — В. Х.) [4, с. 116]. Такое истолкование нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 350 УПК РСФСР, представляется неправильным. Названная норма запрещает также кассационной инстанции вносить изменения на основе фактов, не установленных в приговоре. «Установленными» в любом случае являются лишь те обстоятельства, о которых суд высказал свои суждения в приговоре или ином завершающем стадию процессуальном решении. Те же обстоятельства, сведения о которых имеются в материалах дела (в том числе и в протоколе судебного заседания), в силу специфики судебного познания могут быть названы «исследованными» судом. Однако запрещение вышестоящему суду вносить изменения в обжалованное (опротестованное) решение на основе исследованных судом первой инстанции обстоятельств неоправданно ограничивает полномочия этого суда на изменение приговора. Оно ориентирует кассационную инстанцию на то, что ошибки, выразившиеся в оставлении без внимания судом, постановившим приговор, таких обстоятельств, которые могли существенно повлиять на правосудность выводов этого суда (п. 3 ст. 369 УПК УССР, п. 2 ст. 344 УПК РСФСР), могут устраняться лишь путем отмены приговора.

Применительно к ч. 2 ст. 51 Основ следует строго различать четыре группы фактов: а) факты, которые позволяют суду второй инстанции высказать свое мнение о соразмерности (несоразмерности) назначенного приговором наказания деянию и личности осужденного; б) факты, свидетельствующие об отсутствии предпосылок процесса; в) факты, подтверждающие невиновность осужденного в совершении преступления; г) факты, которые влекут иную правовую оценку деяния, признанного судом доказанным.

* УПК УССР (ст. 374), КазССР (ст. 334), ЭССР (ст. 318) не содержат специальной нормы, запрещающей суду второй инстанции вносить в приговор изменения, основанные на не установленных нижестоящим судом обстоятельствах или отвергнутых им доказательствах. Однако этот запрет вытекает из общей нормы (ч. 2 ст. 376 УПК УССР; ч. 2 ст. 339 УПК КазССР; ч. 2 ст. 317 УПК ЭССР).

Под предпосылками уголовного процесса в литературе понимается «совокупность условий, представляющих возможность определенным путем рассмотреть и разрешить по существу вопросы, составляющие предмет процесса» [5, с. 85—91]. Иными словами, предпосылки процесса — это обстоятельства, обуславливающие формальную возможность рассмотрения дела по существу. К таковым закон в необходимых случаях относит, например, наличие жалобы потерпевшего, отсутствие по данному делу неотмененного приговора или постановления следователя о прекращении дела по тому же обвинению и др. На обязанность вышестоящего суда проверить наличие или отсутствие предпосылок процесса прямо указывает ч. 2 ст. 370 УПК УССР (ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР). Выполнение этой обязанности путем проверки имеющихся в деле и дополнительно представленных материалов позволяет вышестоящему суду реализовать свои полномочия по прекращению дела производством ввиду отсутствия предпосылок процесса.

Что касается новых фактов, подтверждающих невиновность осужденного в совершении преступления, то здесь обращает на себя внимание весьма существенный момент: реализация полномочия на прекращение производства по делу (пп. 1, 2 ст. 6 УПК УССР; пп. 1, 2 ст. 5 УПК РСФСР) предполагает проверку вышестоящим судом всех материалов уголовного дела с позиции достоверного установления фактов, свидетельствующих о невиновности лица, как получивших, так и не получивших своей оценки в приговоре. Поэтому вывод о невиновности осужденного кассационная инстанция может строить и на основе тех фактов, которые не были установлены приговором, но в деле имеются достаточные доказательства, позволяющие вышестоящему суду признать их установленными.

Суд второй инстанции обязан исследовать и такие не установленные судом первой инстанции факты, которые могут влечь иную правовую оценку деяния. Отсюда будет логичным вывод, что в тех случаях, когда эти факты получили ненадлежащую оценку либо оставлены вовсе без внимания судом, постановившим приговор, вышестоящий суд на их основе вправе принять решение об изменении приговора в части квалификации преступления. Естественно, при этом должны учитываться требования закона о недопустимости ухудшения положения осужденного. Изученные нами уголовные дела свидетельствуют, что кассационные инстанции при изменении квалификации преступления устанавливали такие новые факты, которые в большинстве своем обуславливали изменение правовой оценки субъективной стороны преступления.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости изменения ч. 2 ст. 51 Основ. В ней следует отдельно сформулировать пределы полномочий суда на принятие окончательного решения по делу (изменение и отмена приговора с прекраще-

нием производства по делу) и при отмене приговора с направлением дела на новое рассмотрение. Вместе с тем применительно к первой группе решений необходимо заменить слова «не были установлены в приговоре» на «не были исследованы судом». Предлагаемое изменение закона в полной мере соответствует сложившейся судебной практике, которая нашла свое закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 января 1974 г. № 2 «О практике пересмотра в порядке судебного надзора приговоров, определений и постановлений судов по уголовным делам». В нем разъясняется: «...в том случае, когда суд надзорной инстанции принимает по делу окончательное решение, т. е. отменяет приговор с прекращением дела или изменяет приговор, он вправе в своем постановлении (определении) сослаться на обстоятельства, устраняющие либо смягчающие ответственность осужденного, если они исследованы судом» [8, с. 43].

Закон, как известно, запрещает вышестоящему суду вносить в приговор изменения на основе тех доказательств, которые были отвергнуты судом первой инстанции. Руководствуясь данным правилом, суд второй инстанции, придя к выводу, что доводы, приведенные в приговоре в опровержение тех или иных доказательств, неубедительны, обязан отменить приговор и направить уголовное дело на новое рассмотрение. При этом в определении должно быть указано на неубедительность доводов, приведенных судом в опровержение одних и подтверждение других доказательств. Признание вышестоящим судом достоверными тех доказательств, которые были отвергнуты судом, постановившим приговор, как недостоверные, и принятые на их основе решения об изменении приговора, ведет к стиранию различий между деятельностью суда первой инстанции и суда, осуществляющего проверку правосудности его решений.

Список литературы: 1. *Арсеньев В. Д.* Специфика и пределы оценки доказательств вышестоящим судом. — Сов. гос-во и право, 1966, № 6, с. 69—71. 2. *Бажанов М. И.* Изменение обвинения в советском уголовном процессе. — М.: Госюриздат, 1964.—56 с. 3. *Добровольская Т. Н.* Изменение обвинения в судебных стадиях советского уголовного процесса. — М.: Юрид. лит., 1977. 4. *Калашникова Н. Я.* Гарантии права обвиняемого на защиту при изменении обвинения и наказания. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.—143 с. 5. *Мотовиловкер Я. О.* Основания и предпосылки советского уголовного процесса. — Правоведение, 1974, № 2, с. 85—91. 6. *Ривлин А. Л.* Пересмотр приговоров СССР. — М.: Госюриздат, 1958.—309 с. 7. *Фаткуллин Ф. Н.* Изменение обвинения — М.: Юрид. лит., 1971.—163 с. 8. Бюл. Верховного Суда СССР, 1974, № 2.

Поступила в редакцию 25.05.81.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О СУДЕБНОМ НАДЗОРЕ

На Украине Верховный судебный контроль был учрежден как орган судебного надзора декретом СНК от 17 апреля 1919 г. «Об учреждении IX отдела Народного Комиссариата юстиции — Верховного судебного контроля» [9, № 37, ст. 443]. Декрет дополнил положение СНК от 27 февраля 1919 г. «О Народном Комиссариате юстиции» [9, № 18, ст. 195], определявшее задачи Наркомюста, его организационную структуру и компетенцию.

Для понимания места и роли отдела Верховного судебного контроля в системе органов судебного управления и судебных инстанций необходимо хотя бы вкратце проанализировать по крайней мере четыре нормативных акта. Это: 1) Положение СНК «О Народном Комиссариате юстиции» от 27 февраля 1919 г. [9, № 18, ст. 195]; 2) декрет СНК «Об учреждении IX отдела Народного Комиссариата юстиции — Верховного судебного контроля» от 17 апреля 1919 г. [9, № 37, ст. 443]; Положение СНК «О юридических отделах губернских, уездных и городских исполкомов» от 22 февраля 1919 г. [9, № 15, ст. 164]; 4) циркуляр НКЮ от 8 марта 1919 г. «О правах и обязанностях юридических отделов» [9, № 23, ст. 252].

Положение о Народном Комиссариате юстиции определяло задачи и организационную структуру Наркомюста. Задачами его являлись: а) организация и общее направление деятельности судебных учреждений; б) разработка и проведение в жизнь норм гражданского и уголовного права; в) ближайшее содействие правовому оформлению советского строя в различных областях жизни. Для выполнения этих задач в его составе были учреждены семь отделов: организационно-инструкторский, законодательных предположений и кодификации, публикации законов, справочно-юрисконсультский, судебносудебный, тюремно-карательный и административный. Несколько позже был организован «ликвидационный отдел» — по отделению церкви от государства и школы от церкви. 16 и 17 апреля 1919 г. были опубликованы постановления СНК об учреждении в составе НКЮ IX и X отделов — соответственно Верховного судебного контроля и Верховного кассационного суда.

Задачами Верховного судебного контроля являлись «осуществление и централизация постоянного общего и текущего надзора за деятельностью всех судебных мест УССР, в частности, за правомерностью выносимых ими приговоров, решений, определений». Для их осуществления отделу предостав-

лялось право: а) производить периодические и чрезвычайные ревизии делопроизводства и всей деятельности судебных учреждений УССР; б) требовать от всех судебных учреждений предоставления тех или иных сведений по усмотрению Контрольно-судебного отдела относительно производящихся в этих учреждениях дел; в) давать всем без исключения судебным учреждениям УССР руководящие разъяснения и указания, относящиеся к толкованию и применению действующих на Украине норм права, а также регулирующие применение судебными учреждениями принципов, изложенных в ст. ст. 21, 49 «Временного положения о народных судах и революционных трибуналах (СУ № 11, ст. 141)»; г) предавать суду виновных в неисполнении действующих правил, обязательных для судебных мест, а в частности, — в неподчинении разъяснениям, означенным в сем пункте под лит. «в». Разъяснения и указания Верховного судебного контроля безусловно обязательны для судебных учреждений УССР; разъяснениями этими, однако, не колеблется сила уже состоявшихся решений, приговоров и определений по отдельным судебным делам*»; «эти состоявшиеся уже постановления судебных учреждений могут быть отменяемы и изменяемы исключительно в порядке, предусмотренном «Временным положением о народных судах и революционных трибуналах» [9, № 11, ст. 141].

Вскоре после принятия декрета о Верховном судебном контроле, в апреле 1919 г., в Одессе выступил с публичной лекцией «Красное право и красный суд» первый Нарком юстиции Украины А. И. Хмельницкий. Касаясь интересующего нас вопроса, он сказал: «...В области подбора судей нужно быть особенно осторожным. При наличии развитого и более или менее развернутого советского законодательства было бы не особенно страшно поручить судьям из специалистов выполнение судебных функций. Но как раз теперь не следует особенно выдвигать на судейские должности специалистов потому, что они могут, работая добросовестно, оказаться не на высоте, потому что они могут быть совершенно неприспособлены к осуществлению коммунистического права. Дело в том, что мы не закрываем глаза на слабые стороны организации судебного института. Мы знаем, что при слабом развитии в рабочих массах коммунистического самосознания судейская работа будет особенно трудна, особенно тяжела и тут необходим *особенно тщательный контроль* (курсив мой. — Д. П.). Этот Верховный судебный контроль организуется при Народном Комиссариате юстиции для того, чтобы следить за правильностью применения всеми местными судами Советской республики тех или

* В ч. 2 ст. 6 Декрета о суде № 2 эта же мысль была сформулирована несколько иначе: «Объединяющие принципиальные решения Верховного судебного контроля кассационными инстанциями принимаются *впредь* к руководству» (курсив мой. — Д. П.).

других правовых норм. ...На местах задания этого института осуществляются при помощи юридических отделов, которым надлежит следить за решениями и постановлениями, выносимыми местными судебными учреждениями» [5, с. 15]. Здесь полностью освещены причины учреждения Верховного судебного контроля и широкой сети его местных органов.

Впервые в законодательном порядке Верховный судебный контроль был учрежден Декретом о суде № 2. Однако, как и Декрет в целом, он так и не был введен на практике. В связи с этим сама идея этого института осталась непонятой даже некоторыми крупными специалистами в области советского судоустройственного и судопроизводственного права. Так, проф. М. А. Чельцов-Бебутов писал: «Декретом о суде № 2 была создана система общих судов, действующих наряду с народными судами, но не связанных с ними, для рассмотрения дел, превышающих компетенцию народных судов: окружные народные суды — первая инстанция, областные народные суды — кассационная инстанция и (фактически не организованный) «сверхкассационный» центр — Верховный судебный контроль — «в целях достижения единообразия кассационной практики» [7, с. 5]. Взятое автором в кавычки слово «сверхкассационный» свидетельствует о том, что он не понял, какая огромная роль отводилась этому органу судебного надзора.

Из высказываний А. И. Хмельницкого видно, что организация Верховного судебного контроля была вызвана необходимостью проведения в жизнь в приговорах и решениях нового суда, во всей его деятельности политики Коммунистической партии, направленной на преобразование общества на новых коммунистических началах. Деятельность советского суда по применению советского права да и само право, должны были стать одним из важных орудий такого преобразования. Заканчивая свою лекцию, А. И. Хмельницкий подчеркнул: «...Если современному красному праву удастся сыграть... роль хорошего технического оружия и облегчить пролетариату его борьбу в преодолении буржуазии, то несомненно роль красного права будет исполнена» [5, с. 17]. Немаловажное значение придавалось при этом организации и деятельности Верховного судебного контроля.

Народный Комиссариат юстиции осуществлял все дело судебного управления, в том числе и функцию судебного надзора, через отраслевые отделы центрального аппарата и местные юридические отделы по соответствующим подотделам. Местные юридические отделы были учреждены упоминавшимся выше постановлением СНК от 22 февраля 1919 г. «О юридических отделах губернских, уездных и городских исполкомов» [9, № 15, ст. 164], в соответствии с которым юридические отделы создавались при губернских и уездных исполнительных комитетах

и городских советах. Во главе отдела стояла коллегия в составе заведующего и двух членов, назначаемых соответствующими исполкомами или Советами. Структурными подразделениями юридических отделов, в соответствии с организационной структурой самого Наркомюста, являлись подотделы судебный, юрисконсультский, тюремно-карательный, нотариальный и др.* во главе с заведующими подотделами, ответственными перед коллегией юридического отдела. В круг обязанностей юридических отделов входили, в частности, ликвидация прежних судебных установлений, организация новых судов и состоявшихся при них органов дознания, предварительного следствия, обвинения и защиты, а также *надзор* за их деятельностью.

Вопрос о порядке и методах надзора юридических отделов за деятельностью судебных органов Положение от 22 февраля 1919 г. оставляло открытым. Для правового регулирования этого вопроса большое значение имел циркуляр НКЮ от 8 марта 1919 г. Он был опубликован несколько раз в разное время, в различных официальных изданиях и под разными названиями. Проверить время его принятия и первоначальное наименование по архивным источникам пока не представилось возможным. Однако библиография этого нормативного акта заслуживает краткого описания. Впервые циркуляр был опубликован в «Известиях» [13, № 63] от 8 марта 1919 г. При ссылках на него в литературе приводится именно эта дата, а не дата его принятия, поскольку в тот период было не принято указывать в публикуемых нормативных актах дату их принятия компетентными органами. Он был назван: «Юридическим отделам всех губисполкомов о правах надзора губернских юридических отделов за судебными местами и об участии во всех делах в качестве стороны». Под этим же названием он был включен и в другое официальное издание — сборник «Материалы Народного Комиссариата юстиции» [10, с. 10—11]. Циркуляр был подписан Наркомом юстиции А. И. Хмельницким и заведующим отделом судоустройства Е. Ширвиндтом. Впоследствии он был помещен в изданном после освобождения Украины от денкинской оккупации сборнике под названием «О наблюдении юридических отделов губисполкомов за закономерностью приговоров и решений подведомственных им судебных установлений» [11, с. 9—10]. Наконец, в «Собрание Узаконений УССР» (СУ УССР) он был включен под наиболее лаконичным и выразительным названием — «О правах и обязанностях юридических отделов» [9, № 23, ст. 252], — которым мы и пользуемся в данной работе.

Юридический отдел губисполкома являлся стороной во всех разрешавшихся судебными установлениями губернии де-

* Постановлением НКЮ от 15 апреля 1919 г. при юридических отделах исполкомов были образованы контрольно-следственные и административные (общие) подотделы [9; № 36; ст. 432].

дах, как гражданских, так и уголовных. Поэтому он должен был иметь сведения обо всех вынесенных судебными установлениями губернии приговорах и решениях, следить за использованием сроков на их кассационное обжалование и восполнять все замеченные пробелы в судейской деятельности, устранять отклонения от советского законодательства и социалистического правосознания как во время процесса, так и после вынесения приговоров и решений. Для выполнения этих задач он вправе был делегировать своих представителей в качестве обвинителей и защитников, обжаловать приговоры и решения в кассационном порядке и требовать их пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. В кассационном порядке приговоры и решения могли быть обжалованы не только по формальным основаниям, т. е. ввиду нарушения форм судопроизводства, но и ввиду их явной несправедливости*. Все эти права губернские юридические отделы должны были использовать для предотвращения вынесения приговоров и определений, противоречащих требованиям революционной законности и социалистического правосознания, или для их отмены в кассационном порядке, когда предотвратит нарушения законности в суде первой инстанции не удалось.

Особый интерес представляет заключительный абзац циркуляра от 8 марта 1919 г.: «В случае завершения производства по делу**, юридический отдел, усматривая в судебном решении или приговоре отступление от декретов советской власти, духа советского законодательства или принципов социалистического правосознания, входит с соответствующим *представлением* в Народный Комиссариат юстиции» (курсив мой.—Д. П.). Здесь ничего не говорится о целях этого представления. А содержащаяся в Положении о Верховном судебном контроле от 17 апреля 1919 г. [9, № 37, ст. 443] норма о том, что разъяснениями и указаниями Верхсудконтроля «...не колеблется сила уже состоявшихся решений, приговоров и определений по отдельным судебным делам», послужила для многих ученых поводом утверждать, что Верховный судебный контроль УССР не пользовался правом отмены вступивших в законную силу приговоров.

В действительности не были наделены этим правом губернские отделы юстиции и поднадзорные им судебные органы.

* Объясняя отказ советского законодательства от апелляции, А. И. Хмельницкий сказал: «Если нелепо рассматривать дело новым судом от начала до конца; то нельзя забывать того; что иногда суд второй инстанции может отменить решение первой инстанции; как несправедливое. Такую несправедливость решения или приговора можно констатировать и установить путем известного логического вывода из фактических обстоятельств дела. Поэтому мы считали достаточным включение корректива: «явно несправедливое решение или приговор» [5; с. 16].

** Под завершением производства по делу здесь следует понимать не вынесения судом первой инстанции решения, приговора, определения, а их вступление в законную силу.

Именно поэтому они и обязаны были войти с представлением в Народный Комиссариат юстиции, а не принимать необходимые меры своей властью. Отмеченный неправильный вывод обосновывается еще и ссылкой на то, что согласно декрету от 17 апреля 1919 г. «...эти состоявшиеся уже постановления судебных учреждений могут быть отменяемы и изменяемы исключительно в порядке, предусмотренном Временным положением о народных судах и революционных трибуналах». Толкуя данную норму как довод в пользу упоминавшегося вывода, его сторонники упускают из виду ее редакцию: *состоявшиеся уже постановления судебных учреждений, а не вступившие уже в законную силу постановления судебных учреждений*, действительно могли быть отменяемы и изменяемы исключительно в порядке, предусмотренном Временным положением. Забывают при этом и то, что сроки для обжалования решений и приговоров народных судов, а впоследствии и приговоров революционных трибуналов, были продолжительными: в народных судах — один месяц, в революционных трибуналах — две недели. Не менее продолжительными были и сроки возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. В течение этих сроков губернским отделам юстиции и надлежало добиваться отмены или изменения противоречащих закону приговоров, решений и определений посредством их кассационного обжалования или путем возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Войти же с представлением в Наркомюст губернский отдел юстиции мог лишь в случае *завершения производства по делу*, т. е. после вступления приговора в законную силу (курсив мой. — Д. П.). Но так как рассматриваемый циркуляр был посвящен правам и обязанностям местных юридических отделов, то он, естественно, не разъяснял ни порядка прохождения представлений губюротделов в Наркомате юстиции, ни существа решений, которые вправе был принять по ним Наркомюст.

Первоначальная редакция «Временного положения о народных судах и революционных трибуналах» от 14 февраля 1919 г. [9, № 11, ст. 141] предусматривала основания и порядок кассационного пересмотра решений, приговоров и определений лишь народного суда. Гражданские и уголовные дела, подсудные народному суду, могли быть пересмотрены и в порядке возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Приговоры же революционных трибуналов не подлежали обжалованию и пересмотру в кассационном порядке и порядке возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Их пересмотр был допущен декретами СНК от 16 апреля 1919 г. «О порядке пересмотра приговоров революционных трибуналов» [9, № 36, ст. 437] и «Об учреждении X отдела Наркомюста — Верховного кассационного суда» [9, № 37, ст.

444]. Об отмене или изменении приговоров, вступивших в законную силу, Временное положение ничего не говорило.

Анализ рассмотренных нормативных актов послужил основанием М. А. Чельцову для вывода о том, что «Верховный судебный контроль не имел, как РСФСР, права отменять вступившие в законную силу приговоры. Его разьяснения были обязательны для всех судебных учреждений УССР, но ими «не колеблется сила уже состоявшихся решений, приговоров и определений по отдельным судебным делам» [8, с. 151]. Аналогичное толкование декрета от 17 апреля 1919 г. дали И. А. Гельфанд [1, с. 138] и Д. С. Сусло [4, с. 21]. П. Т. Землянский сформулировал аналогичный вывод несколько осторожнее. Отметив ряд прав Верховного судебного контроля по надзору за всеми судебными установлениями республики и подчеркнув их значение, автор далее пишет: «Но вместе с тем, заботясь об авторитете судебного приговора, декрет устанавливал, что разьяснениями Верховного судебного контроля «не колеблется сила уже состоявшихся решений, приговоров и определений по отдельным судебным делам», которые могут быть отменены только в установленном процессуальном порядке, то есть в результате кассационного пересмотра либо в результате помилования осужденных» [2, с. 39].

Разьяснения Верховного судебного контроля действительно не отменяли состоявшихся до их издания приговоров. По своей юридической природе эти разьяснения не являлись актами применения норм права к конкретным правоотношениям. Они представляли собой акты толкования и разьяснения норм права, обязательные для всех судов республики, т. е. руководящие разьяснения. Но ведь и руководящими разьяснениями Пленума Верховного суда УССР и Пленума Верховного суда СССР после их учреждения и передачи им судебно-надзорных полномочий не колебалась и не колеблется сила, придерживаясь терминологии того времени, уже состоявшихся решений, приговоров и определений. Издание руководящих разьяснений по толкованию и применению действующего законодательства — это особая функция судебно-надзорных инстанций. Она была присуща, между прочим, еще Правительствующему Сенату дореволюционной России*.

В цитированной выше лекции А. И. Хмельницкий также отмечал эту функцию Верхсудконтроля, подчеркивая, что, помимо того, что он «...ведет контроль над деятельностью судей, их личным составом и делопроизводством, этот отдел имеет

* В первую годовщину декрета о суде № 1 П. И. Стучка писал: «Развенчана Фемида. Низложена и объявлена вне пролетарского закона эта продажная богиня буржуазного правосудия. Из ее рук пролетариатом вырван жестокий меч, и ее фальшивые весы сданы в музей революции. А на костре горят ее законы и сенатские разьяснения (курсив мой. — Д. П.). Таково было краткое содержание коротенького декрета о суде» [3, с. 711].

еще право вынесения объединяющих всю судебную практику кассационных разъяснений» [5, с. 16]. Пересмотр же и отмена в порядке надзора вступивших в законную силу судебных решений — это иная по своей юридической природе функция высших судебных органов: судебно-надзорных инстанций. Смешение этих функций недопустимо. Установив в вынесенном и вступившем в законную силу решении, приговоре, определении отступление от: а) декретов Советской власти; б) духа советского законодательства; в) принципов социалистического правосознания, — губернский отдел юстиции обязан был войти с представлением в НКЮ, в составе которого еще не было отдела Верховного судебного контроля. Какое из организационно-структурных подразделений НКЮ должно было рассматривать эти представления, в циркуляре не говорится. Скорее всего, это судебно-следственный отдел по подотделу судебного контроля. Лишь после учреждения Верховного судебного контроля эти представления стали одним из предметов его ведения.

Наконец, в циркуляре НКЮ № 37 от 10 ноября 1920 г. говорилось: «Право представления для отмены в порядке надзора (курсив мой. — Д. П.) приговоров и решений судебных мест принадлежит исключительно губотюстам и может быть осуществлено в тех случаях, когда губотюсты сами, по серьезным основаниям, признают такую отмену необходимой» [12, с. 59—60]. Так как отмена вступившего в законную силу приговора или решения является актом исключительным, она может быть допущена лишь в случае крайней необходимости и по вполне серьезным основаниям, подчеркивалось в циркуляре. Здесь несколько иначе, чем в циркуляре от 8 марта 1919 г., были сформулированы основания к отмене приговоров в порядке надзора. Основания этими являлись: а) нарушение или неприменение такого относящегося к данному делу декрета или решения Советской власти, которое должно было существенно изменить основные выводы судебного приговора или решения; б) противоречие приговора или решения основным принципам социалистического правосознания; в) постановление приговора или решения, заключающего в себе отказ в правосудии.

Право отмены в порядке судебного надзора вступивших в законную силу решений, приговоров и определений принадлежало органу судебного управления — Народному Комиссариату юстиции — как один из элементов осуществлявшейся им функции судебного надзора до введения в действие основных актов судебной реформы 1922 г., в том числе Положения о судоустройстве и УПК, которые отнесли это право к ведению Верховного суда республики.

Список литературы: 1. Гельфанд И. А. Организация и процессуальные формы деятельности революционных трибуналов на Украине. — Учен. зап. Укр. ин-та юрид. наук, 1940, с. 130—155. 2. Землянский П. Т. Уголовно-процессуальное законодательство в первые годы Советской власти. — Ки-

ев, 1972.—306 с. 3. Стучка П. И. Годовщина декрета о суде. — В кн.: Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. — Рига: Латв. гос. изд-во, 1964,—748 с. 4. Суло Д. С. Історія суду Радянської України (1917—1967). — К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1968.—187 с. 5. Хмельницький А. И. Красное право и красный суд (публичная лекция). — Одесса: Всеукр. изд-во, 1921.—20 с. 6. Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс, вып. 1. — Харьков: Юриздат НКЮ УССР, 1928.—230 с. 7. Чельцов-Бебутов М. А. Очерк истории советского уголовного процесса. — М., 1948.—40 с. 8. Чельцов М. А. Уголовный процесс. — М.: Юриздат, 1948.—624 с. 9. СУ УССР, 1919. 10. Материалы Народного Комиссариата юстиции УССР (декреты, постановления, циркуляры, инструкции). — Киев, 1919, вып. 1. 11. Сборник декретов, положений, инструкций и циркуляров по НКЮ УССР. — Одесса, 1920, вып. 1. 12. Сборник декретов, положений, инструкций, циркуляров НКЮ УССР с 1 января 1920 г. по 15 апреля 1921 г. — Харьков, 1921, вып. 2. 13. Известия Рабоче-Крестьянского Правительства Украины и Харьковского Совета рабочих депутатов, 1919.

Поступила в редколлегію 25.05.81.

Я. С. САПОШИНСКИЙ

Харьков

ДОКУМЕНТЫ И ПРОТОКОЛЫ КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНО-ТОВАРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Изучение уголовных дел показывает, что установление обстоятельств, подлежащих выяснению, по делу нередко возможно путем использования сведений о потребительных свойствах товаров или об обстоятельствах, которые влияют на их формирование, хранение и пр., содержащихся в протоколах следственных действий. Производство судебно-товароведческой экспертизы в указанной форме может стать необходимым, когда сведения протоколов являются единственным источником доказательств, а также когда их можно почерпнуть из нескольких источников: вещественных доказательств, соответствующих документов, отражающих сведения о товарах, и протоколов следственных и судебных действий.

Содержащиеся в протоколах сведения могут исследоваться судебно-товароведческой экспертизой по делам о хищении государственного и общественного имущества, о некоторых хозяйственных и должностных преступлениях. По делам о хищениях по данным, взятым из документов и протоколов, эксперты-товароведы могут установить цену товаров и этим оказать следователю и суду помощь в определении точного размера похищенного, от чего зависит квалификация преступления и мера наказания подсудимому. Исследование сведений из документов и протоколов может иметь значение для доказывания обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности лиц или их невиновность, при возобновлении дела по

вновь открывшимся обстоятельствам, когда возникает необходимость в повторном экспертном исследовании. В делах указанных категорий, по которым причинен материальный ущерб, заключение эксперта-товароведа, содержащее данные о цене товара (продукции, сырья, полуфабриката и пр.), может использоваться следователем и судом для определения суммы гражданского иска понесшим материальный ущерб от преступления государственным предприятиям, учреждениям, организациям, колхозам, кооперативным и иным общественным организациям [9, с. 67—70].

Расследование таких дел нередко связано с установлением ряда обстоятельств, относящихся к свойствам товаров и обстановке события, оказывающей влияние на объекты, выяснение которых требует специальных познаний из области товароведения. При расследовании не всегда могут обеспечиваться сохранение и неизменность свойств и качеств товара (продукции, сырья), подлежащих экспертному исследованию. В соответствии с законом вещественные доказательства, подвергающиеся быстрой порче, если они не могут быть возвращены владельцу, немедленно сдаются соответствующим государственным или кооперативным организациям для реализации (ст. 80 УПК УССР). После вступления приговора в законную силу или после истечения срока обжалования постановления (определения) товары могут быть переданы соответствующим учреждениям или законным владельцам, обращены в доход государства или уничтожены. Эксперт-товаровед не всегда может непосредственно воспринимать обстоятельства и условия хранения, реализации и др., оказывающие воздействие на потребительные свойства товаров, так как к моменту расследования они уже не существуют, поскольку преступление всегда является событием прошлого. Эксперт-товаровед, формулируя вывод, исходит при этом как из результатов исследования им непосредственно товаров и обстановки события, так и из сведений, почерпнутых из соответствующих документов и протоколов следственных и судебных действий.

Назначение и производство судебно-товароведческой экспертизы по данным протоколов бывает необходимо и при расследовании краж, грабежей, разбоев и других преступлений против личной собственности граждан, когда похищенное у граждан имущество не обнаружено. При этом, в отличие от дел о хищении государственного и общественного имущества, хозяйственных и должностных преступлений, по делам о преступлениях против личной собственности граждан следователь и суд часто не располагают, кроме протоколов допроса потерпевших и свидетелей, другими источниками, из которых могут быть получены данные для судебно-товароведческой экспертизы*. Как и при расследовании хищений государственного

и общественного имущества, определение экспертами-товароведами цен похищенных и умышленно уничтоженных предметов, находившихся в личной собственности граждан, оказывает следователю и суду помощь в определении суммы ущерба, причиненного преступлением (ст. 28 УПК УССР). Это способствует восстановлению нарушенных преступлением имущественных прав граждан [9, с. 67—70].

Таким образом, исходными данными для судебно-товароведческой экспертизы могут быть не только непосредственно объекты — вещественные доказательства (товары, продукция, сырье и пр.) или документы, отражающие сведения о них, как об этом сказано некоторыми авторами [2, с. 9—11; 7, с. 75—78; 6, с. 3—9]. Следственная, судебная и экспертная практика расширили круг источников, из которых эксперт-товаровед может черпать исходные данные для исследования. Кроме названных к ним относятся протоколы допроса свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и др., содержащие данные, исследование которых основано на товароведческих знаниях. Способы получения таких данных в основном совпадают с применяемыми экспертами-товароведами способами при исследовании документов (актов о качестве товаров, спецификаций и пр.), предъявляемых вместо натуральных объектов. Их получают путем изучения соответствующих материалов дела [12, с. 6]. Кроме того, с разрешения следователя, присутствуя при проведении допросов и других следственных действий, эксперт может задавать допрашиваемым лицам вопросы, касающиеся экспертизы (ст. 77 УПК УССР).

Объем и достоверность данных, содержащихся в протоколах и документах, определяют выводы эксперта. В этом случае они не имеют существенных различий. Однако между ними есть различия во времени и причинах возникновения. Документы, содержащие сведения о товарах, возникают в связи с выполнением хозяйственных операций, контрольных проверок и пр. до возбуждения дела, независимо от расследования. Протоколы же следственных действий являются результатом действия следователя, осуществляющего расследование. Различен также процесс формирования и характер указанных данных. Сведения о товарах в документах обусловлены соответствующими научными данными и техническими нормативами. Как правило, в учетные, товароведные и другие документы вносят основные параметры товаров, характеризующие их эксплуатационные, технологические и технические возможности в соответствии с требованиями нормативно-технической документации, устанавливающей комплекс таких норм. Сами документы обычно содержат соответствующие реквизиты, перечень сведений, установленных для данного документа. Это бывают описания качества и комплектности продукции и товаров, функциональных, размерных, весовых и структурных

данных изделий и пр. При описании используются установленные нормативами единые термины и обозначения методов и средств измерения, испытания и контроля количества, качества продукции и товаров. Заполняют их лица, имеющие специальную теоретическую подготовку и опыт практической работы. В описании делаются ссылки на соответствующие ГОСТы, прејкуранты и т. п. Указанные обстоятельства имеют существенное значение, так как они создают достаточно широкую возможность для выделения объектов из общей товарной массы, определения материально-вещественных признаков, групповой принадлежности, сопоставления полученных результатов с соответствующими нормами изделий.

В отличие от документов формирование показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых происходит по общим психологическим закономерностям (восприятие, запоминание, воспроизведение), в которых на правильность отображения влияют объективные условия (погода, освещенность воспринимаемого объекта, время протекания события и др.) и субъективные факторы (состояние психики человека в момент восприятия, направленность внимания, состояние органов чувств и пр.). Эти вопросы изучены и освещены в литературе [4; 8; 10; 11]. Восприятие всегда зависит от объективных факторов и индивидуальных качеств воспринимающего лица. Оно происходит в разных формах, которые также оказывают существенное воздействие на правильность отображения. Восприниматься могут предметы в целом по внешнему виду, без выделения их отдельных признаков (шапка, пальто, портфель, брошь и т. п.) или наиболее броские их приметы (цвет пальто, форма часов, фасон пиджака и пр.). Кроме названных различают еще одну форму — смешанную, когда восприятие предмета в целом сочетается с выборочным сообщением его отдельных признаков [8, с. 90—98].

Признаки одного и того же предмета потерпевшим, подозреваемым или обвиняемым могут интерпретироваться по-разному в зависимости от их процессуального положения. Данные об объекте, естественно, будут известны больше потерпевшему, он излагает их подробнее. Это закономерно, так как материально-вещественные свойства любой вещи лучше усваиваются в процессе пользования, потребления. Но и при этих обстоятельствах они истолковываются, как правило, в зависимости от уровня индивидуального восприятия, а не на основе нормативно-технической характеристики объекта. На достоверность показаний потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого влияет направленность их внимания, а также заинтересованность в исходе дела. Это может проявляться и в случаях, когда ими характеризуются данные о товарном объекте, его цене и пр. Потерпевшему причинен вред преступлением, и избираемые им средства защиты своих интересов, естествен-

но, не совпадают с интересами подозреваемого (обвиняемого) [3, с. 148; 13, с. 592]. Важно учитывать, что на предварительном следствии и в суде потерпевшие, обвиняемые могут изменять показания, а также сообщать неверные сведения о признаках изделий в результате заведомо ложной, вымышленной информации или вследствие добросовестного заблуждения.

Эксперт должен знать об особенностях показаний (как и документов), но не производить их оценку, если она и связана с применением товароведческих познаний. «Подмена сведений о фактах их оценкой, — отмечал З. М. Соколовский, — может привести к экспертной ошибке...» [12, с. 8]. Закон предоставляет право оценивать любые доказательства суду, прокурору, следователю и лицу, производящему дознание (ст. 67 УПК УССР), а не эксперту.

Почерпнутые из показаний сведения о товарных объектах в большинстве своем позволяют производить по ним товароведческие исследования. Они, как правило, не содержат нормативно-технической терминологии, ссылок на ГОСТы, прейскуранты и пр., как это имеет место в документах. Это усложняет и затрудняет исследование, но не лишает эксперта возможности определить материально-вещественные признаки предмета, его цену. Приведем такой пример. Из квартиры гр. Г. были похищены различные предметы, в том числе мужское пальто. В ходе следствия не представилось возможным обнаружить его, и сведения о пальто стали известны от потерпевшего. В протоколе допроса значилось, что пальто пошито из чистшерстяной ткани драп с рисунком малозаметной клетки, подкладка из искусственного меха. Названы также фасон, размер, рост и другие имеющие значение для экспертизы сведения. Они были исследованы экспертом-товароведом. По характеристике внешнего вида установлена сложность пошива пальто, данные о размере и фасоне позволили установить расход ткани, искусственного меха и других материалов, т. е. получить основные исходные параметры изделия. Стоимость материалов и пошива в денежном выражении в совокупности составили затраты на пальто. Проведенные исследования позволили установить розничную цену пальто в соответствии с прейскурантом (см. названное уголовное дело № 1—4. Заключение эксперта от 17 ноября 1977 г., с. 3, п. 7). Аналогично определялись материально-вещественные признаки и исчислялись цены других объектов. Применяемые экспертами методы исследования и выводы не вызвали возражений у потерпевших и обвиняемых и были положительно оценены следователем, а затем судом. Практика свидетельствует, что данные о товарах, содержащиеся в показаниях лиц, а также в документах, всесторонне и глубоко исследуются экспертом-товароведом с применением необходимых технических нормативов и методов, способствующих установлению новых фактов по делу.

Этому способствуют используемые данные экспертной практики, обстоятельства дела, относящиеся к предмету экспертизы, литературные и справочные сведения и иные материалы, помогающие эксперту произвести оценку результатов исследования [1, с. 155].

Список литературы: 1. *Ароцкер Л. Е.* Структура оценочной деятельности эксперта-криминалиста. — Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1973, № 10, с. 148—156. 2. *Букалов К. А.* Теория и практика использования специальных товароведческих познаний на предварительном следствии: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — М., 1977.—20 с. 3. *Горский Г. Ф., Кокарев Л. Д., Элькин П. С.* Проблемы доказательства в советском уголовном процессе. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978.—303 с. 4. *Дулов А. В.* Судебная психология. — Минск: Высшая школа, 1970. — 392 с. 5. *Завьялков А. Г.* Цены и ценообразование в СССР. — Минск: Высшая школа, 1971. — 368 с. 6. *Калинский М. Н.* Судебная товароведческая экспертиза: Материалы по экспертизе товаров. — М., 1972.—44 с. 7. *Клименко Н. И.* Подготовка материалов и назначение судебно-товароведческой экспертизы. — В кн.: Подготовка и проведение отдельных видов судебной экспертизы. — Киев, 1977, с. 75—78. 8. *Коновалова В. Е.* Психология в расследовании преступлений. — Харьков: Вища школа. Из-во при Харьк. ун-те, 1978.—143 с. 9. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 23 марта 1979 г. «О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением». — Соц. законность, 1979, № 6, с. 67—70. 10. *Рагинов А. Р.* Судебная психология для следователей. — М., 1967.—290 с. 11. Советский уголовный процесс/Под ред. *М. И. Бажанова, Ю. М. Грошевого.* — Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1978.—470 с. 12. *Соколовский З. М.* Вопросы использования экспертом материалов дела. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1964.—71 с. 13. Теория доказательств в советском уголовном процессе — М.: Юрид. лит., 1973.—735 с.

Поступила в редколлегию 14.01.80.

И. М. ГРУЩИНСКИЙ

Харьков

ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ РАСТОРЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ

Успех производственной деятельности предприятия во многом определяется постоянством состава кадров. Чем стабильнее трудовой коллектив рабочих и служащих, тем большим опытом и квалификацией он обладает, а следовательно, и производительность труда выше. Как известно, в 80-е гг. будет действовать фактор сокращения трудовых ресурсов, усложняющий экономическое развитие. Поэтому трудовое законодательство должно быть направлено на воплощение в жизнь принципа устойчивости трудовых правоотношений, который выражает сущность норм, обеспечивающих стабильность кадров [4, с. 154]. Предотвращению неорганизованного, стихийного движения рабочей силы, безусловно, служит установление в трудовом

законодательстве норм, обеспечивающих юридические гарантии рабочим и служащим при приеме, переводе и прекращении трудового договора. Законодательство о труде гарантирует не только реализацию права на труд, но и обеспечивает дальнейшее его существование во времени. Увольнение работника по инициативе администрации возможно лишь по основаниям, прямо предусмотренным в законодательстве о труде. Перечень оснований является исчерпывающим.

Перечень оснований, сформулированных в ст. 40 КЗоТ УССР, в науке получил название общего. Он распространяется на всех рабочих и служащих независимо от сферы занятости, выполняемых ими функций и ответственности за выполнение возложенных на них обязанностей. Для некоторых категорий рабочих и служащих при определенных условиях помимо общих установлены дополнительные основания прекращения трудового договора. В отличие от общих оснований, для которых характерно расторжение трудового договора только в соответствии со статьями кодекса законов о труде, по дополнительным допускается прекращение трудового правоотношения также на основании иных нормативных актов, в которых они установлены, так как ни Основы законодательства о труде, ни кодексы законов о труде союзных республик не содержат исчерпывающего перечня этих оснований.

Статья 18 Основ законодательства о труде (ст. 43 КЗоТ УССР) устанавливает запрещение расторжения трудового договора по инициативе администрации без согласия фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза. После принятия Основ, но до принятия республиканских кодексов законов о труде*, Пленум Верховного Суда СССР в п. 8 постановления № 6 от 19 октября 1971 г. разъяснил судам, что требование ст. 18 Основ применяется и в тех случаях, когда трудовой договор с некоторыми категориями рабочих и служащих расторгается по инициативе администрации по дополнительным основаниям, предусмотренным действующим законодательством, в частности при совершении работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы, или в связи с виновными действиями работника, непосредственно обслуживающего денежные или товарные ценности, если эти действия дают основания для утраты доверия к нему со стороны администрации. Впоследствии это положение получило закрепление в ст. 41 КЗоТ УССР, которая указывает, что расторжение договора в случаях, предусмотренных пунктами 2 и 3 этой статьи, производится с соблюдением требований ст. 43 настоящего Кодекса.

* Основы законодательства о труде приняты 15 июля 1970 г., а КЗоТ УССР — 10 декабря 1971 г.

При увольнении работника по инициативе администрации по иным дополнительным основаниям также требуется согласие ФЗМК. И только в отношении прекращения трудового договора за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей работником, несущим дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности, согласие ФЗМК не требуется. Это основание включает лиц, занимающих должности, предусмотренные в Перечне № 1 приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров. Оно входит в перечень предусмотренных постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1965 г. исключений из общего правила, по которому увольнение рабочих и служащих по инициативе администрации без согласия фабричного, заводского, местного комитета не допускается. Статьи 99 Основ и 252 КЗоТ УССР установили, что увольнение не освобожденных от производственной работы председателей и членов фабричного, заводского, местного комитетов профессиональных союзов по инициативе администрации может иметь место, помимо соблюдения общего порядка увольнения, лишь с согласия вышестоящего профсоюзного органа. Увольнение профсоюзных организаторов по инициативе администрации допускается лишь с согласия вышестоящего профсоюзного органа. Полагаем, что если лица, занимающие должность, указанные в Перечне № 1 приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров, избраны в профсоюзные органы и не освобождены от производственной работы, то на них распространяются гарантии, предусмотренные ст. 252 КЗоТ УССР. Такие гарантии данной статьи обеспечиваются при расторжении трудового договора по инициативе администрации по иным дополнительным основаниям.

В судебной практике не было единого мнения по вопросу о том, требуется ли согласие ФЗМК на увольнение лиц, направленных по постановлению суда в лечебно-трудовой профилакторий, или лиц, принятых на работу с нарушением установленного порядка. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 1 от 18 апреля 1980 г. указал, в каких случаях имеет место нарушение установленных правил приема на работу [5, с. 9—14].

Имея в виду, что прекращение трудовых отношений по указанным основаниям наступает не по инициативе администрации, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 сентября 1976 г. разъяснил, что прекращение трудового договора с работником в связи с его направлением по постановлению суда в лечебно-трудовой профилакторий, а также в случае нарушения администрацией установленных правил приема на работу (п. 4 ст. 106 Основ, п. 4 ст. 7 КЗоТ УССР) предварительного согласия фабричного, заводского, местного комитета профсоюза на прекращение трудового договора не

требуют [5, с. 29—37]. Однако инициатива увольнения по дополнительным основаниям может исходить и от администрации, в этом случае согласие ФЗМК необходимо. Следовательно, необходимость согласия ФЗМК для расторжения трудового договора с рабочими и служащими в связи с нарушением правил приема зависит от того, кто является инициатором увольнения — администрация или иной орган. Несоблюдение дополнительных гарантий при увольнении определенной категории лиц дает судам бесспорное основание для признания расторжения трудового договора незаконным.

Как вытекает из ст. 32 Закона СССР от 20 сентября 1972 г. «О статусе депутатов Совета народных депутатов в СССР» [6, ст. 347], депутат не может быть по инициативе администрации уволен с работы на предприятии, в учреждении или организации без предварительного согласия Совета, а в период между сессиями — без предварительного согласия соответственно исполнительного комитета Совета или Президиума Верховного Совета. Представляется, что охрана трудовых прав рабочих и служащих в соответствии с указанным законом должна осуществляться также при прекращении с ними трудового договора по дополнительным основаниям, если они обладают статусом депутата.

В ряде случаев кроме согласия ФЗМК профсоюза требуется согласие государственных органов или других общественных организаций. Согласно п. 49 Положения о межреспубликанском, межведомственном и персональном распределении молодых специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения [7, с. 25—32], руководителям предприятий, учреждений и организаций в течение трех лет запрещается увольнять с работы молодых специалистов без разрешения министерства и ведомства, которому подчинено данное предприятие, учреждение или организация.

Следует иметь в виду, что предусмотренная законодательством двойная санкция в отношении молодых специалистов по инициативе администрации применяется как по общим, так и по дополнительным основаниям. Я. И. Давидович считает, что двойная санкция излишне усложняет порядок увольнения молодых специалистов, мешает администрации самостоятельно решать вопрос о прекращении трудового правоотношения с молодым специалистом, когда на это имеются серьезные основания [2, с. 27]. С данным мнением согласиться нельзя. В этой связи убедительной представляется точка зрения Ю. П. Орловского, который утверждает, что запрещение увольнения молодых специалистов без согласия вышестоящих органов имеет целью проверить обоснованность увольнения и принимать меры к перераспределению подлежащих увольнению кадров внутри данной системы [3, с. 239—240]. Во всех случаях расторжение трудового договора по инициативе адми-

нистрации должно всемерно гарантировать права рабочих и служащих, при этом должны также неуклонно соблюдаться интересы государства. Дополнительной гарантией охраны права молодых специалистов на труд является положение о том, что прекращение трудового правоотношения с выпускниками высшего или среднего специального учебного заведения по инициативе администрации не снимает обязанности по трудоустройству с министерства (ведомства), которому подчинено соответствующее предприятие, учреждение.

Особое правовое положение женщин определяется наличием специальных юридических гарантий, обеспечивающих право женщин на труд. Одной из важнейших из них является защита от незаконных увольнений. В этой связи пленум Верховного Суда СССР в п. 3 постановления от 22 января 1974 г. указал, что, рассматривая дела, по которым иски о восстановлении на работе предъявлены женщинами, суды обязаны проверять, соблюдены ли при их увольнении требования ст. 73 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, устанавливающей, что увольнение беременных женщин, матерей, кормящих грудью, и женщин, имеющих детей в возрасте до одного года, по инициативе администрации не допускаются, кроме случаев полной ликвидации учреждения, предприятия, организации, когда увольнение может иметь место лишь с обязательным трудоустройством.

Все упомянутые требования к порядку расторжения трудового договора с рабочими и служащими по инициативе администрации должны соблюдать при увольнении как по общим, так и по дополнительным основаниям. Статья 234 КЗоТ УССР предусматривает, что в случае увольнения с нарушением установленного порядка рабочих или служащих должен быть восстановлен на прежней работе.

В целях обеспечения гарантий существования права на труд во времени необходимо, по нашему мнению, установить в законодательном порядке сроки, в течение которых допускается увольнение рабочих и служащих по пп. 2 и 3 ст. 41 КЗоТ УССР. Как указал пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 19 октября 1971 г. № 6 «О применении в судебной практике Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде», с дополнениями, внесенными постановлением пленума Верховного Суда СССР от 22 января 1974 г. [5, с. 21—27], при рассмотрении дел о восстановлении на работе лиц, уволенных по указанным основаниям (пп. 2, 3 ст. 41 КЗоТ УССР), судам следует принимать во внимание время, истекшее с момента совершения аморального проступка и виновных действий (бездействий) работником, положенных в основу увольнения за утрату доверия. Однако отсутствие на этот счет указаний в законе ведет к установлению каждым судом своего мнения, т. е. к разному в практике. На наш

взгляд, следует согласиться с предложением А. К. Безиной [1, с. 139] о целесообразности установить возможность реализации администрацией права на прекращение договора по пп. 2 и 3 ст. 41 КЗоТ УССР не позднее 6 месяцев со дня их обнаружения.

Список литературы: 1. *Безина А. К.* Вопросы теории трудового права и судебная практика. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976.—174 с. 2. *Давидович Я. И.* Правовое регулирование труда молодых рабочих и специалистов. — Соц. труд, 1960, № 6, с. 21—28. 3. *Орловский Ю. П.* Труд молодежи в СССР. — М.: Наука, 1974.—256 с. 4. *Смирнов О. В.* Основные принципы советского трудового права. — М: Юрид. лит., 1977.—215 с. 5. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1980, № 3. 6. Ведомости Верховного Совета СССР, 1972, № 39, ст. 347. 7. Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР, 1980, № 10, с. 25—32.

Поступила в редколлегию 25.05.81.

Ю. В. БАУЛИН

Харьков

ПРЕДЕЛЫ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРЕСТУПНИКУ ПРИ ЕГО ЗАДЕРЖАНИИ

Статья 15 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» предусматривает, что «действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику»*. Очевидно, что вынужденное причинение вреда при задержании преступника не может быть безграничным и в каждом отдельном случае имеет свои пределы, установление которых определяет по существу объем права граждан на насильственное задержание преступника, а также имеет важное значение для оценки их действий. Пределы причинения вреда при задержании преступника характеризуют такое условие правомерности его причинения, как соразмерность вреда. Несоблюдение последних, т. е. выход за пределы дозволенного вреда, свидетельствует о неправомерности его причинения, что при определенных условиях влечет уголовную ответственность.

Хотя вопрос о пределах причинения вреда преступнику и является вопросом факта, представляется возможным предложить более определенное его решение. Известно, что только ч. 3 ст. 15 УК УССР и ч. 3 ст. 13 УК УзССР указывают на пределы причинения вреда преступнику, устанавливая, что правомерным признается вред, если он соответствовал опасности посягательства

* Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 23, ст. 782.

и обстановке задержания преступника, причем не каждому в отдельности из названных обстоятельств, а тому и другому вместе. Следовательно, решение вопроса о пределах причинения вреда преступнику зависит от соотношения, в котором находится, с одной стороны, причиненный преступнику вред, а с другой — опасность совершенного им посягательства и обстановка задержания преступника.

При определении опасности посягательства следует исходить из того, что она тождественна понятию общественной опасности преступления, так как правовым основанием задержания преступника является совершение лицом преступления, т. е. общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (ч. 1 ст. 7 УК УССР). Характер общественной опасности зависит от объекта, на который направлено посягательство, при этом она тем выше, чем более значительна ценность этого объекта. Поэтому в отдельных случаях, исходя только из ценности объекта посягательства, можно сделать вывод о соответствии причиненного преступнику вреда опасности совершенного им преступления. Так, причинение тяжкого вреда при задержании преступника, посягнувшего на основы государственного или общественного строя, государственной или общественной безопасности, всегда будет соответствовать опасности содеянного им. Однако объект посягательства неполно характеризует опасность преступления. Например, причинение различной тяжести телесных повреждений наносит ущерб одному и тому же объекту — здоровью человека, однако общественная опасность сравниваемых преступлений неодинакова. Следовательно, преступное посягательство характеризуется и степенью общественной опасности, которая главным образом зависит от причиненного преступлением вреда. При совершении умышленного преступления важно учитывать также орудия и способ его совершения, свидетельствующие о субъективных устремлениях преступника, особенно в случаях, когда причиненные последствия являются лишь частью желаемого им результата. В подобных ситуациях опасность посягательства определяются тем вредом, который преступник намеревался причинить социальным благам, т. е. потенциальным, а не реально причиненным вредом. К. с целью совершения убийства нанес Н. несколько ударов ножом, фактически причинив легкое ранение, и бросился бежать, однако был задержан, причем при задержании ему были причинены тяжкие телесные повреждения. В такой ситуации опасность совершенного определяется тем, что К. намеревался убить потерпевшего, и поэтому вывод о соответствии причиненного ему вреда при задержании необходимо делать, учитывая, что К. совершил покушение на убийство, а не исходить из фактически причиненных телесных повреждений.

Итак, опасность совершенного преступником посягательства зависит от ценности объекта посягательства, а также конкрет-

ного характера и размера потенциального или фактического вреда, причиненного этому объекту. Представляется, что именно опасность посягательства и определяет тот максимум вреда, причинение которого допустимо в целях задержания преступника. Ведь общепризнанно, что достижение даже общественно полезной цели не может быть оправдано применением любых средств. Поэтому неоправдано причинение преступнику при задержании вреда, явно не соответствующего опасности содеянного им. Это положение полностью соответствует социалистической морали и гуманизму. Следовательно, опасность посягательства определяет *предел допустимого вреда, причиняемого преступнику при его задержании*. При этом соотношение опасности посягательства и этого предела носит характер прямой зависимости. Чем опаснее совершенное преступление, тем более тяжкий вред может быть причинен преступнику, и, напротив, чем менее тяжкое совершено посягательство, тем меньше вред может быть причинен при задержании. Очевидно, что пределы причинения вреда при задержании участника бандитского нападения несравненно шире, чем при задержании вора, а пределы причинения вреда при задержании грабителя уже, чем при задержании убийцы, и т. д. Главным в определении этих пределов является объективный критерий, позволяющий установить, соответствует ли действительно причиненный преступнику вред опасности совершенного им преступления. Этот вывод можно сделать путем сопоставления характера и размера конкретного вреда, который преступник причинил или намеревался причинить определенным ценностям, с тем вредом, который был причинен самому преступнику.

При однородности того и другого вреда необходимо сравнить их, если возможно, с помощью критериев, указанных в законе или выработанных судебной практикой и наукой уголовного права (например, по степени тяжести телесных повреждений, по стоимости похищенного, уничтоженного или поврежденного имущества и т. п.). В случае же сопоставления качественно неоднородного вреда, а также при невозможности соизмерить с помощью одних и тех же критериев однородный вред (например, соотнести вред, причиненный уничтожением личного имущества преступника, с размером совершенного им хищения государственного или общественного имущества) в основу необходимо положить прежде всего ценностную характеристику того и другого вреда. При этом следует исходить из относительной ценности благ, которым причинен ущерб. Очевидно, например, что жизнь человека — более важная ценность, чем его здоровье; жизнь и здоровье — большая ценность, чем имущество; в свою очередь социалистическое имущество более ценно, чем личное, и т. д. Однако указанное соотношение ценностей не является абсолютным. В иных случаях ценность похищенного государственного имущества может быть равной или

даже большей, чем вред, причиненный здоровью преступника. Поэтому решение вопроса о сравнительной ценности благ общества и преступника, которым причинен вред, в каждом отдельном случае зависит от конкретных обстоятельств дела. Необходимо прежде всего учитывать количество однородных ценностей, которым причинен вред. Так, ценность здоровья нескольких лиц, которым преступник причинил, вред, выше, чем здоровье, имущество, а в иных ситуациях и жизнь самого преступника. В отдельных случаях, далее, подлежит учету то обстоятельство, что вред причиняется одновременно нескольким разнородным благам. При разбойном нападении, например, когда вред причиняется здоровью и имуществу гражданина, совокупность этих ценностей выше, чем вред, причиненный здоровью преступника. Имеет значение, наконец, конкретный размер потенциального или реального вреда, который причинен сравниваемым благам. Качественная оценка соотношения причиненного преступнику вреда при его задержании и опасность совершенного им посягательства определяется также интересами повышения активности и развития инициативы населения в борьбе с преступностью, укрепления законности в отношениях между гражданами, социалистическими правовыми принципами, моральным кодексом строителя коммунизма и правосознанием в социалистическом обществе. То или иное решение вопроса об указанном соотношении и определит, соответствовал ли причиненный преступнику вред опасности совершенного им посягательства, т. е. пределу допустимого вреда, который может быть причинен преступнику при его задержании.

Однако причинение преступнику вреда, даже соответствующего опасности совершенного им посягательства, не всегда правомерно. Так, тяжкое телесное повреждение, нанесенное с целью задержания участника разбойного нападения, соответствует опасности учиненного им преступления. Но если у гражданина в данном случае имелась реальная возможность задержать преступника посредством явно меньшего вреда, то причинение тяжкого ранения не является, конечно, оправданным. Законодатель поэтому и определяет, что правомерным признается причиненный преступнику вред, если он соответствует не только опасности посягательства, но одновременно и обстановке задержания преступника. Обстановка задержания преступника — это условия, характеризующие противодействующего преступника, силы, возможности и средства гражданина, производящего его задержание, а также разнообразные объективные условия осуществления этого акта. К ней относятся место, время задержания, пол, возраст, физические силы, вооруженность, количество преступников и задерживаемых лиц, способ и степень интенсивности оказываемого преступником сопротивления и иные условия задержания, исчерпывающий перечень которых дать невозможно. Поэтому установление и всесторонний учет

всех условий задержания — необходимая предпосылка для объективной оценки правомерности вреда, причиненного преступнику. Необходимо, однако, иметь в виду, что в силу различных обстоятельств гражданин может неправильно оценить как опасность совершенного посягательства, так и обстановку задержания преступника, что может повлечь причинение преступнику более тяжкого вреда, чем это допустимо в данном случае. В подобных ситуациях ответственность за этот вред определяется по правилам фактической ошибки.

Очевидно, что обстановка задержания преступника в одних случаях может складываться в пользу гражданина, осуществляющего задержание, а в других, напротив, — в пользу противодействующего преступника, что различным образом влияет на определение пределов причинения ему вреда при задержании. Следует поэтому различать два вида обстановки задержания преступника — благоприятную и неблагоприятную.

Благоприятной является обстановка задержания, когда гражданин имеет преимущество в силе, вооруженности и т. д. над противодействующим задержанию преступником. Такая обстановка свидетельствует, что задержание преступника вполне возможно путем причинения ему меньшего вреда по сравнению с тем максимумом допустимого, который определяется опасностью совершенного посягательства. В таких случаях максимально допустимый вред является большим, чем требуется для задержания преступника. Следовательно, благоприятная обстановка задержания преступника определяет *предел достаточного вреда, причиняемого преступнику в целях его задержания*, причем соотношение этого предела и благоприятной обстановки задержания находится в обратной зависимости: чем более благоприятно складывается для задерживающего обстановка задержания, тем уже предел причинения вреда преступнику, тем меньше вред является достаточным для его задержания. Если же благоприятная обстановка задержания вообще свидетельствует об отсутствии надобности в причинении преступнику какого-либо вреда, то ответственность за причиненный в этом случае вред должна определяться на общих основаниях.

Неблагоприятной следует признавать обстановку задержания, когда соотношение сил, возможностей и средств гражданина и противодействующего преступника одинаково, а равно в случае превосходства преступника над задерживающим его лицом. Такая обстановка означает, что задерживающий гражданин находится в невыгодном положении и это оправдывает причинение им противодействующему преступнику максимально допустимого вреда, определяемого опасностью совершенного им посягательства. Подобные ситуации имеют место, когда у гражданина отсутствует реальная возможность осуществить задержание преступника путем причинения меньшего вреда или

менее опасным способом. Соотношение между причиняемым преступнику вредом и неблагоприятной обстановкой его задержания состоит в том, что чем менее благоприятно складывается обстановка задержания, тем больший вред является оправданным для задержания преступника. Предельным, однако, как уже отмечалось, признается вред, соответствующий опасности совершенного преступником посягательства.

Итак, следует различать два вида пределов вреда, причиняемого преступнику при его задержании, границы которых обуславливаются той обстановкой, в которой осуществлялось задержание. Под этим углом зрения необходимо выделять благоприятную и неблагоприятную обстановку задержания преступника. Благоприятная обстановка задержания определяет предел достаточного вреда, сущность которого заключается в том, что причиняемый вред противодействующему преступнику в благоприятной обстановке его задержания не должен явно превышать вред, достаточный для задержания данного преступника. Сущность же предела допустимого вреда сводится к тому, что причиняемый вред противодействующему преступнику в неблагоприятной обстановке его задержания не должен явно превышать опасность совершенного им посягательства, т. е. тот фактический или потенциальный вред, который преступник причинил или мог причинить конкретному объекту посягательства. Эти два вида пределов вреда, причиняемого преступнику при его задержании, вполне отражают законодательную характеристику условия о его соразмерности: в первом и втором случаях причиняемый преступнику вред должен одновременно соответствовать как опасности совершенного им посягательства, так и обстановке его задержания.

Поступила в редколлегию 28.12.79.

СОДЕРЖАНИЕ

Горшенев В. М. Генетические основы теории юридического процесса	4
Комаров В. В. Повышение эффективности правового регулирования процессуальных отношений (гносеологический аспект)	11
Олейников С. Н. К вопросу о методологии теории юридического процесса	16
Бенедик И. В., Погребной И. М. К вопросу о структуре процессуальной формы	20
Крупин В. Г. О природе и разновидностях учредительно-процессуальных норм в советском праве	26
Новиков Е. В., Шахов И. Б. Структура контрольного процесса и место в нем правоприменительных актов	32
Додин Е. В. Процессуальные формы профилактики административных проступков	36
Побирченко И. Г. Предмет хозяйственного процессуального права	41
Логинов П. В. К вопросу об элементах иска в гражданском процессе	48
Радченко П. И. О подведомственности суду споров об увольнении работников по инициативе администрации в свете Конституции СССР 1977 года	53
Юрков Б. Н. Исполнение судебных решений по жалобам на действия административных органов	57
Грашовой Ю. М. Функции профессионального правосознания судьи в механизме принятия решения по уголовному делу	60
Зеленецкий В. С., Колтунов Г. С. Пределы исследования предмета доказывания в советском уголовном процессе	69
Михеенко М. М. Гносеологическая и юридическая сущность уголовно-процессуального доказывания	75
Финько В. Д. Представление прокурора об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий при производстве по уголовному делу	82
Бакаев Д. М. Принципы организации и деятельности советской прокуратуры	88
Альперт С. А. О процессуальных функциях прокурора в советском уголовном судопроизводстве.	94
Марочкин И. Е. Общественное мнение и предварительное расследование уголовных дел	101
Шумилин С. Ф. Процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности в стадии предания суду	109
Хотенец В. М. О полномочиях кассационной инстанции на изменении приговора	116
Постовой Д. А. Развитие советского законодательства о судебном надзоре	121
Сапошинский Я. С. Документы и протоколы как объекты судебно-товароведческой экспертизы	129
Грушинский И. М. Юридические гарантии расторжения трудового договора по дополнительным основаниям	134
Баулин Ю. В. Пределы причинения вреда преступнику при его задержании	139